

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 2 (81) 2022

Донецк

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ОСНОВАН
В 1999 году

Выпуск № 2(81) 2022 год

Учредитель – Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» (ДОННУ)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Разумный В.В., к-т ист. наук (ДОННУ);

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук (ДОННУ);

Отв. секретарь – Посредников Д.В., к-т ист. наук (ДОННУ);

Агапов В.Л., д-р ист. наук (ДОННУ);

Бредихин А.В., д-р ист. наук (ДОННУ);

Колесник А.В., д-р ист. наук (ДОННУ);

Кузнецова Е.В., к-т полит. наук (ДОННУ);

Морозов Р.Н., к-т ист. наук (ДОННУ);

Пенькова О.Б., к-т ист. наук (ДОННУ);

Черкашин К.В., к-т полит. наук (ДОННУ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В., д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, РФ);

Беловолов Ю.Г., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Ерхов Г.П., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Кияшко А.В., д-р ист. наук (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ);

Кринко Е.Ф., д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, г.Ростов-на-Дону, РФ);

Липинский В.В., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Саржан А.А., д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет);

Шендрикова С.П., д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского г. Симферополь, РФ);

Шепко Л.Г., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет);

Цыганков П.А., д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, г. Москва, РФ)

Индексация журнала

Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
(лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г.);

Журнал входит

в перечень рецензируемых научных изданий Донецкой Народной Республики (приказ Министерства образования и науки ДНР от 01.11.2016 г., № 1134)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Адрес редакции:

283001, г. Донецк,
ул. Университетская, 22,
исторический факультет

Тел. +38 (062) 302-07-25

e-mail: donnu.hist@donnu.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
31.05.2022 (протокол № 5)*

*Выпуск подготовлен в Донецком национальном университете
под редакцией С.В.Беспаловой, ректора университета, д-ра физ.-мат. наук, профессора*

Ж92 Журнал исторических, политологических и международных исследований: научный журнал. – Донецк, 2022. – № 2(81). – 115 с.

ISSN 2079-9152

В очередном выпуске научного журнала представлены статьи по истории, политологии и международным отношениям. Авторы посвятили свои работы актуальным проблемам современности. Важное место отведено изучению истории Донбасса и России как неотъемлемых частей единого русского культурно-цивилизационного пространства.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.**

**Лицензионный договор с библиографической базой данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
№117-03/2016 от 9 марта 2016 г**

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2022

© Авторский коллектив выпуска, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Манько Н.В. Население Донбасса и Северо-Восточного Приазовья в неолитическую эпоху по данным антропологии: состояние проблемы. 6

ИСТОРИОГРАФИЯ

Шульга Д.П., Ющенко Д.А. Историография и актуальные проблемы изучения Великого Шелкового пути. 14

Разумный В.В., Гречихин К.А. Изучение социально-экономического развития Ирака в период 1979 – 2003 гг. в западной историографии. 25

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Шабельников В.И. Создание и функционирование системы управления территориями в Донбассе (1919–1932 гг.). 32

Пенькова А.О. Система подготовки иностранных студентов в советских вузах как фактор внешней политики. 42

Околотин В.С. Роль Государственного комитета обороны в восстановлении машиностроительных заводов Донбасса осенью 1943 года. 49

Старченко Н.Н. Продовольственное и промышленное снабжение в послевоенном Сталино (1943-1953 гг.). 54

Агапов В.Л. Весенняя 1991 г. забастовка в Донбассе: масштабы и экономические последствия. 62

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Шепко Л.Г., Панасенко Д.А. Военские награды в системе общественных ценностей римского общества. 75

Носко К.Г. Салоны и придворные группы во Франции XVIII в. 86

Бредихин А.В., Приходько Д.С. Особенности возникновения «Имперской комиссии по военным захоронениям» в Великобритании (1917 – 1927 гг.). 97

ПОЛИТОЛОГИЯ

Посредников Д.В. Украинская православная церковь в условиях проведения специальной военной операции РФ на Украине. 105

CONTENT

ARCHEOLOGY

Manko N.V. The population of Donbass and the North-Eastern Azov Region in the Neolithic Era according to anthropology data: the state of the problem. 6

HISTORIOGRAPHY

Shulga D.P., Yushchenko D.A. Historiography and current problems of the study of the Great Silk Road. 14

Razumny V.V., Grechikhin K.A. Study of the socio-economic development of Iraq in the period 1979 – 2003 in Western historiography. 25

NATIONAL HISTORY

Shabelnikov V.I. Creation and functioning of the territory management system in the Donbass (1919 – 1932). 32

Penkova A.O. The system of training foreign students in Soviet universities as a factor in foreign policy. 42

Okolotin V.S. The role of the State Defense Committee in the restoration of machine-building plants in Donbass in the autumn of 1943. 49

Starchenko N.N. Food and industrial supply in post-war Stalino (1943-1953). 54

Agapov V.L. Spring 1991 Strike in Donbass: scale and economic consequences. .. 62

THE WORLD HISTORY

Shepko L.G., Panasenko D.A. Military awards in the system of public values of Roman society. 75

Nosko K.G. Salons and court groups in XVIII-th century France. 86

Bredikhin A.V., Prikhodko D.S. Features of the Emergence of the "Imperial War Graves Commission" in Great Britain (1917 – 1927). 97

POLITICAL SCIENCE

Posrednikov D.V. The Ukrainian Orthodox Church in the context of the special military operation of the Russian Federation in Ukraine. 105

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902(477.6)"634":572

Н.В. Манько

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nikita_manko98@mail.ru

НАСЕЛЕНИЕ ДОНБАССА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

Статья посвящена антропологическому составу населения Донбасса и Северо-Восточного Приазовья в неолитическую эпоху, во время которой наблюдается переход к новым формам производящей экономики. Автор приводит имеющиеся на сегодняшний день данные из неолитических погребений на рассматриваемой территории, а также акцентирует внимание на неполноте имеющейся информации и делает вывод о необходимости дальнейших анализов антропологического материала и новых археологических исследованиях в регионе.

Ключевые слова: *неолит, Донбасс, Северо-Восточное Приазовье, антропология, заболевания.*

Summary

The article is devoted to the anthropological composition of the population of Donbass and the North-Eastern Azov region in the Neolithic era, during which there is a transition to new forms of productive economy. The author cites the modern available data from Neolithic burials in the consideration territory, and also focuses on the incompleteness of the available information and concludes that further analyses of anthropological material and new archaeological research in the region are necessary.

Keywords: *Neolithic; Donbass; North-Eastern Azov region; anthropology; diseases.*

Введение. Глобальная система «Природа-Общество-Человек» в неолитическую эпоху по-прежнему напрямую детерминировала систему расселения и выработку оптимальных стратегий пользования местными

пищевыми и непищевыми ресурсами, демографический состав населения, а также качество и продолжительность жизни людей [1]. В свою очередь, каждое действие, направленное на выживание в условиях среды обитания, а также происходящее на фоне этого взаимодействие внутри первобытного коллектива, накладывало свой отпечаток непосредственно и на организм древнего человека, становясь своеобразным маркером этой деятельности, сохраняющимся, в том числе, и в посмертном состоянии. Подобные маркеры, отображающиеся на остеологическом и одонтологическом материале в погребальных памятниках, а также на различных органических остатках со стоянок и поселений, позволяют нам сегодня получить представление о таких вещах, как среднее значение прижизненного веса и роста погребенных индивидов, частоту получаемых ими травм и болезней, особенности рациона питания, приблизительные показатели детской/взрослой смертности и т.д. [2-3].

Доступный для анализа антропологического состава и образа жизни неолитических сообществ Донбасса и С-В Приазовья корпус памятников сегодня представлен, преимущественно, целым рядом погребений. Наибольшее число антропологического материала различной степени сохранности было получено в С-В Приазовье в ходе раскопок на месте строительства завода «Азовсталь», где в 1930 г. экспедицией под руководством Н.Е. Макаренко был открыт Мариупольский могильник нео-энеолитического времени, насчитывающий 124 погребения [4]. Кроме того, на сегодняшний день известно 7 погребений близ многослойного поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону, 6 из которых были открыты и опубликованы Т.Д. Белановской в 70-е гг. [5], и ещё одно было обнаружено на территории самого поселения в ходе современных раскопок ростовской экспедиции А.В. и В.В. Цыбриев в 2018 г. (автору не известна публикация данных материалов), а также единичное погребение на стоянке раннего неолита Клешня-3 на Северском Донце [6].

Физический облик местного населения. К сожалению, основной массив антропологического материала из Мариупольского могильника на сегодняшний день считается утерянным, и сведения о нём сохранились лишь частично, тогда как костяки из других погребений до сих пор не проанализированы на должном уровне, что также не позволяет получить из них максимально полное количество необходимой информации. Вместе с тем, даже та часть имеющихся сведений, всё равно позволяет сформировать достаточно чёткое представление, как минимум, о физическом типе населения, проживавшего на данной территории.

На сегодняшний день неолитическое население всего Днепро-Донского междуречья антропологически определяется как протоевропейский тип *Homo Sapiens*, местные культурные образования которого, вероятнее всего, были генетически связаны друг с другом. На это указывали ряд антропологов, анализировавших материалы из местных погребальных памятников.

Так, И.Д. Потехина, специалист в области изучения антропологии населения Днепро-Донского междуречья, рассматривая многочисленные черепа погребенных из могильников мариупольского типа, хотя и отмечала

антропологическую неоднородность среди обитателей Днепро-Донецкой культурно-исторической общности (ДДКИО), вместе с тем, указывала на их сходство с представителями ракушечной культуры Нижнего Дона [7, с. 145]. В свою очередь, возможность генетического единства местного населения отмечалась еще в 1960-е гг. И.И. Гохманом, проанализировавшим, в том числе, и черепа из погребений № 21 и 50 Мариупольского могильника [8, с. 164-170].

Говоря же непосредственно о физическом типе обитателей ДДКИО, то здесь мы наблюдаем следующую ситуацию. И.Д. Потехина выделяет 2 типа неолитических черепов для местного населения – долихокранные (тип I) и мезокранные (тип II) с различными вариантами массивности и, в большинстве своём, отличающиеся от показателей черепов предшествовавшего мезолитического населения [7, с. 132-144]. Г.Ф. Дебец, в целом, отмечал массивность костяков, а также указывал на то, что средний рост погребённых по соотношению длины ног к длине тела составляет 169,7 см при среднем весе мужского населения в 75,5 кг, что делает их более высокорослыми и длинноногими, по сравнению с любым из представителей современных народов Евразии к северу от Гималаев [9, с. 16-17]. Аналогичные сведения нам даёт также анализ ракушечных погребений, где двое мужчин, отличались крепким физическим телосложением, а одна из женщин имела грацильное сложение. Рост погребённых также был выше среднего (169 см у мужчины из погребения № 5, а также 158 см у женщины из погребения № 6) [5]. В свою очередь, небольшим исключением является погребённая женщина со стоянки Клешня-3, рост которой составлял не более 155 см [6, с. 10]. Вместе с тем, на протяжении всей неолитической эпохи продолжает фиксироваться незначительное уменьшение роста европейского населения на 2-3 см [3, с. 97].

Примечателен также и тот факт, что среди ракушечных погребений все шесть проанализированных костяков принадлежали людям, умершим в зрелом возрасте, а один из мужчин и вовсе на момент смерти пребывал в старческом возрасте. Здесь следует также отметить, что для времени позднего каменного века, в целом, характерно увеличение продолжительности жизни у взрослого населения. Вместе с тем, на всех погребальных памятниках практически не зафиксировано детских погребений, что невозможно при сохранявшемся высоком уровне детской смертности для данного периода. В качестве примера подобных находок можно указать лишь 6 детских и подростковых погребений из Мариупольского могильника [4, с. 16 – 17], а также фрагмент детского черепа, расположенный над черепом умершей женщины в погребении Клешня-3 [6]. Вероятнее всего, обряд погребения младших представителей общества проходил иначе, чем обряд погребения у взрослых, и был непосредственно связан с системой неолитических погребальных практик.

Влияние образа жизни на конституцию неолитических людей. Помимо расово-этнических характеристик населения, антропологический материал также отражает особенности образа жизни и влияние внешних природных условий, проявляющихся в виде следов болезней, полученных травм и разного

рода врожденных патологий, описываемых в антропологии как маркеры различных стрессов. Однако если травмы и патологии ещё подвергаются объяснению субъективными факторами в виде стечения обстоятельств либо генетических мутаций организма, то следы и проявления различных болезней, особенно в масштабах целой общины, уже больше продиктованы рядом внешних факторов.

При изучении стрессов и аномалий развития среди представителей неолитических сообществ Донбасса и С-В Приазовья ощущается недостаточная база данных. В этом случае уместно использовать сравнительные материалы, накопленные сегодня отечественными и зарубежными исследователями в ходе анализа погребальных памятников, как на территории Днепро-Донского междуречья, так и в более широких масштабах – во многих регионах Европы, Ближнего Востока и Малой Азии. Их население, нередко, имело достаточно схожие условия обитания, хозяйственные модели и рацион питания, испытывало схожие стрессовые реакции при развитии организма в детский период. Приведение аналогий в виде антропологического материала из подобных соседствующих друг с другом либо обособленных территорий позволяет сделать ряд предположений о возможных болезнях либо особенностях рациона питания уже у представителей обществ Донбасса и С-В Приазовья. Разумеется, в дальнейшем эта экстраполяция требует верификации на основе местного антропологического материала.

Следует отметить, что опубликованные материалы позволяют провести и раскрыть, как минимум одну аналогию подобного рода. Так, анализ одонтологического материала из неолитических могильников в районе Среднего и Нижнего Поднепровья показал, что для обитателей Днепро-Донского междуречья в данный период было характерно отсутствие таких болезней как кариес, что уже указывает на отсутствие в рационе питания продуктов кариесогенного характера, в первую очередь – углеводов. Кроме того, исследователями было отмечено сильное распространение у многих погребенных индивидов зубного камня (87,5 % от всего количества) и сильную истертость самих зубов, что говорит о том, что в их рационе питания присутствовала, в основном, белковая пища – орехи, пресноводная рыба, а также мясо диких и домашних животных [10]. Весьма схожую ситуацию отмечает также и Т.Д. Белановская, указывающая на хорошее состояние зубов и отсутствие на них следов болезней у индивидов в ракушечноярских погребениях. По-видимому, существенного влияния на состояние зубов не оказывало также и употребление различных диких зерновых культур, иногда имевшее место в данном регионе.

Вместе с тем, говоря о влиянии на человека образа жизни, связанного с производящим хозяйством, следует отметить, что еще «задолго до широкого распространения одомашненных зерновых сама по себе оседлость создала условия для скученности, ставшие идеальными «кормовыми площадками» для патогенов» [11, с. 122]. Компактное проживание на одном месте в течение

долгого времени большой (по меркам неолита) группы людей, соседствующих при этом с большим числом одомашненных животных, являющихся возбудителями многих болезней, нередко становилось фактором появления различных паразитических заболеваний либо даже эпидемий. При этом тип ведения присваивающего хозяйства (земледелие или скотоводство) порождал различные типы заболеваний. Для обществ Донбасса и С-В Приазовья характерна скотоводческая модель хозяйства с сохраняющейся высокой долей охоты и рыболовства [12-13], что указывает на диких и домашних животных как основной возбудитель различных болезней.

Так, для обществ, хозяйственная модель которых базировалась на скотоводстве и для которых характерным было постоянное соседство с большим числом животных, уже с периода неолита становятся характерными такие зоонозные инфекции, как бруцеллёз, переносимый бактериями *Brucella*, и туберкулёз, возбудителем которого являются бактерии *Mycobacterium tuberculosis*, и которые, как считается, берут своё начало на территории Ближнего Востока и Передней Азии [3, с. 89 – 91]. Обе болезни характеризуются множественным поражением органов и систем человеческого организма, а их возбудителям подвержены все виды домашних животных – крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, птицы и лошади. Привнесение же подобных болезней на территорию Донбасса и С-В Приазовья вместе с самой моделью скотоводческого хозяйства, если и имело место, то вполне могло происходить с территории Передней Азии либо Ближнего Востока через кавказский путь неолитизации, признаваемый сегодня многими исследователями, но которые, вместе с тем отмечают, что, по крайней мере, для раннего неолита тамошние хозяйственные модели не были переняты [14-15]. Нельзя исключать также и то, что болезни подобного рода могли проникнуть на данную территорию в уже более поздние периоды энеолита или бронзового века, когда миграционный процесс более отчетливо проявлялся.

В свою очередь, для оседлых обществ характерны также и болезни, связанные со значительным увеличением плотности населения, чему способствовал также и низкий уровень санитарных условий. Одним из основных видов болезней ранних земледельцев, как уже было рассмотрено выше, являются различные зубные патологии, не выявленные у населения Днепро-Донского междуречья. Вместе с тем, другим видом болезней, характерных в условиях оседлого проживания большого скопления людей, являются различные паразитические кишечные заболевания. Именно такой вид заболеваний недавно был выявлен среди раннеземледельческого населения протогорода Чатал-Хююк в Турции, известного своей высокой плотностью заселения [16]. Однако, несмотря на то, что для ДДКИО характерны меньшие по площади поселения, вмещавшие гораздо меньшее количество обитателей, их частое соседство с крупными долго функционирующими погребальными памятниками (по типу Мариупольского могильника), вкупе с упоминавшимся санитарными

условиями, вполне вероятно, могло приводить к вспышкам различного рода болезней подобного характера.

Кроме того, при рассмотрении вопроса о влиянии определенных форм хозяйственной деятельности на человека и его физическое состояние, необходимо также рассмотреть такие понятия, как палеодиета и стрессовый износ костей. Так, на сегодняшний день известно большое количество методов палеодиетических реконструкций [17], связанных, преимущественно, с применением различных методик химического и биохимического анализа органического материала. Однако подобный анализ находок из неолитических памятников Донбасса и С-В Приазовья не проводился, что также делает весьма затруднительными какие-либо определенные выводы об особенностях питания различных групп населения на данной территории.

Вместе с тем, пролить свет на многие белые пятна в области заболеваний и палеодиеты неолитических жителей для данной территории мог бы анализ таких органических остатков, как копролиты. В первую очередь, это касается поселения Ракушечный Яр, где сравнительно недавно в культурном слое памятника было обнаружено значительное число копролитов, однако исследователями не упоминался их биологический источник [18].

Говоря же о стрессовом износе костей первобытного человека, то на сегодняшний день данная область антропологии является весьма плодотворным направлением среди отечественных и зарубежных исследователей [19-20]. Среди населения Днепро-Донского междуречья подобному анализу подверглись индивиды, погребенные в днепровском неолитическом могильнике Вовниги II. Исследование краниологической коллекции из 25 черепов взрослых особей показало, что у 8 мужчин и 2 женщин наблюдался экзостоз наружного слухового прохода, являющийся следствием длительного пребывания в воде при различных температурах, и фиксирующийся у представителей культур, активно эксплуатирующих водные ресурсы и обитающих в прибрежных районах [21]. Именно подобная экономическая модель, где важную роль играло активное сезонное либо круглогодичное рыболовство, а также проживание в районе крупных рек и озёр, прослеживается у обитателей как Днепровского Надпорожья [22], так и всего неолитического населения ДДКИО в целом [12-13]. Это, в свою очередь, указывает на то, что схожие стрессовые проявления могут наблюдаться у индивидов из неолитических погребений в других частях региона.

Заключение. Современный уровень имеющихся данных позволяет нам весьма точно говорить о физическом типе местного населения, имевшего более массивные, по сравнению с современным человеком, пропорции тела, а также позволяет утверждать об увеличении общей продолжительности жизни по сравнению с более ранними периодами каменного века. Вместе с тем, обратной стороной данного процесса выступает появление большого количества новых паразитических болезней и, возможно, массовых заболеваний (эпидемий (?)), вызванных постоянным соседством с домашними животными, а также возрастающим количеством населения, что является следствием начавшегося

перехода к оседлому образу жизни. Вместе с тем, на сегодняшний день продолжает сохраняться проблема, связанная с недостаточным количеством хорошо сохранившегося антропологического материала, а также его слабой изученности современными естественнонаучными методами. В данной ситуации наблюдается острая необходимость новых археологических исследований в регионе, что в дальнейшем позволит лучше раскрыть темы, связанные с вопросами палеодиеты, средней продолжительности жизни, уровнем детской и взрослой смертности, заболеваниями, патологиями, провести различные генетические исследования и т.д.

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР.

Ссылки и примечания:

1. Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. – М.: Мысль, 1982. – 334 с.
2. Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. – М.-Л.: Наука, 1965. – 304 с.
3. Бужилова А. П. Homo sapiens. История болезни / Ин-т археологии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.
4. Макаренко М. Маріюпільський могильник. – К., 1933. – 152 с.
5. Белановская Т. Д. Погребения близ неолитического поселения Ракушечный Яр у станицы Раздорской Ростовской области // Палеолит и неолит СССР. Т.VII. / Материалы и исследования по археологии СССР. – Л., 1972. – № 185. – С. 262-270.
6. Манько В. А., Телиженко С. А. Ранненеолитическая стоянка Клешня-3 на Среднем Донце // Древности Северского Донца. – Луганск: Шлях, 2000. – № 4. – С. 5-34.
7. Потехина И. Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. – К., 1999. – 216 с.
8. Гохман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк) / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – М.: Наука, 1966. – 225 с.
9. Дебец Г. Ф. Физический тип людей днепро-донецкой культуры // Советская археология. – 1966. – № 1. – С. 14-22.
10. Lillie M., Budd C. The Mesolithic-Neolithic Transition in Eastern Europe: Integrating Stable Isotope Studies of Diet with Palaeopathology to Identify Subsistence Strategies and Economy // Human Bioarchaeology of the Transition to Agriculture / Ed by R. Pinhasi, J.T. Stock. – Wiley-Blackwell, 2011. – P. 43-62.

11. Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Перевод с английского И. Троцук. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 328 с.
12. Котова Н.С. Неолитизация Украины. – Луганск: Шлях, 2002. – 268 с.
13. Цыбрий В.В. Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. – Ростов-на-Дону: АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 205 с.
14. Gorelik A., Tsybrij A., Tsybrij V. The Caucasian route of Neolithization in the Pontic-Caspian region // *Foraging Assemblages*. – Belgrad, 2015. – Vol. 2. – P. 720-726.
15. Gorelik A., Tsybrij A., Tsybrij V. 'Neolithisation' in the NE Sea of Azov region: One step forward, two steps back? // *Documenta Praehistorica*. – 2016. – Vol. XLIII. – P. 139-160.
16. Ledger M. L., Anastasiou E., Shillito L.-M., Mackay H., Bull I. D., Haddow S. D., Knüsel C., Mitchell P. D. Parasite infection at the early farming community of Çatalhöyük // *Antiquity*. – 2019. – Vol. 93 (369). – P. 573-587.
17. Пантюхина И. Е., Вострецов Ю. Е. Сравнительный анализ методов реконструкции палеодиет // *Россия и АТР*. – 2020. – № 2. – С. 132-150.
18. Цыбрий А. В., Долбунова Е. В., Мазуркевич А. Н., Цыбрий Т. В., Цыбрий В. В., Шманда Я., Киттель П. Новые исследования ранненеолитических слоев поселения Ракушечный Яр // *Самарский научный вестник*. – Самара, 2018. – № 3. – С. 127-136.
19. Бужилова А. П. Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии // *Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций*. – М.: ИА РАН, 1992. – С. 78-104.
20. Edinborough M., Rando C. Stressed Out: Reconsidering stress in the study of archaeological human remains // *Journal of Archaeological Science*. – 2020. – Vol. 121. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105197>
21. Березина Н. Я., Бужилова А. П. Образ жизни неолитических охотников-рыболовов и его отражение на костях черепа (на примере материалов из могильника Вовниги II) // *Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология*. – 2020. – № 1. – С. 108-114.
22. Демченко О. В. Хозяйственно-экономический циклический календарь первобытного населения Днепровского Надпорожья // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. – 2015. – № 12-1. – С. 82-86.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930/904"653"

Д.П. Шульга

кандидат исторических наук,

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

e-mail: alkaddafa@gmail.com

Д.А. Ющенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: yuschenko.d@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация

Исследования, связанные с историей Великого Шелкового пути и межкультурной коммуникацией (прежде всего – между Дальним Востоком и Средиземноморским регионом) в настоящее время становятся всё более актуальными. В представленной работе авторы рассматривают основные труды по данной теме на европейских (английский, французский, немецкий) и азиатских (китайский, монгольский) языках. На основании этого делаются, в частности, выводы о наименее изученных вопросах в рамках вышеуказанной проблематики (сюда можно отнести «недооценённое» участие кочевников в становлении Великого Шелкового пути на раннем этапе его существования). Также констатируется существующая до сих пор разобщённость научных школ и некоторая односторонность их специализации. Особую актуальность придаёт статье анализ контактов Поднебесной с античным Средиземноморьем (Древняя Греция, эллинистические царства, Римская империя, Ромейская держава) в китайской исследовательской литературе, которая зачастую для российских учёных малодоступна из-за языкового барьера.

Ключевые слова: *Великий Шелковый путь, история исследования, межкультурная коммуникация, Китай, Рим, Древняя Греция, Восточная Римская империя, историография.*

Summary

Research papers related to the history of the Great Silk Road, intercultural communication (primarily between the Far East and the Mediterranean region) are currently becoming more and more relevant. In the presented work, the authors considers the main works on this topic in European (English, French, German) and Asian (Chinese, Mongolian) languages. Based on this, in particular, conclusions are made about the least studied issues within the framework of the above issues (this includes the “underestimated” participation of nomads in the formation of the Great Silk Road at an early stage of its existence). It also states the still existing disunity of scientific schools and some one-sidedness of their specialization. Of particular relevance to the article is the analysis of contacts between the Middle Kingdom and the ancient Mediterranean (Ancient Greece, Hellenistic kingdoms, Roman Empire, Byzantine Empire) in Chinese research literature, which is often inaccessible to Russian scientists because of the language barrier.

Key words: *The Great Silk Road, history of research, intercultural communication, China, Rome, Ancient Greece, Eastern Roman Empire, historiography.*

Статья подготовлена в рамках проекта № 0122D000017 «Актуальные проблемы древней и средневековой истории и археологии Донбасса», финансируемого МОН ДНР.

Введение

Взаимодействие государств Средиземноморья (эллинистические царства, Рим, Ромейская империя [1, p. 123]) с Китаем достаточно неплохо представлено в европейской науке. На английском [2], немецком [3, 4], китайском [5, p. 78], французском [6] и иных [7] языках выходит значительное количество литературы по греко-романской культуре [8], политике, военному делу [9], экономической географии и другим проблемам, связанным с Великим Шелковым путем. Эта трансконтинентальная торговая магистраль была своеобразным стержнем, интегральной экономической инфраструктурой всего евразийского пространства, включая земли Донбасса, на протяжении значительно отрезка истории в римское и средневековое время [10]. В настоящем кратком очерке рассматриваются основные актуальные проблемы изучения Великого Шёлкового пути на фоне развития зарубежной историографической традиции.

Своей целью в данной работе мы считаем обобщение и систематизацию историографии данного вопроса для выявления скупно освещенных аспектов данной темы, а также стереотипные упущения отечественных и зарубежных коллег, для дальнейшей исследовательской работы.

Наблюдения

Некоторые работы по античной экономике, не будучи напрямую посвящены Великому Шелковому пути, тем не менее, весьма полезны для изучения уровня

торговых отношений. Яркий пример – монография Г. Апергиса [11] 2004 г. о хозяйстве Селевкидов. Показательно, что в столь обстоятельной работе практически нет упоминаний о Великом Шёлковом пути и Китае, что еще раз доказывает точку зрения, что ВШП оформился только во II–I вв. н.э., т.е. фактически в римское время. Имей место какая-то развитая регулярная торговля Поднебесной со Средиземноморьем раньше (V–III вв.), она неминуемо бы отразилась на экономике обширного Селевкидского государства. К слову, в эпоху реального функционирования ВШП районы Передней Азии активно были вовлечены в торговлю и межкультурное взаимодействие [12; 13]. Выводы о практически полном отсутствии контактов эллинистического мира с Китаем (за исключение Греко-Бактрии [14], и то в финале её существования [15]) подтверждает диссертация К.А. Ларсон о производстве и распространении стекла в государствах диадохов и их потомков [16], где речь о Китае идет только в контексте процессов, происходивших после рубежа эр [17].

Другая работа, посвящённая детальному изучению экономики античного государства, на сей раз Римского, вышла в 2013 г. за авторством П. Тэмина [18]. В ней Великий Шелковый путь справедливо упоминается, есть прямое указание на торговые связи Рима и Китая (напр., стр. 11), но уделено данному вопросу не так много внимания (основное внимание работы сосредоточено на внутреннем рынке империи). Похожая ситуация, только «с другой стороны», наблюдается в монографии Чэнь Биньина, который, анализируя взаимоотношения Китая с кочевыми соседями, попутно говорит и о Риме [19], в контексте сложившегося при Хань Великого Шёлкового пути.

Работ, посвящённых непосредственно взаимоотношениям Поднебесной и античных государств (в первую очередь, Рима), немало, и объем их варьируется от кратких рецензий [20] и скорее научно-популярных статей [21] до масштабных трудов. Пожалуй, одной из самых пространных является книга Л. Маклафлина [22]. В ней на основе огромного массива информации рассматривается широкий круг вопросов, связанных с ВШП. Автор подробно разбирает Великий Шелковый путь «с римской точки зрения», и это чрезвычайно важно, т.к. многие, в т.ч. отечественные исследователи нередко видят в Шёлковом пути китаецентричное явление. Отсюда, видимо, и происходят попытки некоторых коллег отнести к предпосылкам ВШП любые контакты между населением Китая и окружающим миром.

Несколько меньший объем имеет труд Л. Христопулоса, вышедший в 2012 г. в журнале «Sino-Platonic papers» [23]. В нем автор, анализируя в основном письменные и эпиграфические источники, разбирает историю взаимодействия греко-романского мира с Китаем от III в. до н.э. до развитого средневековья [24]. Разумеется, довольно скромный объем (для таких обширных хронологических рамок) делает в некоторых случаях разбор не слишком детальным. Однако комбинация античных и китайских свидетельств, привлечение данных археологии, делает работу весьма интересной. Стоит отметить, что труд Л. Христопулоса в целом созвучен нашему исследованию в том смысле, что период

V–II вв. до н.э. воспринимается как некий подготовительный этап для основных акторов ВШП – Китая, номадов и античных обществ. Похожий подход также наблюдается и в ряде статей, в т. ч. на французском [25¹] и немецком языках [26]. Не одинок Л. Христулос и в своем представлении о важной роли кочевников, по этой теме выходят в конце XX [27] и начале XXI вв. [28; 29] неуклонно выходят специальные статьи.

Нельзя не отметить вклад в исследование связей античного мира и Китая, внесённых венгерской исследовательницей Кристиной Хоппал. Наибольшую важность имеют её работы 2011 [30] и 2016 [31] гг. На основе анализа различных типов источников (в первом случае – нарративных, во втором – археологических) К. Хоппал показывает взаимные связи двух держав (Китай и Рим) на различных уровнях – вещественном и культурном. К счастью, исследование нарративных источников на стыке с археологией в восточноевропейской науке прослеживается довольно часто [32]. Интересно, что существует работа, «зеркальная» по отношению к статье 2011 г. (К. Хоппал рассматривает китайский взгляд на Рим, А. Буэно изучает римские воззрения по поводу Поднебесной) [33].

Отдельно можно выделить группу исследований, применяющих методику исторической компаративистики, в рамках которых идёт сопоставление различных древних обществ, прежде всего, в контексте нашей тематики, Китай и Рима. Критерием для сравнения может выступать уровень жизни [34], денежная система [35] или сразу несколько моментов [36].

Часть работ сфокусирована на переходе от античности к средневековью, и развитию китайско-римских контактов в этот период. Очевидно, первой крупной работой такого плана можно считать монографию Ф. Хирта 1885 г. [37]. В дальнейшем были опубликованы другие работы этого германско-американского исследователя [38], здесь лишь отметим, что данный автор совершил огромную (особенно для своего времени) работу с нарративными источниками, переведя многие из них на английский язык, а также приведя ряд собственных концепций (в т.ч. по интерпретации топонимов). Ввиду такого весомого вклада, трудно упрекать Ф. Хирта в том, что его работы иной раз сложно «сходу» понять, т.к. в его время еще не сложилось единой системы передачи китайских названий на английский, и он, очевидно, многие из них транскрибировал по своему разумению. Даже сейчас в отечественной науке среди историков без знания китайского языка данная проблема стоит довольно остро. В выдающейся работе «Каталог монет крепости Узун-Дара», когда авторы привлекают переводы китайских текстов, к сожалению, в ряде случаев вызывает вопросы уже передача китайских названий кириллицей [39, с. 176]. Так или иначе, в современности процессы на ВШП в поздней античности [40] без внимания не остаются, в том числе и среди англоязычных китайских исследователей [41].

Немало работ посвящено и ВШП в средневековье. Впрочем, провести чёткую грань между «Римской» и «Константинопольской» эпохой не так просто, ведь бывший Византий стал столицей еще в 330 г. н.э., в то время как итальянские

центры, Рим и Равенна, находились в составе Восточной империи еще в нач. VIII в. Так или иначе, фигуре Юстиниана (которого можно считать как последний великим императором Древнего Рима, так и первым выдающимся базилиевсом средневековых ромеев) в контексте Великого Шёлкового пути посвящено сразу несколько обстоятельных работ. Из вышедший в XXI в. стоит выделить две. Работа Х. Фэлтхама посвящена в первую очередь роли Шелковому пути в эпоху Юстиниана [42], в то время как Дж. Фриволт [43] акцентирует свое внимание на отношениях Поднебесной и Средиземноморья в этот период. Темы эти, как мы видели выше, тесно взаимосвязаны. Имеются исследования этого периода с опорой на археологические источники [44]. Среди таковых нельзя не упомянуть диссертацию на степень PhD У Цзюймана [45], который весьма подробно на английском языке проанализирована погребальная культура раннесредневекового царства Северная Чжоу. Данное государство играло важную роль в структуре Шёлкового пути, так что в его некрополях хранится заметное количество артефактов иноземного происхождения. Данные археологии также позволяют пролить свет на социальную жизнь активно вовлечённых в торговлю на ВШП согдийцев [46] и тюрок [47].

Много работ разного объёма посвящено политике на ВШП. Здесь выделяется книга К. Бекуита «Империи Шелкового пути» [48]. Безусловно, автор проанализировал немало материала, но, ввиду широчайших временных рамок (от поздней бронзы до Нового времени), нельзя сказать, что все периоды рассмотрены одинаково профессионально и непредвзято. Гораздо более глубокими в частных вопросах выглядят статьи, затрагивающие конкретные эпизоды межгосударственного взаимодействия на Шелковом пути как в ранее средневековье [49], так и в более поздние эпохи [50]. Исследуется отдельно культурное [51], экономическое и политическое влияние Восточной Римской империи на ВШП [52]. Здесь обращает на себя статья Ли Цяна [53], в которой китайский ученый на английском языке кратко, но ёмко анализирует роль византийских монет в торговле на Шелковом пути вообще и, в особенности, на степных его ответвлениях. Более подробная статья на схожую тему (с большим акцентом на историю международных отношений) вышла у того же исследователя через два года (в 2018 г.) в соавторстве [54].

Особняком стоит весьма богатая на события эпоха монгольских завоеваний и владычества. Среди прочих нельзя не указать на монографию монгольского исследователя Д. Баярсайхана о державе Хулагуидов [55]. В ней автор детально представляет все перипетии отношений Ильханов с сородичами-Чингизидами, ромеями Трапезунда и Никеи, тюрками, европейцами и мамлюками. К сожалению, данная работа пока издана лишь на монгольском, что несколько затрудняет знакомство с ней ученым, не владеющим языком (либо не имеющим возможности найти переводчика, как это сделал один из авторов). Вообще стоит отметить, что исследователи из Монголии в XXI в. достаточно активно исследуют политическую историю империй потомков Темучина, применяя современные подходы и концепции [56]. Весьма полезной оказалась статья уже

упоминавшегося Д. Баярсайхана о византийско-монгольских связях [57]. Естественно, период владычества Чингизидов в Азии исследуется не только на их исторической прародине. Из последних работ по этой теме хотелось бы отметить интересную статью В. де Граафа [58], где автор, среди прочего, анализирует источники поступления средневекового серебра и проводит детальное сравнение монет.

Ряд работ по истории XIII–XIV вв., хотя и мало говорят о Дальнем Востоке, полезны в контексте изучения ВШП, т.к. демонстрируют положение экономики и международных отношений на западе Азии в означенный период. Особое внимание заслуживают статьи Никола Ди Космо [59], а также более ранняя, но до сих пор не утратившая актуальности работа А. Томадакиса [60].

В контексте изучения монголов нельзя не упомянуть целый пласт работ, посвящённых распространению несторианства в Азии, в т. ч. в степях к северу от Китая. Тема это довольно востребована в самой Монголии [61], где акцент делается на период развитого средневековья. Есть работы и по развитию несторианства во втор. пол. I тыс. н.э., например, фундаментальная статья А.Д. Комнено, общеизвестная для специализирующихся на данной теме [62]. Из более поздних работ можно выделить статью М. Дикенса [63], в которой он высказывает ряд спорных, но интересных предположений (например, о роли Тимура в судьбе несторианства). Среди религий на ВШП, естественно, исследуется не только христианство, но и другие религии, например, буддизм [64].

Важно упомянуть о работах, в которых изучаются результаты культурного обмена Запада и Востока [65]. Учитывая, что подобная коммуникация была весьма разносторонней, тематика исследований также весьма широка. Пожалуй, наиболее свежими, с точки зрения обсуждаемых вопросов, стали труды по искусствоведению, в которых анализируются образы, традиционно в Китае соотносимые со страной «Фулинь» (т.е. Восточной Римской империей или её отдельными регионами). При этом мнения авторов нередко расходятся. Если А. Уолкер склонен скорее видеть в «фулиньской птице» некоторые византийские черты [66], обстоятельно анализируя источники в своей крупной статье, то настрой А. Ливери [67] куда более скептичен. Работ по византийским монетам на ВШП, к сожалению, на европейских языках не очень много, имеющиеся зачастую написаны китайскими учеными [68].

Заключение

Исходя из вышесказанного, мы можем выделить ряд тем, которые по той или иной причине были обойдены вниманием.

Во-первых, это участие кочевников в становлении Великого Шёлкового пути на раннем этапе его существования. Речь здесь не столько об отсутствии публикаций, сколько об особенностях подходов. Не слишком глубокое знакомство многих исследователей с археологическими материалами к северу от Хуанхэ (а также аналогиями из Сибири) заставляет делать подчас весьма странные выводы (нечто подобное иной раз демонстрируют и китайские

исследователи, когда обращаются к античным материалам). К сожалению, исследователи Китая, Европы и Америки, постсоветского пространства работают в известной мере изолированно. Первые прекрасно знают материальную культуру и письменные памятники Поднебесной, но, за редким исключением [69], достаточно слабо знакомы как с античными материалами Средиземноморья, а также комплексами кочевников Сибири и Центральной Азии. Вторые, напротив, опираются на традиции изучения европейских обществ, при этом не имея большого количества обобщающих работ по Центральной и Восточной Азии. Выборочный характер публикаций крайне затрудняет анализ материалов. Не удивительно, что С.-К. Псаррас допустила ошибку, отнеся культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» к эпохе сюнну [70]. Русскоязычные исследователи в массе не владеют китайским языком, так что далеко не всегда могут адекватно привлекать китайские материалы для интерпретации находок на собственной территории.

Во-вторых, за пределами интереса европейских (а также отечественных и американских) исследователей оказалась целая группа источников (нумизматических, эпиграфических, письменных).

Ссылки и примечания:

1. Stouraitis Y. Byzantine Romanness: From Geopolitical to Ethnic Conceptions. Transformations of Romanness in the Early Middle Ages: Early Medieval Regions and Identities // Millennium Studies. 2018a. № 71. Pp. 123–139.
2. Bogdanović J. The Relational Spiritual Geopolitics of Constantinople, the Capital of the Byzantine Empire // Political Landscapes of Capital Cities. 2016. Pp. 97–153.
3. Brüggemann T. Vom Machtanspruch zur Herrschaft. Prolegomena zu einer Studie über die Organisation königlicher Herrschaft im Seleukidenreich // Studia Hellenistica et Historiographica. Festschrift für Andreas Mehl. 2010. Pp. 19–57.
4. Tinnefeld F. Byzanz und Osteuropa – Politische, wirtschaftliche und kulturelle Beziehungen // Ringvorlesung WS 2003/04: Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter. 2003. Pp. 1–20.
5. Li Qiang, Lin Ying. Proceedings of the International Symposium on “Byzantine Gold Coins in the World of Late Antiquity”. 2017. 78 p.
6. Thierry F. Sur les monnaies sassanides trouvées en Chine // Res Orientales. 1993. Vol. 5. Pp. 89–139.
7. Leontsini M. Proceedings of the first International Conference of Sino-Greek Studies “Relations between the Greek and Chinese world” [Πρακτικά του Α΄ Διεθνούς Συνεδρίου Σινο–Ελληνικών Σπουδών «Σχέσεις Ελληνικού και Κινεζικού κόσμου». Βυζαντινά Σύμμεικτα]. Byzantine Mixed. 2011. Vol. 20. Pp. 349–355.
8. Svenshon H. Das Bauwerk als “aistheton soma” // Byzanz – das Römerreich im Mittelalter. 2010. Vol. 2(1). Pp. 59–90.

9. Stouraitis Y. State War Ethic and Popular Views on Warfare // A Companion to the Byzantine Culture of War. 2018b. Vol. 3. Pp. 59–91.
10. Ющенко Д.А. Северное Приазовье в системе посольских дорог в XIII в. // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 27–29 октября 2017 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2017. С.313-319.
11. Aperghis G. The Seleukid Royal Economy. The Finances and Financial Administration of the Seleukid Empire. New York: Cambridge University Press, 2004. 379 p.
12. Li Qiang. A Reflection of the Global History: The Persian Empire's Role in the Relations between the Roman Empire and China (1st – 7th century CE) // Journal of Research in Education and Training. 2016a. Vol. 9. Pp. 141–149.
13. Thierry F., ук. соч.
14. Jones R.A. Centaurs on the Silk Road: Recent Discoveries of Hellenistic Textiles in Western China // The Silk Road Journal. 2009. Vol. 6. № 2. p. 23–32.
15. Горин А.Н., Двуреченская Н.Д. Каталог монет крепости Узундара (Южный Узбекистан) // Материалы Тохаристанской экспедиции. Ташкент, Издательство журнала “San‘at”. 2018. №. 11. 87 с.
16. Larson K.A. From Luxury Product to Mass Commodity: Glass Production and Consumption in the Hellenistic World // Doctor of Philosophy dissertation Thesis, University of Michigan. 2016. Pp. 350–388.
17. Там же, с.361.
18. Temin P. The Roman Market Economy. Princeton: Princeton University Press, 2013. 320 p.
19. Чэнь Биньин. Гудай миньцзу [陈炳应。古代民族。兰州：敦煌文艺出版社 2003。212页] Древние этносы. Ланьчжоу: Дуньхуанский литературно-художественный издательский дом (Дуньхуан вэньи чубаньшэ). 2003. С. 67, 127.
20. Xinru Liu. The Silk Road in World History // China Review International. 2011. Vol. 18. № 4. Pp. 530–532.
21. Campbell D.B. Did the Romans have links with the Far East? // Ancient Warfare. 2016. Vol. 10. № 2. Pp. 45–49.
22. McLaughlin R. The Roman Empire and the Silk Routes: The Ancient World Economy and the Empires of Parthia, Central Asia and Han China. Barnsley: Pen & Sword Books Ltd., 2016. 468 p.
23. Christopoulos L. Hellenes and Romans in Ancient China (240 BC – 1398 AD) // Sino-Platonic papers. 2012. № 230. Pp. 1–90.
24. Sevillano-López D., González F.J. Mining and Minerals Trade on the Silk Road to the Ancient Literary Sources: 2 BC to 10 AD Centuries // History of Research in Mineral Resources. International Commission on the History of Geological Sciences. 2011. Pp. 43–58.

25. Jean-Noël Robert. Les relations entre le monde romain et la Chine: la tentation du Far East. 2002 // CLIO. URL: https://www.clio.fr/BIBLIOTHEQUE/pdf/pdf_les_relations_entre_le_monde_roman_et_la_chine_la_tentation_du_far_east.pdf (дата обращения: 17.10.2021).
26. Chung-Yang Kim. Um das Antikebild auf der Seidenstraße zu gewinnen // Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät. 1997. Vol. 18. № 3. Pp. 109–114.
27. Ecsedy I. Links between China and Rome through Byzantium and Persia: the Nomadic Mediation // Studia Uralo-Altaica. 1997. Vol. 39. Pp. 99–106.
28. Green J. The Silk Road and Ancient Trade: Crash Course World History // World History Project. 2012. № 9. Pp. 1–5.
29. Freewalt J. Rome and China: Connections between Two Great Ancient Empires // The Roman Republic and Empire. American Military University. 2014. Pp. 1–23.
30. Hoppal K. The Roman Empire According to the Ancient Chinese Sources // Acta Antiqua. 2011. Vol. 51. № 3. p. 263–306.
31. Hoppal K. Contextualising Roman-related Glass Artefacts in China. An Integrated Approach to Sino-Roman Relations // Acta Archaeologica. 2016. Vol. 67. № 1. Pp. 99–114.
32. Żuchowska M. “Roman Textiles” in the Hou Han Shu. A 5th Century Chinese Vision versus Roman Reality // Anabasis. Studia Classica et Orientalia. 2015. Vol. 6. Pp. 216–238.
33. Bueno A. Roman Views of the Chinese in Antiquity // Sino-Platonic papers. 2016. №. 261. Pp. 1–21.
34. Leeuwen B., Li J., Pirngruber R. The Standard of Living in Ancient Societies: A Comparison between the Han Empire, the Roman Empire, and Babylonia // Working Papers. 2013. Iss. 0045. Pp. 1–29.
35. Scheidel W. The Monetary Systems of the Han and Roman Empires // Princeton/Stanford Working Papers in Classics. 2008. p. 1–55.
36. Richey J.L. Teaching Early China and Ancient Rome Comparatively // Education about Asia. 2008. Vol. 13. № 2. Pp. 38–43.
37. Hirth F. China and the Roman Orient: Researches into their Ancient and Medieval Relations as Represented in old Chinese Records. Munich: Georg Hirth, 1885. 368 p.
38. Hirth F. The Mystery of Fu-lin // Journal of the American Oriental Society. 1913. Vol. 33. Pp. 193–208.
39. Горин А.Н., Двуреченская Н.Д., ук. соч.
40. Brown P. The Silk Road in Late Antiquity // Reconfiguring the Silk Road: New Research on East – West Exchange in Antiquity. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 2014. p. 15–22.
41. Li Qiang. Roman Coins Discovered in China and their Research // Eirene. Studia Graeca et Latina. 2015. Vol. 51. p. 279–299.
42. Feltham H.B. Justinian and the International Silk Trade // Sino-Platonic papers. 2009. № 194. Pp. 1–34.

43. Freewalt J. Justinian and China Connections between the Byzantine Empire and China During the Reign of Justinian I // *Late Antiquity and Byzantium*. American Military University. 2015. Pp. 1–8.
44. Harris A. Archaeological Methodology and Long-distance Contacts in the Sixth Century // *Reading Medieval Studies*. 2006. № 32. Pp. 91–104.
45. Jui-Man Wu. Mortuary Art in the Northern Zhou China (557-581 CE): Visualization of Class, Role, And Cultural Identity // Doctor of Philosophy dissertation, University of Pittsburgh. 2010. 245 p.
46. Rong Xinjiang. New Light on Sogdian Colonies along the Silk Road: Recent Archaeological Finds in Northern China // *Berichte und Abhandlungen*. 2009. № 10. Pp. 147–160.
47. Lin Ying, Bilig S. Ethnicity and Rank: A Preliminary Study on the Tomb of the Turkic Murals in Bayan Nur, Mongolia // *Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology*. 2017. Pp. 1–5.
48. Beckwith C.I. Empires of the Silk Road: A History of Central Eurasia from the Bronze Age to the Present // Princeton University Press. 2009. 472 p.
49. MacMaster T. J. News from the East: The seventh century crises as reflected in western sources. Classics and Archaeology Masters Programme Dissertation. University of Edinburgh, 2011. Pp. 1–63.
50. Boulnois L. La «route de la Soie»: Histoire du commerce et des transferts de techniques avant le XIe siècle // *Ingénieur de recherche au CNRS*. 2008. P. 1–5.
51. Schreiner P. Byzanz – die Brücke zum Osten // *Proceedings of the International Conference, Vienna*. 2012. Pp. 11–29.
52. Muthesius A. Byzantine Influences along the Silk Route: Central Asian Silks Transformed // *Contact, Crossover, Continuity: Proceedings of the Fourth Biennial Symposium of the Textile Society of America*. 1994. Pp. 181–191.
53. Li Qiang. Discussion on Byzantine Numismatic Research Excavated on the Eurasian Steppe Silk Road and Desert Oasis Silk Road // *Steppe Cultural Relics*. 2016b. № 1. p. 109–112.
54. Li Qiang, Kordosis S. The Geopolitics on the Silk Road: Resurveying the Relationship of the Western Türks with Byzantium through Their Diplomatic Communications // *Medieval Worlds*. 2018. Vol. 8. Pp. 109–125.
55. Баярсайхан Д. Хүлэгү хаанаас Абу Са‘ид хүртэл: Ил-Хаадын тухай өгүүлүүд. МУИС Пресс Хэвлэлийн Газар. 2016. 245 с.
56. Минжин Л. Их Монгол улсаас эрхшээлдээ байсан орнуудад явуулсан бодлого, геополитикийн асуудлууд // *Монголын эзэнт гүрний логистик ба зам тээвэр*. 2014. Pp. 33–54.
57. Баярсайхан Д. Монгол-Византийн олон талт харилцаа (XIII-XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. 2013. T. XII. Fasc. 3. Pp. 33–48.
58. Graaf, de W. J. The Silk Road in the Mongol Era // *Tilburg University research*. 2018. Pp. 1–30.

59. Di Cosmo N. Black Sea Emporia and the Mongol Empire: A Reassessment of the Pax Mongolica // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2010. Vol. 53. № 1–2. Pp. 83–108.
60. Laiou-Thomadakis A. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System: Thirteenth-Fifteenth Centuries // *Dumbarton Oaks Papers*. 1980. Vol. 34/35. Pp. 177–222.
61. Түмэнбаяр Г. Христитгэлийн дэлгэрэлт: Үечлэл ба нэршлийн асуудлууд // *Historia Mongolarum*. 2013. V. XII. Fasc. 8. Pp. 169–181.
62. Maria Adelaide Lala Comneno. Nestorianism in Central Asia during the First Millennium: Archaeological Evidence // *Journal of the Assyrian Academic Society*. 1997. Vol. 11. № 1. Pp. 20–67.
63. Dickens M. Nestorian Christianity In Central Asia // *Academia.edu*. URL: https://www.academia.edu/398258/Nestorian_Christianity_In_Central_Asia (дата обращения: 17.10.2021).
64. Gupta A. An outline of ancient silk route in central Asian region: Reference with Buddhism // *Journal of Advances in Humanities and Social Sciences*. 2020. № 6(1). Pp. 19–26.
65. Debin Ma. The Great Silk Exchange: How the World was Connected and Developed // *Textiles in the Pacific, 1500–1900*. 2005. Vol. 12. Pp. 1–32.
66. Walker A. Patterns of Flight: Middle Byzantine Appropriation of the Chinese Feng-Huang Bird // *Ars Orientalis*. 2010. Vol. 37. Pp. 188–216.
67. Liveri A. Fu-lin dances in medieval Chinese art – Byzantine or imaginary? // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019. Vol. 56. Pp. 69–94.
68. Lin Ying. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road // *The Silk Road Journal*. 2005. Vol. 3. № 2. Pp. 16–19.
69. Li Qiang, 2015a, ук. соч.
70. Psarras S.-K. Han and Xiongnu: a reexamination of cultural and political relations // *Monumenta Serica*, 2003. Vol. 51. Pp. 55-236.

УДК 930.2 + 94(567) «1979/2003»

В.В. Разумный

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru

К.А. Гречихин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kirkll09593@gmail.com

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИРАКА В ПЕРИОД 1979 – 2003 ГГ. В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация

В данной статье анализируются западные исследования, посвященные развитию экономики и социальных отношений в Ираке в период правления президента Саддама Хусейна. Основной акцент сделан на анализе британской и американской историографии, но также рассматриваются работы представителей других стран. Авторы стараются изучить наиболее информативные и достоверные труды, опубликованные с 1980-х годов до сегодняшних дней. В выводах определяются особенности рассматриваемых работ и сведение их по группам для дальнейшего использования в разработках исследования посвященного истории Ирака.

Ключевые слова: историография, курдоведение, Ирак, Саддам Хусейн, санкции ООН.

Summary

This article analyzes Western studies on the development of the economy and social relations in Iraq during the reign of Saddam Hussein. The main emphasis is placed on the analysis of English and American historiography, but the works of representatives of other countries are also considered. The authors try to select the most informative and reliable works published from the 1980s to the present day. The conclusions define the features of the works under consideration and their grouping for further use in the development of research on the history of Iraq.

Keywords: historiography, kurdish studies, Iraq, Saddam Hussein, UN sanctions.

В последней четверти XX века Ирак привлекал к себе внимание многих востоковедов, в особенности представителей стран западного мира. В 1980-е годы народы Ближнего Востока испытали ужасы гражданской войны в Ливане и ирано-иракской войны. Последняя приковала к себе внимание различные

стороны, которые были заинтересованы в установлении мира и стабильности в зоне Персидского залива, столь важном регионе для мировой экономики. В 1990-е годы Ирак оказался в жестком антагонизме с США и Великобританией, следствием чего появилось значительное число работ, среди которых следует выделить наиболее качественные и достойные внимания, для создания наработок в современных исследованиях, посвященных истории Ирака в эпоху правления Саддама Хусейна.

На наш взгляд, актуальной является попытка изучить проблему развития стран Ближнего Востока, где активное социально-экономическое развитие сталкивалось с преградами в виде внешнеполитических факторов и этнических конфликтов. Шаткость положения современного Ирака сложно рассматривать только на основе базовой теории, составленной специалистами по данной теме. Исходя из этого, важно в наше время иметь представление о более глубоких и проработанных трудах западных исследователей, а также «отделять зерна от плевел» в предоставляемых ими фактах и данных.

Цель данной работы – проанализировать работы историков западных стран, изучавших вопросы социально-экономического развития Ирака в 1979 – 2003 гг., а также определить наиболее объективные труды среди широкого спектра исследований по данной теме.

В тесной связи с целью авторы видят следующие задачи:

- 1) выделить группы исследований по данной теме, опубликованные до 2003 года и после вторжения США в Ирак;
- 2) проанализировать отобранные работы и выделить их сильные и слабые стороны;
- 3) определить особенности трудов английских, американских и других историков, специализирующихся на изучении истории Ближнего Востока.

Следует подчеркнуть тот факт, что авторы не ставят своей целью изучить все работы западных историков, рассматривающих данную проблему. Нам необходимо определить общие тенденции и выявить очевидные противоречия.

На наш взгляд, в западной историографии по изучаемой проблеме особое место занимают работы, опубликованные до событий 2003 года. В период до вторжения США в Ирак в 2003 году необходимо изучить такие фундаментальные труды как: «Экономика Ирака: нефть, войны, разрушение развития и перспективы, 1950 – 2010» [1] Аббаса Альнасрави, а также коллективную работу «Война в Персидском заливе. 1990 – 1991: ирако-кувейтский конфликт и его последствия» [2], написанную М. Хаддури и Э. Грейбом.

Исследование Аббаса Альнасрави часто цитируется в среде специалистов по истории Ирака, в том числе многими отечественными авторами. Совместное исследование американских военных историков М. Хаддури и Э. Грейба, опубликованное при поддержке Ассоциации ближневосточных исследований Клермонта, привлекло наше внимание своей непредвзятостью по части

экономических последствий и ущерба нанесенного инфраструктуре Ирака в ходе войн в Персидском заливе.

Работа Эфраима Карша и Инари Раутси «Саддам Хусейн: политическая биография» [3] демонстрирует попытку понять мотивы действий Саддама Хусейна. Однако, на наш взгляд, следует внимательно относиться к субъективной трактовке ряда событий в ней, связанных с внешней политикой иракского лидера.

Заслуживает внимания работа британского историка В.Ф. Аксельгарда «Ирак в переходный период» [4], которая была опубликована в 1986 году. В ней определяются многие экономические трудности, связанные с ведением изматывающей войны с Ираном в период 1980 – 1988 годов. Монография представляет для нас интерес своим меньшим уровнем ангажированности, поскольку она была опубликована до Кувейтского кризиса 1990 года.

Исследование Гордона У. Радда «Гуманитарная интервенция: помощь иракским курдам в операции "Обеспечить комфорт", 1991 год» [5] позволяет нам оценить действия центрального правительства Ирака, с позиции курдов, а также определить роль других стран в образовании КАР.

В Великобритании было опубликовано ряд статей, посвященных санкционной политике ООН в Ираке. Это статьи Мариона Фарука-Слаглетта и Питера Слаглетта [6], Офра Бенгио [7] и В.Д. Нордхауса [8].

В целом, они защищают ввод санкций США и ООН, противопоставляя такую политику, агрессивной внешней политике Саддама Хусейна в начале 1990-х годов. Положительной чертой данных статей можно отметить – использование документов, в основном резолюций ООН и решений правительств в Уайтхолле и Белом доме. В них можно найти дополнительные материалы, касающиеся межвоенного периода в Ираке 1992 – 2002 гг.

После вторжения США в Ирак были опубликованы исследования, которые дают полное представление об изучаемой проблеме. Здесь следует выделить научный труд Кофлина Кона «Саддам: Его взлет и падение» [9], в котором достаточно объективно определена роль партии и самого Саддама Хусейна в экономическом развитии страны. Также следует назвать работу британского историка Чарльза Трипа «История Ирака» [10], в которой представлен широкий обзор истории Ирака со стороны западных, и, прежде всего британских, исследователей. В «Истории Ирака» уделено особое внимание вопросам истории семьи Саддама Хусейна и их ресурсам. Также автор фокусировал свое внимание на изучении операции «Анфаль» в иракском Курдистане.

В другой своей работе «Ислам и нравственная экономика» [11] Чарльз Трипп рассматривает одну из самых значительных проблем, с которыми столкнулись мусульмане Ближнего Востока за последние шестьдесят лет – проникающее влияние капиталистических отношений. Ссылаясь на работы известных мусульманских ученых, автор показывает, как, столкнувшись с этим вызовом, арабские интеллектуалы разработали ряд стратегий. Здесь

представлена информация о социально-экономическом развитии Ирака в конце 1980-х, когда многие предприятия в стране приватизировались.

Французский исследователь Пьер Разу в своем труде «Ирано-иракская война» [12] собрал множество данных необходимых и для понимания работы экономики Ирака в условиях полномасштабных боевых действий.

Историк Марр Фиби в работе «Современная история Ирака» [13] также дает широкое представление о социально-экономическом положении на протяжении всей истории Ирака. На наш взгляд, интерес представляет, тот факт, что иракское правительство поддерживало порядок при войнах, а также вызывают интерес баасистские планы в экономике и особенности принимаемых мер в условиях войны с Ираном и коалицией ООН.

Британский курдовед Дэвид МакДоуэлл в своей монографии «Современная история курдов» [14] приводит описание развития курдов в последней четверти XX века – начале XXI века. Эта работа британского историка регулярно цитируется многими историками-курдоведами. Более того, эта монография заслужила репутацию качественного исторического исследования. В конце этой работы представлены карты и другие наглядные материалы, для дополнения к пониманию всей картины происходящих событий той эпохи.

На наш взгляд, особый интерес представляет доклад Джонатана Сэнфорда, подготовленный в 2005 году для Конгресса США «Экономика Ирака: прошлое, настоящее, будущее» [15]. В нем был сделан комплексный анализ социально-экономического развития Ирака. В докладе рассматриваются позиции в сферах экономики и социального обеспечения по хронологии рассматриваемых нами этапов из истории Ирака.

В отдельную группу допустимо включить исследования посвященные операции «Анфаль» в Южном Курдистане. Исходя из позиций западной историографии геноцид курдов, подтверждается со стороны трех наиболее авторитетных источников: докладов «Human Right Watch» [16], труда курдоведа Майкла Гюнтера «Курды: современная история» [17], и книги Майкла Келли «Призраки Халабджи: Саддам Хусейн и геноцид курдов» [18].

Ирландский политолог Брендан О'Лири назвал Гюнтера «основателем курдских политических исследований в Соединенных Штатах» [19]. При составлении анализа Гюнтер работал непосредственно с ведущими курдскими и другими ближневосточными политическими лидерами.

Работы этого американского исследователя требуют тщательного анализа. В его работах часто присутствует субъективные оценки исторических событий. Например, по другому вопросу, связанному с геноцидом армян в 1915 году, мы в корне не можем согласиться с его мнением, поскольку Майкл Гюнтер считает, что армяне сами были виноваты в «провоцировании» турков. Однако труд «Курды: современная история» мы можем выделить как наиболее непредвзятый в богатой библиографии автора.

На фоне Майкла Гюнтера большой вес принимает работа другого американского курдоведа Майкла Келли упомянутая нами ранее. В ней

рассматриваются все события в Северном Ираке до 2003 года и судебные процессы над Саддамом Хусейном и его приближенными. В конце книги приводятся рассекреченные документы, связанные с финансированием США Ирака в годы войны с Ираном, а также реакции правительства США на применение химического оружия в данной войне, что также будет для нас полезным в расширении источниковой базы темы.

Лидером в группе наблюдателей «Human Right Watch» стал Хилтерман Йуст, сыскавший известность своими выступлениями в конце 1980-х – начале 1990-х годов на конференциях ООН, посвященным правам человека и геноциду курдов в Ираке. Его работа «Кампания «Анфаль» 1988 года в Иракском Курдистане, Массовое насилие и сопротивление» [20] представляет для нас наибольший интерес. Автор действительно постарался при составлении данной, небольшой, но информативной статьи. Она содержит в себе ссылки на множество других источников. Их поиск может открыть более полную картину на происходящее в отдельных эпизодах тех ужасных событий, в особенности интервью с очевидцами и жертвами кампании «Анфаль».

Попытки доказательства причастности спецкомиссий ООН в нарушениях коррупции и шпионаже частично зафиксированы в докладе Кеннета Кацмана и Кристофера М. Бланчарда «Ирак: программа "Нефть в обмен на продовольствие", незаконная торговля и расследования» [21]. Использование ими данных из библиотеки Конгресса США повышает саму глубину исследования и таким образом данный доклад может послужить своеобразным «перекрестком» в ситуации поиска новых источников с американской стороны.

Упомянутые в наших ранних исследованиях специалисты по международным отношениям Р.Ш. Мамедов и В.А. Морозов приводят в своей статье, посвященной санкциям ООН, наложенным на Ирак часто ссылаются на работы политолога Д. Дрезнера. Ознакомившись с первой статьей «Санкции иногда разумны: целенаправленные санкции в теории и на практике» [22], можно определить ее как достойную, аналитическую работу, в которой, конечно, остается место для дискуссии. Однако, следом приводиться ссылка на более слабую с позиций исторической науки статью Д. Дрезнера «Серьезно о санкциях» [23]. Она была опубликована ранее, чем первая, и можно заключить, что автор полностью на тот момент занимал позицию защиты внешнеполитического курса США. В отдельных фрагментах текст статьи подтверждает уже известные факты.

Следующий труд, на который мы обратим внимание это «Ирак. Санкции и за их пределами» за авторством американских сотрудников Института международных стратегических разработок Энтони Х. Кордесмана и Ахмеда С. Хашима [24]. В ней авторы фокусируются на анализе нефтяные и экспортных возможностей Ирака. Интересна работа попыткой сделать прогноз по управлению политическими процессами в Ираке, после смещения Саддама Хусейна.

Подводя итоги, стоит отметить, что работы западных историков имеют прочную, во многом доминирующую позицию в поле мировых исследований, посвященных истории Ирака в последней четверти XX – начале XXI. Более опытная британская школа специалистов по Ираку и курдоведов, имеющая традиции историописания со времен подмандатного Ирака, на данный момент занимает высшие позиции по данной теме. В США после 2003 года стремительно возрастает количество и объемы научных трудов по истории Ирака в период правления Саддама Хусейна. Естественно, во многом это связано с доступом к документам партии Баас и иракского правительства. Отдельно мы выделили группу, специалистов, рассматривающих операцию «Анфаль» и геноцид курдов в Ираке, а также группу историков, изучавших взаимодействие ООН и правительства Ирака в 1990-е годы. Проанализированные нами исследования, так или иначе, отличаются различным уровнем организации научного анализа. В отдельных аспектах они выступают лишь подтверждением и обобщением ранее известных данных, а в других предоставляют новые, ранее не фиксированные показатели и аргументы касательно действий противоборствующих сторон в конфликтах, связанных с Ираком и социально-экономическом развитии этой ближневосточной страны в целом.

Ссылки и примечания:

1. Alnasrawi Abbas. The Economy of Iraq: Oil, Wars, Destruction of development and Prospects, 1950 – 2010. – Greenwood Press, 1994. – p.188.
2. Khadduri M., Grareeb E. 1997. War in Gulf. 1990-91: The Iraq-Kuwait Conflict and Its Implications. – Oxford University Press. – 190 p.
3. Efraim Karsh, Inari Rautsi. Saddam Hussein: A Political Biography – New York: Free Press, 1991. – pp. 328.
4. Axelgard F.W.. Iraq in Transition. A Political, Economic and Strategic Perspective. – Westview Press, Boulder, 1986. – pp.128.
5. Gordon W. Rudd. Humanitarian Intervention: Assisting the Iraqi Kurds in Operation Provide Comfort, 1991. – Washington, D.C.: Department of the Army, 2004. – pp. 296. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=nl43tIZa-YEC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
6. Iraq Since 1986: The Strengthening of Saddam Author(s): Marion Farouk-Sluglett and Peter Sluglett. Source: Middle East Report, No. 167, On the Edge of War (Nov. - Dec., 1990), pp. 19-24.
7. How Does Saddam Hold on? Author(s): Ofra Bengio Source: Foreign Affairs, Vol. 79, No. 4 (Jul. - Aug., 2000), pp. 90-103.
8. Nordhaus W. D. The Economic Consequences of a War with Iraq. 2002, pp. 35-38. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://usiraq.org>

9. Coughlin Con. Saddam: His Rise and Fall. NY: Harper Perennial, 2005. – 115 pp. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://archive.org/details/saddam00conc/page/40/mode/2up>
10. Charles R.H. Tripp. A history of Iraq // Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. 2007. – pp.383. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://archive.org/details/historyiraq00trip>
11. Charles R.H. Tripp. Islam and the Moral Economy. The Challenge of Capitalism / School of Oriental and African Studies, University of London. Publisher: Cambridge University Press, 2006. – pp. 229.
12. Razoux P. The Iran-Iraq War. – Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2015. – pp.468.
13. Marr Ph. The Modern History of Iraq – Westview Press, 2003. – p.392.
14. McDowall D. A Modern History of the Kurds. I.B.Tauris – London, 2007. – p. 346.
15. Jonathan E. Sanford. Iraq's Economy: Past, Present, Future //Report for Congress, Order Code RL31944. June 3, 2003. – pp. 67.
16. Black, George. Genocide in Iraq: The Anfal Campaign Against the Kurds. Human Rights Watch, 1993. – pp. 337.
17. Gunter, Michael M. The Kurds: A Modern History. Markus Wiener Publishers, 2016. – pp. 236.
18. Kelly, Michael J. Ghosts of Halabja: Saddam Hussein and the Kurdish genocide / Michael J. Kelly; foreword by Ra'id Juhi al Saedi / Greenwood Publishing Group Westport, CT. 2008. - pp. 196.
19. O'Leary, Brendan. The Kurds, the Four Wolves, and the Great Powers. The Journal of Politics. 80 (1), 2017. – pp.353–366.
20. Hiltermann Joost. The 1988 Anfal Campaign in Iraqi Kurdistan, Mass Violence & Résistance. 3 February, 2008. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sciencespo.fr/mass-violence-war-massacre-resistance/en/document/1988-anfal-campaign-iraqi-kurdistan.html>
21. Kenneth Katzman, Christopher M. Blanchard. Iraq: Oil-For-Food Program, Illicit Trade, and Investigations Updated June 14, 2005
22. Drezner D. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice. International Studies Review. 2011. 13(1). P. 96-108.
23. Drezner D. Serious about Sanctions. National Interest. 1998. Fall. P. 66-74.
24. Cordesman A.H. 1997. Iraq: Sanctions And Beyond. – New York, Routledge. 416 p.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(477):3.53

В.И. Шабельников

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: Shabelnikov36@mail.ru

СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ В ДОНБАССЕ (1919–1932 гг.)

Аннотация

В статье анализируется процесс административно-территориального переустройства в Донбассе в 1919 – 1932 годах, формирование на его основе местных органов власти и подотчетных им структур управления, их участие в возрождении и развитии экономики и социальной сферы в 1919 – 1932 годах.

***Ключевые слова:** местные органы власти, управление, советы, кооперативы, эволюция, территория.*

Summary

The article analyzes the process of administrative-territorial reorganization in the Donbass in 1919 – 1932, the formation on its basis of local authorities and management structures accountable to them, their participation in the revival and development of the economy and social sphere in 1919 – 1932.

***Key words:** local authorities, management, councils, cooperatives, evolution, territory.*

Актуальность изучения проблемы создания и эволюции системы управления в 1919 – 1932 годах вызвана прежде всего тем, что в этот сложный и трудный период нашей истории закладывались основы новой государственности и местных органов власти советских республик. В Донбассе процесс государственного строительства и управления происходил в соответствии с общим формированием органов советской власти сначала в РСФСР, а затем в СССР и имел свои особенности в их структуре и территориальном устройстве. В связи с этим особое значение приобретает изучение исторического опыта создания разнообразных структур и деятельности местных органов власти Донбасса на первоначальном этапе их становления и утверждения, что может способствовать более эффективной работе современных управленческих структур в Донбассе.

Актуальность исследования данной проблемы определяется еще и тем, что начальный период накопления советского управленческого потенциала во многом остается еще недостаточно изученным, особенно на региональном уровне.

Управленческие проблемы Донбасса до недавнего времени в региональных исследованиях оставались на втором плане. В ряде научных работ отражена история экономических, политических, социальных и административно-территориальных изменений в Донецком крае. В конце 1990-х годов – начале XXI века защищено несколько диссертаций, издано ряд монографий, в которых рассматриваются различные аспекты истории возрождения и развития Донбасса в 20-е–30-е годы XX века. Появились исследования, в которых по-новому оцениваются принципы и факторы, влияющие на территориальную организацию Украины и Донбасса, выявлены закономерности в работе местных органов власти и управления, проанализированы изменения в системе административно-территориального устройства (АТУ). Однако исследования по комплексному анализу проблемы государственного строительства в регионе пока еще отсутствуют.

В современной историографии определенные аспекты деятельности местных органов управления Донбасса нашли отражение в докторской диссертации В. И. Шабельникова [1]. Некоторые вопросы деятельности местных органов власти в период НЭПа в Донбассе рассмотрены в работе В. Н. Никольского, В. И. Изюмова [2]. Однако проблемы местных органов власти и территориального устройства в ней рассматриваются лишь фрагментарно.

Прямое отношение к формированию и деятельности местных советов и органов управления Донбасса имеют работы Е. В. Гребенниковой [3] и С. Н. Волковой [4], в которых анализируются процессы создания городских и сельских советов, как органов власти, подотчетные им управленческие структуры. Однако роль советов в территориальном переустройстве и кооперативном движении в Донбассе в условиях НЭПа не получила достаточного отражения в региональных исследованиях.

При всей значимости научных работ, имеющих отношение к данной теме, следует отметить отсутствие в них должного комплексного подхода к анализу проблем становления системы органов местной власти в Донбассе, который бы учитывал практическую деятельность и особенности региональных органов самоуправления на всех этапах административно-территориальных преобразований, что определило выбор данной темы исследования.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы, документы исполнительных и законодательных органов власти, научная литература и периодические издания.

Целью исследования является изучение процесса становления и утверждения системы местных органов власти и управления в условиях

совершенствования территориального устройства после образования Донецкой губернии в 1919 году вплоть до создания Донецкой области в 1932 году.

Исходя из цели исследования, ставится задача выявить этапы эволюции органов власти и управления в Донбассе в обозначенный хронологический период, изучить условия возникновения и особенности процесса эволюции региональных советских органов власти и управления, их структуру и функции с учетом поставленных перед ними задач.

Процесс государственного строительства и управления в Донбассе начался еще в годы гражданской войны и осуществлялся в очень сложных и трудных условиях отсутствия политической стабильности и хаотичной смены разнообразных властей.

После изгнания кайзеровских войск в ноябре 1918 года и утраты власти Директорией УНР, в январе 1919 года в Донбассе начала восстанавливаться советская власть. Учитывая особое значение Донбасса, как главной топливной базы страны, Совнарком УССР 5 февраля 1919 года принял декрет об образовании Донецкой губернии, как временной административной единицы в составе Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии [5].

18 марта 1919 года в Славянске состоялся 1-й съезд советов Донбасса, на котором был избран центральный местный орган управления – Донецкий губисполком совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Для руководства политическими процессами и отдельными отраслями хозяйственной жизни было образовано 14 отделов. Донгубисполком был объявлен высшим органом власти в губернии. В его задачу входило общее руководство работой всех отделов, административное разделение территории губернии, установление налогов, назначение и смещение руководящих кадров [6].

Экономический курс местных органов власти был направлен на осуществление политики «военного коммунизма». В сельском хозяйстве и в сфере распределения он проявлялся в введении продразверстки для крестьян, создании продотрядов, установлении государственной монополии на продажу и заготовку хлеба, запрете свободной торговли, введении продовольственных карточек. В промышленности политика местных властей была направлена на национализацию всех предприятий, введение всеобщей трудовой повинности, установление контроля над производством.

Однако уже в мае – июне 1919 года началась вторая оккупация Донбасса войсками Деникина. Власть советов была свергнута. В регионе был установлен режим военной диктатуры.

В январе 1920 года Донбасс был полностью освобожден советскими войсками. Повсеместно стали создаваться первые органы советской власти – военно-революционные комитеты. В марте – апреле 1920 года состоялись выборы в местные советы. С апреля 1920 года военно-революционные комитеты

стали передавать все свои полномочия избранным советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Одновременно с формированием советов и управленческого аппарата начались территориальные преобразования. Партийные органы вновь вернулись к обсуждению вопроса о создании Донецкой губернии, но уже на постоянной основе. 23 марта 1920 года Совнарком РСФСР принял постановление о выделении Донецкого каменноугольного района в особую Донецкую губернию с включением в ее состав Бахмутского, Мариупольского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии, Старобельского, части Изюмского и Купянского уездов Харьковской губернии, а также части территории области Войска Донского [7].

К маю 1920 года восстановление советов в основном закончилось во всех городах и селах Донецкой губернии. К тому времени полностью завершилось выделение всего хозяйственного комплекса Донбасса в единую административно-экономическую единицу.

Интерес к проблемам угольного Донбасса – главной энергетической базы для восстановления и хозяйственного развития СССР – был огромный. О значении Донбасса в народном хозяйстве страны В. И. Ленин на XI съезде РКП(б) в 1922 году говорил: «Донбасс – это центр, настоящая основа всей нашей экономики» [8].

Объединение промышленных и сельскохозяйственных районов Донбасса в единый район способствовало приближению к производству местных органов советской власти, улучшению руководства народным хозяйством и сосредоточению управления в едином центре. Однако госаппарат в центре и на местах по своей численности и структуре был очень громоздким и располагался на территориях 8 уездов, 299 волостей и 3573 городских и сельских поселений [9], что не давало возможности эффективно управлять всеми сферами народного хозяйства. К тому же, Донбасс был сильно разорен гражданской войной, а в 1920–1921 годах на его территории разразился тяжелый кризис, охвативший экономику и социальную сферу.

Требовалось ускоренное восстановление народного хозяйства. Поэтому остро встал вопрос о создании четкой системы территориального устройства и управления. Созданные в годы гражданской войны структуры административно-территориального устройства не отвечали требованиям времени. В связи с этим в марте 1923 года началась административно-территориальная реформа, которая предусматривала создание округов и районов вместо уездов и волостей. Донецкая губерния была разделена на 7 округов: Бахмутский (с 1924 г. – Артемовский), Луганский, Мариупольский, Старобельский, Таганрогский, Шахтинский и Юзовский (с 1924 г. – Сталинский). Округа были поделены на 75 районов [10]. Кроме округов и районов были определены территории сельсоветов. В 1923 году АТУ Донецкой губернии, как и всей страны, выглядела следующим образом: центр–губерния–округ–район. В этой системе АТУ особое место отводилось районам. Их преимущество перед волостями, по мнению

многих исследователей, состояла в большем соответствии с интересами экономического развития губернии.

Функции окружных исполкомов были расширены по сравнению с уездными. В округе были созданы такие учреждения, как окрплан, окрсуд, окружная Рабсельинспекция (РСИ), которых не было в уезде. Что касается губисполкома, то его права были сужены. Он уже не имел ряд отделов, которые существовали ранее, в частности, военные, юстиции, связи, образования, ЧК и другие [11].

В первое время исполнительные комитеты советов представляли собой довольно многочленные собрания, но после реформы управления 1923 года их состав был значительно ограничен. Так, губернский исполком насчитывал 25 человек, районный – 20, волостной – 10 человек [12], что было меньше почти в два раза, чем ранее. Это позволило сократить расходы на содержание госаппарата и повысить его мобильность в решении вопросов восстановления экономики и социальной политики.

В целях приближения власти к населению и повышения ее эффективности, в июне 1925 года ВУЦИК принял постановление о ликвидации губерний, согласно которому Донецкая губерния была ликвидирована, а на ее территории были созданы 5 округов: Артемовский, Луганский, Мариупольский, Сталинский и Старобельский, в состав которых вошли 68 районов [13]. Тем самым был осуществлен переход от четырехступенчатой системы управления к трехступенчатой: центр–округ–район.

В новой системе АТУ округ стал высшим звеном системы управления на местах. С переходом на самостоятельное существование окружной совет выступил организатором развития народного хозяйства на своей территории, в частности, местной промышленности и бюджета. Однако переустройство территории усложнило решение населением вопросов повседневной жизни из-за возникшей отдаленности местных советов и социальной структуры, что вызывало недовольство жителей городов и сел.

Новая экономическая политика и административные реформы 1920, 1923 и 1925 годов способствовали быстрому восстановлению и дальнейшему развитию Донбасса. Основное внимание советов в связи с расширением их прав было сосредоточено на развитии местной промышленности, мобилизации материальных и трудовых ресурсов, участии в накоплении денежных средств. Законодательство давало местным советам формальное право руководства предприятиями союзного подчинения. Это проявилось прежде всего в мобилизации трудовых ресурсов, планировании хозяйства, бюджетных ассигнованиях, оказании всяческой помощи рабочим Донбасса в восстановлении шахт, предприятий и транспорта.

Немаловажную роль сыграли местные советы в объединении важнейших отраслей промышленности в тресты с целью повышения эффективности производства. В начале 1920-х годов в Донбассе на основе объединения наибольших и наиважнейших предприятий во всех отраслях промышленности

были созданы тресты «Югосталь», «Химуголь», «Солитрест», «Донбассцемент», «Транспорткопи» и другие, которые за короткое время перевели предприятия на самоокупаемость [14]. В итоге эти меры дали прирост добычи угля в 1925–1926 годах в полтора раза больше, чем в 1924–1925 годах, а в 1927 году было завершено восстановление угольной промышленности Донбасса. Так же успешно завершилось восстановление донецкой металлургии [15].

В отличие от тяжелой промышленности местная промышленность и товарооборот почти полностью управлялись и контролировались местными советами и их исполнительными органами. Еще в 1922 году им было передано ряд хозяйственных объектов: мельниц, маслобоен, кирпичных заводов, типографий, ремонтных мастерских и другие небольшие предприятия.

Одним из звеньев в восстановлении хозяйственной инфраструктуры был транспорт, от работы которого зависела экономическая жизнь края. Восстановление старых и строительство новых железных дорог началось практически с первых дней советской власти. В этом большую роль сыграли мобилизации квалифицированных рабочих, массовые субботники и воскресники, которые проводились советскими и партийными органами не только на отдельных предприятиях, но и в масштабах всего региона. Только в марте–апреле 1920 года на Донбассе прошло 137 воскресников и 30 субботников [15], благодаря которым в 1921 году была построена железная дорога Луганск – Лутугино, восстановлен мост через реку Северский Донец в районе Славкурорта. Субботники давали дополнительное число погруженных вагонов с углем. В Бахмуте в день 1 Мая участники Всероссийского субботника исправили мосты и шоссежные дороги, сменили шпалы на железнодорожных путях, погрузили 22 вагона соли, а в Каменском районе проложили подъездные пути к шахте «Ольга». В апреле 1921 года по призыву советских органов на шахтах Юзовки состоялось около 50 воскресников, в которых приняли участие свыше 700 тысяч человек. Общее количество угля, добытого на воскресниках, превысило один миллион пудов [16]. Однако разруха на транспорте достигла таких больших размеров, что только в конце января – начале февраля 1920 года стояли составы с углем неделями без движения, так как не было паровозов. Процент неисправных паровозов на железных дорогах Донбасса достигал 70 [17]. В конце 1922 года началось оживление на Луганском паровозостроительном заводе. Здесь только в 1922 году было восстановлено, в том числе во многом благодаря энтузиазму рабочих на субботниках, 49 паровозов, а в 1925 году завод начал выпуск паровозов. За 1926/1927 отчетный год было выпущено 75 паровозов [18], благодаря чему возобновилась интенсивная работа железнодорожного транспорта.

Неотложной задачей местных органов власти в восстановительный период являлось развитие промышленной кооперации как неотъемлемой составной части народного хозяйства. Острая нехватка денежных средств побуждала органы власти с помощью промкооперации привлечь капиталы производителей на нужды индустриализации. В 1925 году предприятия мелкой

промышленности, которые работали в системе промкооперации Донбасса, объединяли 11 тысяч кустарей и ремесленников. Характерной особенностью Донецкого региона было то, что если в начале 1920-х годов деятельность частных кооператоров была направлена на производство продуктов питания и предметов повседневного потребления: выпечка хлеба, изготовление колбас, мыла, одежды, стройматериалов, мелких металлоизделий, то к 1925 году в номенклатуре производства промкооперативов на первое место по занятости вышла добыча каменного угля. Этим занимались 245 кооперативов, в которых насчитывалось 2 968 мелких предпринимателей [19].

Местные органы власти всячески содействовали также кооперированию мелких кустарей и ремесленников в других видах производства и в сбытовой кооперации, оказывали им помощь кредитами и сырьем, аренде помещений, реализации готовой продукции. Льготные условия для работы мелкого частника были привлекательными для вступления в кооперативы. Так, только в 1927 году из 2 450 кустарей Сталинского округа в промкооперации объединились 10 000 человек, из которых две трети работали в крупных промышленных центрах, в том числе в городе Сталино 360 человек [20].

Партийное руководство особую роль отводило местным советам в развитии аграрного сектора. В январе 1920 года был создан земельный отдел Донецкого губревкома. Земельными органами на местах стали земотделы уездных и волостных исполкомов (ревкомов), на которые было возложено проведение земельной реформы.

5 февраля 1920 года Всеукраинский ревком издал закон «О земле», согласно которому была проведена конфискация помещичьих имений и национализация земли. В Донецкой губернии эту работу выполняли комиссии местных советов. Всего на территории Донецкой области безземельным и малоземельным крестьянам было передано 630 тысяч десятин земли.

Партийные и советские органы в ходе хлебозаготовок развернули активную пропаганду коллективного земледелия. В 1925 году в Донецкой губернии имелось 255 коллективных хозяйств (коммуны, артели, ТСОЗФ), в которых числилось 14 334 человека. Однако особой популярностью коллективные хозяйства не пользовались. Они объединяли всего лишь 0,8 % крестьян, преимущественно бедняков. В 1932 году в связи с политикой массовой коллективизации усилиями местных партийных и советских органов число коллективных хозяйств увеличилось до 1 484, которые объединяли 84,6 % крестьянских хозяйств и 92 % всей пахотной земли [21].

Однако более привлекательной для крестьян на протяжении 1920-х годов была добровольная сельскохозяйственная кооперация. Количество сельхозкооперативов в те годы быстро росло. В Сталинском округе с октября 1924 года по январь 1926 года их число увеличилось более чем в два раза, а численность пайщиков достигла 16 500 человек, в Артемовском округе – 46 000 человек [22]. Донецкое село, невзирая на неурожай и голод 1921, 1922 годов, постепенно возрождалось.

Советские органы власти на местах обеспечивали материальную заинтересованность крестьян коллективных хозяйств, кооперативов в возрождении и увеличении сельскохозяйственного производства, поддерживали их хозяйственную инициативу путем предоставления колхозам, совхозам и бедняцким хозяйствам льготных кредитов, ссуд на приобретение машин и инвентаря, необходимых семян, им отводились лучшие земли.

Благодаря государственной помощи аграрному сектору уже в 1925 году посевы озимых зерновых и технических культур в Донецкой губернии выросли в 1,5 раза, достигнув показателей 1916 года [23].

Во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века, когда набирал силу процесс индустриализации, возрастала роль местных советов промышленных центров в руководстве предприятиями союзного и союзно-республиканского подчинения на их территории в вопросах планирования индустриализации, в выполнении производственных планов, решении кадровых вопросов. Они получили на основе вновь принятых положений о местных советах определенную самостоятельность в руководстве всеми отраслями местного хозяйства и управления.

В начале 1930-х годов происходит коренная трансформация системы управления. Если в предыдущих реформах в структуре и организационных формах советов преобладала идея экономической специализации территориальных единиц, то с начала 1930-х годов господствующей стала идея деления региона на районы и их прямое подчинение центру. В связи с этим в целях совершенствования управления в центре и на местах в сентябре 1930 года были ликвидированы окружные советы и вводилась новая система управления: центр–район. Территория Донбасса была разделена на 12 городских и 17 районных советов [24]. Однако на практике такая двухступенчатая система деления территории значительно усложнила процесс управления, так как удаляла район от центра.

На наш взгляд, данная реформа была недостаточно продумана. Власть вообще не имела концепции и четкой стратегии ее проведения. Она руководствовалась лишь тактическими соображениями. Не было научно обоснованных критериев реформы. Это была самая неудачная реформа административных изменений. В условиях перехода к директивному планированию в годы первой пятилетки началось сворачивание предприятий мелкой промышленности в системе промкооперации, сложившейся еще в годы НЭПа, отчуждение их владельцев от собственности. Одновременно происходил процесс постепенного утверждения производственно-отраслевых структур в партийных комитетах, что привело к подмене ими советских и хозяйственных органов. По существу, местные органы власти были отстранены от самостоятельного участия в управлении производством.

Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, перестройка структуры партийных органов выявили несоответствие еще недавно созданной двухступенчатой системы административно-территориального деления

экономическим условиям развития страны. В связи с этим встал вопрос о создании промежуточного управленческого звена, которое бы приблизило управление к производству и населению.

2 июля 1932 года ВУЦИК принял постановление «Об образовании Донецкой области в Донбассе» [25], в состав которой вошли 12 городских и 12 районных советов. В отличие от предыдущих принципов экономического районирования предпочтения фактически были отданы политическому подходу, основанному на обеспечении централизованного руководства со стороны партийных и советских органов.

В новой структуре административно-территориального устройства Донецкая область, включающая в себя территорию нынешних Донецкой и Луганской областей, вплоть до 1938 года, полнее, чем предыдущие административные единицы, обеспечивала приближение руководства областного совета и его управленческих органов к районным и сельским советам.

Таким образом, местные советы и их органы управления за 14 лет, начиная с 1919 года, в результате многочисленных административно-территориальных реформ в значительной степени утратили свои управленческие функции, хотя и продолжали оставаться важнейшей составной частью всего механизма государственной власти в Донецком регионе. Они получили фактически ограниченные полномочия и возможности влиять в своей деятельности на региональную хозяйственную жизнь и социальную политику.

Ссылки и примечания:

1. Шабельников В. И. Реформирование административно-территориального устройства Украины (1917 – июнь 1941 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.01 / В. И. Шабельников. – Донецкий национальный ун-т. – Донецк, 2012. – 37 с.
2. Никольский В. Н., Изюмов В. И. НЕП в Донбассе. – Историческое исследование. – Донецк, 1992. – 128 с.
3. Гребенникова Е. В. Деятельность местных органов власти Донецкой губернии (1920–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Е. В. Гребенникова. – Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 1997. – 24 с.
4. Волкова С. Н. Деятельность местных органов власти Донбасса во второй половине 20-х – 30-х годах XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / С. Н. Волкова. – Донецкий нац. ун-т. – Донецк, 2011. – 19 с.
5. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины (СУ УССР). – 1919. – № 6. – С. 73. – С. 77.
6. ГА ДНР Ф. Р. – 1146. – Д. 6. – Л. 10.
7. Центральный Государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 870. – Л. 12.

8. Ленин В. И. Речь при открытии XI съезда РКП(б) 27 марта 1922 года / В. И. Ленин. – Полное собрание сочинений. – Т. 45. – С. 105.
9. ЦГАВО Украины. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 670. – Л. 14; ГА ДНР. – Ф. Р. – 841. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 155.
10. СУ УССР. – 1923. – № 18–19. – Ст. 307. – С. 562–567.
11. ЦГАВО Украины. – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 315. – Л. 1; Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 57.
12. Максимчук Т. А. Донецкая губерния. История создания (1919–1923). – [Электронный ресурс]. – http://letopis_donbass_name.
13. СУ УССР. – 1925. – № 29–30. – Ст. 233. – С. 562–567.
14. ЦГАВО Украины. – Ф. 34. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 284; Оп. 4. – Д. 33. – Л. 20; Оп. 10. – Д. 2263. – Л. 7.
15. Беляева Б. И., Гольдфарб Л. Г. Восстановление Донбасса в 1920 году / Б. И. Беляева // Вопросы истории. – 1955. – № 5. – С. 126.
16. Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – С. 213.
17. Баевский Д. Начало восстановления Донбасса (1920 г.) / Д. Баевский // Исторический журнал. – 1944. – № 2–3. – С. 36.
18. Индустриализация СССР. 1926–1941 гг. Документы и материалы. – М.: Наука, 1969. – С. 178–180.
19. Нікітенко К. В. Промислова кооперація Донбасу в умовах нової економічної політики / К. В. Нікітенко // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Кн. 15/16. – Донецьк: ДонНУ, 2008. – С. 118.
20. История Донбасса от древности до современности. Учебное пособие. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 401, 402.
21. Книга о Донбассе. Природа. Люди. Дела. – Донецк: Донбасс, 1977. – С. 49, 53.
22. Историческое краеведение. Страницы истории Донбасса XX века (1914–1945 гг.). Учебное пособие. – Донецк: Истоки, 2020. – С. 97.
23. Історія міст і сіл Української РСР. Донецька область. – К.: Інститут історії Академії наук УРСР. – К., 1970. – С. 41.
24. СУ УССР. – 1930. – № 23. – Ст. 225. – С. 687–714.
25. ГА ДНР. – Ф. Р. – 2109. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 1, 2.

УДК 378.147

А.О. Пенькова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: alla.zuza@gmail.com

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОВЕТСКИХ ВУЗАХ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация

В статье рассматривается геополитическая обстановка, в которой существовал СССР в XX в. Важным оставалось воспитание иностранных студентов друзьями социализма, формирование лояльных элит, проводников просоветской ориентации. «Мягкая сила» СССР успешно защищала страну на протяжении многих лет благодаря своей инструментальной и идейно-политической базе

Ключевые слова: *внешняя политика, «мягкая сила», СССР, США, иностранные студенты.*

Summary

The article examines the geopolitical environment in which the USSR existed in the twentieth century. The education of foreign students as friends of socialism, the formation of loyal elites, and the conductors of a pro-Soviet orientation remained important. "Soft power" of the USSR successfully defended the country for many years due to its instrumental and ideological-political base

Keywords: *foreign policy, "soft power," the USSR, the United States, foreign students.*

Цель данной статьи является исследование формирования особенной системы подготовки иностранных студентов в советских вузах, как одного из главных факторов использования «мягкой силы» во внешней политике СССР.

Историография темы в основном представлена отечественными работами, посвященными исследованию подготовки иностранных студентов в советских вузах, ее значению в политическом плане (Е.В.Панин, В.А.Белов, Д.Н. Андросова, О.В. Золототрубова, Е. А. Антюхова).

Рассмотрение любого явления или процесса не может быть объективным и полным без учета причин его возникновения, а также исторического контекста, в котором объект исследования сформировался и получил развитие. Без анализа внутренних и внешних факторов нельзя понять предпосылки и мотивацию создания системы подготовки иностранных студентов в высших учебных заведениях СССР, а также выявить ее специфику.

Внутриполитические факторы дают возможность понять этапы формирования системы подготовки иностранцев в советских вузах, выявить организационные моменты.

Центральная задача внешней политики любого государства заключается в укреплении его позиций и авторитета на международной арене, создании благоприятных внешних условий для долгосрочного социально-экономического развития страны. Внешнеполитический инструментарий реализации данной задачи меняется от одной эпохи к другой.

В XX в. в условиях биполярного мира доминирующей тенденцией было наращивание государствами в первую очередь «жесткой силы» – военной и экономической мощи. На современном этапе мирового развития, под влиянием процессов глобализации и в условиях формирования новой «полицентричной системы международных отношений», на передний план в качестве главных факторов влияния государств на мировую политику, наряду с военно-политическим весом и экономическими ресурсами, выдвигаются факторы «мягкой силы»: достижения государств в области культуры и искусства, науки, технологий, образования и т.д. [1].

Примечательно, что в СССР практическое использование «мягкой силы» и высшего образования, как одного из ее проявлений (или инструментария) проводилось задолго до возникновения самого этого понятия.

Подготовка иностранных граждан в советских вузах стала осуществляться на самых ранних этапах становления молодого государства – еще в 1920-е годы. Советское руководство, продолжая ликвидировать неграмотность в своей стране, поставило в качестве одной из своих внешнеполитических задач – оказание культурной помощи народам Востока. Под помощью народам Востока подразумевалась помощь всем колониальным и зависимым странам, борющимся за свою свободу и независимость.

Идея о создании в стране Советов интернационального вуза возникла еще во времена деятельности III Интернационала. В Ташкенте в 1921 г. был организован Университет народов Востока (позднее он был переведен в Москву и получил название Коммунистический университет трудящихся Востока – КУТВ). В 1925 г. на первом выпуске слушателей КУТВ с речью выступил И.В. Сталин, в которой он говорил о большом значении подготовки в Советском Союзе кадров, как для Советских республик, так и для колониальных и зависимых стран Востока [2]. В речи имеются сведения о составе слушателей и задачах коллектива этого университета. Многие идеи, принципы обучения и воспитания специалистов, сформулированные в этой речи, не потеряли актуального значения и в наше время. В составе студентов КУТВ в том году обучались представители 50 наций и национальных групп Востока, а за все время деятельности университета в нем получили образование представители 73 народов Востока. В 1923 году Коммунистическому университету трудящихся было присвоено имя товарища Сталина (КУТВ имени товарища Сталина) [3]. Университет достаточно плодотворно работал с 1921 года по 1938 год, и был закрыт в связи с

реорганизацией всей системы партпросвещения. Выпускниками КУТВ имени товарища Сталина разных лет были видные деятели мировой политики и коммунистического движения – Дэн Сяопин, Цзян Цзинго, Хо Ши Мин, Чо Бонам, Сэн Катаяма, Юсуф Сулейман Юсуф, Халед Багдаш, Манабендра Рой, Владимир Михайлович Хетагуров и многие другие.

Итак, первыми иностранными студентами в РСФСР были представители Монголии, Афганистана, Ирана, Турции и других, в основном восточных стран. При этом значительно возрос контингент студентов, которых готовили для промышленности, строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства, просвещения, здравоохранения и культуры. В связи с этим примечателен тот факт, что Декретом Совнаркома Российской Федерации от 8 июля 1921 года иностранные граждане получали право не только на бесплатное обучение, но и им было гарантировано трудоустройство после окончания вуза [4]. Это был существенный стимул иностранным гражданам для учебы в советских вузах. Особенно, если учесть, что по данным исследователей в СССР находилось в это время более 4 млн. иностранных граждан и многие из них стремились получить образование в СССР и применить полученные знания как здесь, так и у себя в стране [5].

В 1930-е годы в СССР осуществлялся широкий обмен специалистами и студентами с зарубежными государствами. В учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Киева и других городов обучались иностранные граждане.

В довоенный период иностранцы получали в СССР не только гражданское, но и высшее военное образование.

Но как система подготовка иностранных студентов в советских вузах стала складываться уже после Второй мировой войны. Именно в послевоенные годы резко активизируется приток иностранных студентов в учебные заведения СССР, прежде всего из стран народной демократии, ставших на новый путь развития и остро нуждающихся в кадрах собственных специалистов для различных отраслей народного хозяйства. С конца 1940-х гг. на обучение в СССР приезжает молодежь из Монголии, Северной Кореи, Китая, с 1955 года из Демократической Республики Вьетнам, а с 1960 года из Республики Куба [5]. Основой сотрудничества высшей школы СССР с этими странами стало подписание Договоров на уровне правительств, в которых определялись обязанности советской стороны по обеспечению стипендий, общежитием, качеством учебной и научно-методической подготовки и т.д. [6].

Так, мы наглядно видим, формирование системы подготовки иностранных граждан в СССР велось в условиях начавшейся в конце 1940-х годов Холодной войны.

Холодная война – термин, обозначающий состояние военно-политической конфронтации государств и групп государств, при которой ведется гонка вооружений, применяются экономические меры давления (эмбарго, блокада экономическая и т. п.), осуществляется организация военно-стратегических плацдармов и баз [7].

Этот период в огромной степени затронул социальные, экономические и психологические аспекты жизни многих народов и государств. Во времена «холодной войны» сформировался биполярный мир. С одной стороны СССР, который ценой невероятных усилий одержал победу над фашизмом, сумел восстановить свое прежнее могущество и обеспечить рост во всех сферах. С другой – США, чьи потери во Второй мировой войне были минимальными: из-за географического положения военные действия на территории страны не велись, население США сильно не пострадало [8].

Естественно, что в годы Холодной войны и международная безопасность определялась двумя ведущими сверхдержавами – США и СССР – и, следовательно, на несколько последующих десятилетий характер международных отношений стал зависеть от решений, принимаемых в Вашингтоне и Москве, что не могло не вызвать недовольства со стороны «традиционных» центров силы Европы – Франции и Великобритании. Это ещё больше усиливало элементы конфронтации в биполярной структуре мира.

Отправной точкой начала Холодной войны принято считать речь Уинстона Черчилля, которая была произнесена в Вестминстерском колледже американского города Фултон 5 марта 1946 года.

Для ведения Холодной войны в США была создана мощная научная база. Изучением различных аспектов этой войны, и, прежде всего, скрытого управления настроениями, мышлением и поведением человека, в крупнейших университетах США занимались созданные институты, научные центры и лаборатории, сеть которых постоянно расширялась. В конечном счете, в США действовало около 300 советологических центров.

По мнению большинства исследователей, закончилась Холодная война с распадом Советского Союза в 1991 году (хотя есть и другие трактовки окончания Холодной войны – приход к власти М.С. Горбачева в 1985 г., некоторые авторы считают, что Холодная война продолжается и по сей день) [9].

Краткая характеристика международной обстановки помогает понять те условия на международной арене, в которых Советский Союз осуществлял подготовку иностранных студентов, которую рассматривал как инструмент усиления своего влияния в различных регионах мира. В современной политике, исторических и социальных науках эта стратегическая деятельность названа «мягкой силой».

Автор термина «мягкая сила» (soft power) – профессор Гарвардского университета Джозеф Най – указал: «Сила – это способность изменять поведение других для получения того, чего вы желаете. Для этого есть три основных способов: принуждение (палка), плата (морковка) и притягательность (мягкая сила)». Создание структур и агентов влияния – это «плата», а не «притягательность». «Мягкая сила» по Джозефу Наю – это способность «нравиться» за счёт трех компонентов: наличия привлекательного имиджа, проведения определенной культурной политики, воздействия на информационную и образовательную сферу другой страны. Сам термин

появляется в работах Дж. Ная во второй половине 1980-х гг., а в научный оборот в оформленном виде термин «мягкая сила» вводится в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» изданной в 1990 г. Впоследствии он развил данное понятие в своей второй книге 2004 года издания «Soft Power: The Means to Success in World Politics» [10].

Одной из предшественниц концепции «мягкой силы» была концепция «культурно-идеологической гегемонии», которая была разработана итальянским философом Антонио Грамши в 1930-х годах и доведена до научной общественности в «Тюремных тетрадах». Она получила широкое распространение в кругах западноевропейских и американских неоконсерваторов [11].

Как следует из сказанного, само явление существовало задолго до его теоретического осмысления. Оно использовалось в различные эпохи, в разных странах мира. По всей вероятности, использование стратегии «мягкой силы» зачастую зависело от множества причин, одна из которых – мудрость и сила конкретных правителей, понимавших неоспоримые преимущества данной политики.

Невозможно игнорировать исторический факт длительного доминирования СССР в сфере «мягкой силы» во времена Холодной войны (до конца 1970-х – начала 1980-х гг.) в формировании дружественных политических элит зарубежных государств путем предоставления иностранным гражданам высшего образования в Советском Союзе. Как полагают американские исследователи, анализ культурного экспорта США в конце 1950-х – 1960-х гг. подтверждает мнение, согласно которому пропагандистские шаги правительства Соединенных Штатов на информационном фронте и программы культурных обменов представляли собой робкую реакцию на советскую идеологическую атаку [12].

В XX столетии борьба великих держав за лидерство в мировой политике приобрела многоплановый характер. К политической и экономической сферам отношений прибавилась культура, распространяемая через каналы массовых коммуникаций. Советский Союз и Соединенные Штаты, сконцентрировав в своих руках планетарную власть, выстраивали с помощью «мягкой силы» собственную реальность. Движущей силой экспансии двух сверхдержав, по мнению политолога из Оксфордского университета Н. Гоулд-Дэвиса, становятся «частные акторы» (поддерживаемые государством), которые руководствуются «логикой экономической экспансии», информатизация и интернационализация международных отношений предоставила им неведомые ранее возможности для самовыражения [13].

«Мягкая сила» – это «способность государств привлекать граждан других держав на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов». Данная стратегия включает в себя, прежде всего, такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как

экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей.

Предоставление образовательных услуг иностранным студентам является одним из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. В студенческие годы у молодых людей формируются мировоззренческие ценности и взгляды, воспринимается культура, во многом и образ жизни населения того государства, где они получают образование [14].

Творчески мыслящие и любознательные студенты из других стран в ходе своего обучения активно изучают язык принимающей страны и с искренним интересом знакомятся с достижениями науки и культуры. Такие студенты приобретают ценный социальный капитал и, вернувшись на родину с новым багажом накопленных знаний, связей, симпатий и новых друзей, как правило, становятся эффективными проводниками языка и культуры той страны, где учились [15].

В итоге эффективность воздействия на внешний мир с помощью национального образования как инструмента «мягкой силы» оказывается в конечном счете гораздо выше, чем с помощью военных или иных рычагов давления.

В СССР накоплен богатый опыт в области привлечения зарубежных студентов. Надо отметить, что Советский Союз долгое время успешно использовал высшее образование в качестве инструмента геополитики и «идеологического оружия» в условиях блокового противостояния и Холодной войны, еще задолго до возникновения самого понятия «мягкой силы». В течение ряда лет Советский Союз занимал второе место по числу обучающихся иностранных студентов в мире (после США) [16].

Советский Союз делал ставку на ту сферу, где он имел подавляющее превосходство – элитарную культуру, приносящую, несмотря на узкую аудиторию почитателей, максимально возможные политические дивиденды за непродолжительный период.

Таким образом, рассмотрев международные факторы формирования советской системы подготовки иностранных специалистов, нужно отметить, что международная обстановка в изучаемый период была крайне сложной, СССР в рамках биполярного мира был вынужден отвечать на вызовы Холодной войны. В этих условиях практическое применение политики «мягкой силы» было оправдано и действенно. Наибольшей результативности удавалось достичь в сфере высшего образования, которое было очень привлекательным для молодежи из разных регионов планеты и имело длительные стратегические последствия.

Ссылки и примечания:

1. Чепурина М.А. Мягкая сила в глобальной политике: Болонские измерения // Вестник РУДН, серия Политология, 2014, № 1. – С. 96-103

2. Сталин И.В. Студентам Коммунистического университета трудящихся Востока // Правда. № 121, 31 мая 1927 г.
3. Панин Е.В. Коммунистический университет трудящихся Востока // Известия МГТУ «МАМИ» № 4(18), 2013, Т. 2. – С. 201 – 206.
4. Протокол № 431 заседания Большого Совнаркома от 8 июля 1921 г.
5. Белов В.А. «Подготовка кадров для зарубежных стран в советских вузах: Вторая половина 60-х – конец 80-х годов»: Дис...к.и.н: 07.00.02 – Москва, 2000. – 267 с.
6. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 21. – М., 1966. – С. 438– 440.
7. Андреева Е. В. Характеристика системы международной безопасности в период Холодной войны / Е. В. Андреева. – // Молодой ученый. – 2011. – № 5 (28). – Т. 2. – С. 70-72.
8. Ильинский И. М. Холодная война: новый этап // Война и мир. – 2015 – №3. С. 5 – 17
9. Косов А.П. российская историография о роли США в развязывании «Холодной войны» // Белорусский журнал международного права и международных отношений – 2017 – № 3. – С. 54 – 59.
10. Nye J. S. Think Again: Soft Power// Foreign Policy. 2006. February, 23.
11. Филимонов Г. Ю. «Мягкая сила» в культурной дипломатии США – М: РУДН, 2010. – 212 с.
12. Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент и имиджевых технологий во внутренней и внешней политике» // Известия. Саратовского. университета. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. – С. 66 – 74.
13. Матвеевко Ю.И, Галаева М.Г. Стратегии «мягкой силы» основных факторов международных отношений // Проблемы постсоветского пространства. 2016.(4). – С. 69 – 79.
14. Антюхова Е. А. Образование как «Мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018; Т.23. №4.
15. Масич В.А. Наука и образование как инструменты «Мягкой силы»// Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения 2015. – С. 117 – 125.
16. Торкунова А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета, 2012 №4. – С. 85-93.

УДК 94(470.315) «1941/1945»

В.С. Околотин

доктор исторических наук,

Ивановский государственный университет, Россия

e-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ В ВОССТАНОВЛЕНИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ЗАВОДОВ ДОНБАССА ОСЕНЬЮ 1943 ГОДА

Аннотация

В статье исследуются действия Государственного комитета обороны по восстановлению осенью 1943 г. Ново-Краматорского машиностроительного завода им. Сталина и Старо-Краматорского машиностроительного завода им. Орджоникидзе. Статья подготовлена на основе документов Российского государственного архива социально-политической истории.

***Ключевые слова:** Государственный комитет обороны, постановление, Донбасс, заводы, восстановление, наркоматы.*

Summary

This article examines the actions of the State Defense Committee to restore the Kramatorsk metallurgical plants of Donbass in the autumn of 1943. It was prepared on the basis of materials from the Russian State Archive of Socio-Political History.

***Keywords:** State Defense Committee, Donbass resolution, metallurgical plants, restoration, People's commissariats.*

Государственный комитет обороны (далее - ГКО) сыграл ключевую роль в восстановлении промышленности Донбасса. Анализ принятых им в 1943 г. постановлений свидетельствует о том, что они, во-первых, принимались по мере освобождения его территории от немецких оккупантов и, во-вторых, имели комплексный характер. Прежде всего, они были направлены на поиск, мобилизацию и привлечение ресурсов страны для восстановления разрушенных войной угольных шахт, железнодорожных коммуникаций, энергообъектов, машиностроительных и металлургических предприятий Донбасса.

В тех условиях для окончательного изгнания врага с территории Советского Союза, разгрома нацистской Германии и ее союзников были важны каждая тонна угля и выплавленной стали. Поэтому скорейшее восстановление промышленности Донбасса значительно усиливало имеющийся потенциал государства, способствовало наращиванию производства продукции для бесперебойного обеспечения потребностей фронта и тыла.

Эти усилия нашли отражение как в отечественной, так и зарубежной историографии. В частности, к числу современных фундаментальных отечественных трудов следует отнести 12-томное издание «Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов» и его седьмой том, получивший название «Экономика и оружие войны» [1]. Исследования ученых Донецкой Народной Республики о данном периоде были аккумулированы в «Журнале исторических, политологических и международных исследований», издаваемом по итогам проведения ежегодных международных научных конференций «История Донбасса: анализ и перспективы». Научный интерес представляет монография группы авторов А. А. Саржана, В.В. Липинского, Л.А. Рощиной и других, посвященная истории промышленности Донбасса, изданная Донецким государственным университетом в 2020 г. [2]. Реализация постановлений ГКО по восстановлению его хозяйственной инфраструктуры в 1943 г. также нашла отражение в трудах автора, опубликованных на страницах указанного журнала [4]. Однако введенные в научный оборот материалы еще не позволяют сделать убедительный вывод о полноте отражения действий ГКО по возрождению хозяйства Донбасса. Поэтому данная статья, освещающая его меры по восстановлению машиностроительных заводов, своим содержанием направлена на частичное восполнение недостающей информации.

Однако обращение к данной теме аргументируется не только исследовательским интересом автора данной статьи, но и острой востребованностью прошлого опыта для восстановления Донбасса в современных условиях. К великому сожалению, спустя почти 80 лет со дня исследуемых событий эта тема вновь стала актуальной, о чем свидетельствуют политические решения российского государства.

Вскоре после окончательного освобождения г. Краматорска от немецкой оккупации 21 сентября 1943 г. ГКО принял постановление №4168 «О восстановлении Ново-Краматорского завода им. Сталина и Старо-Краматорского завода им. Орджоникидзе в Донбассе». Его принятию предшествовала пояснительная записка, подготовленная Н.А. Вознесенским, М. Сачковым и Л.М. Кагановичем на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова с проектом постановления. В записке отмечалось, что восстановление хозяйственной инфраструктуры Донбасса «в сравнительно короткие сроки потребует наличия мощной производственной базы по производству технологического оборудования и запасных частей». Такой базой, по их утверждению, могли стать Ново-Краматорский и Старо-Краматорские заводы (далее заводы), которые «должны и могут быть восстановлены в наикратчайшие сроки» [5, л.171]. Предложенный ими проект постановления после доработки и согласования с наркоматами, задействованными в его осуществлении, был принят членами ГКО.

Постановление обязало Наркома тяжелого машиностроения Н.С. Казакова «немедленно приступить к восстановлению» указанных заводов, имея ввиду, что они «послужат головной базой по восстановлению черной металлургии, угольной

промышленности и электростанций Донбасса». При этом было подчеркнута необходимость «считать восстановление перечисленных выше заводов особо важной военно-политической и народнохозяйственной задачей» [5, л.162].

Все строительно-монтажные работы по их восстановлению были возложены на Наркомат по строительству под личным наблюдением его руководителя С.З. Гинсбурга. Данным наркоматам было поручено в месячный срок составить план восстановления данных предприятий и графики ввода в действие их производств. В первую очередь восстановлению подлежали литейные цеха с мартенами и вагранками, кузница и прессовый цех, а также механические цеха для производства металлургического оборудования, кранов, крупных шахтных машин горнорудных механизмов, запасных частей к ним и к электростанциям.

В целях обеспечения восстанавливаемых заводов рабочей силой ГКО обязал Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР произвести для них срочную мобилизацию рабочих в количестве 5 тыс. человек и еще 5 тыс. для Наркомстроя из числа местных жителей. Сталинский обком КП(б)У и областной совет депутатов трудящихся постановлением обязало обеспечить возврат на указанные заводы и в Особую строительно-монтажную часть (далее ОСМЧ) «Донмашстрой» всех рабочих и инженерно-технических работников, ранее работавших на данных предприятиях. Им было запрещено направлять рабочих и ИТР на другие промышленные объекты [5, л.164]. Местным органам исполнительной власти и военной администрации также было запрещено занимать принадлежащие заводам помещения, мобилизовывать на иные объекты уже занятых на их восстановлении рабочих и ИТР, изымать любое имущество и все виды транспорта [5, л.166].

Наркомторгу СССР было поручено организовать торговлю и снабжение продовольственными товарами по нормам особого списка всех работающих на производстве и восстановлении указанных заводов, а также выделить для них дополнительно по линии Наркомтяжмаша и Наркомстроя по 2 тыс. вторых обедов, и по 40 и 60 карточек по литере «А» и «Б» соответственно, а также по 40 сухих пайков [5, л.164]. ГКО также обязал Наркомторг, Наркомтекстиль и Наркомлегпром СССР до 10 октября 1943 г. отгрузить специальным назначением за счет рыночных фондов для рабочих предприятий и ОСМЧ «Донмашстрой» с целью пошивки белья, теплой одежды и постельных принадлежностей по 60 тыс. метров хлопчатобумажных тканей, по 10 тыс. метров шерстяных тканей, по 5 тонн ваты, по 2 тыс. штук одеял и на 30 тыс. руб. хлопчатобумажных ниток [5, л.164].

Наркома станкостроения А.И. Ефремова и директора завода «Красный Пролетарий» П.Ф. Тараничева постановлением обязало в срочном порядке отгрузить в Краматорск для заводов 20 походных кухонь, а Наркомтяжмашу было разрешено при комбинатах и ОСМЧ «Донмашстрой» создать отделы рабочего снабжения (ОРСы) [5, л.168]. Наркомтяжмашу и Наркомстрою также было разрешено выдавать особо нуждающимся рабочим и ИТР в пределах 1500

человек, пострадавшим от немецкой оккупации, для хозяйственного обзаведения по 3 тыс. руб. с рассрочкой на 1 год [5, л.168].

Наркому внешней торговли А.И. Микояну было поручено в месячный срок отгрузить заводам и ОСМЧ «Донмашстрой» из импортных поступлений по 4 тыс. пар кожаной обуви, по 25 автомашин, по 5 тракторов и 8 передвижных железнодорожных и автомобильных кранов. Ему же предстояло принять все меры к отгрузке им из полученных по импорту для Наркомтяжмаша 50 единиц уникального оборудования, среди которого значились металло-режущие станки, кузнечнопрессовое оборудование и т.д. В свою очередь Наркомтяжмашу предстояло изыскать на своих предприятиях и в 3-месячный срок направить в Краматорск 200 единиц оборудования аналогичной номенклатуры [5, л.165,167].

Управление Государственных материальных резервов при СНК СССР постановлением обязало отпустить заводам и Наркомстрою по 15 т грубой шерсти для изготовления валенок и по 20 т бензина для закрепленного за ними автотранспорта. Главнефтеснабу при СНК СССР дополнительно предстояло отгрузить им по 40 тонн бензина и необходимое количество смазочных материалов за счет уменьшения поставок в Госрезерв. Наркомрезинпрому надлежало поставить комбинатам во внеочередном порядке до 10 октября 1943 г. 150 штук покрышек «Гигант» и по 1000 погонных метров транспортной ленты и прорезиненных ремней [5, л.164].

Для срочной организации и установления на указанных объектах средств связи постановлением обязало Наркомсвязь немедленно командировать в распоряжение руководства заводов необходимое количество специалистов. Наркомату путей сообщения (Л.М. Каганович) предстояло выделить комбинатам и ОСМЧ «Донмашстрой» 50 двухосных платформ для перевозки строительных материалов и топлива. С этой же целью Наркомтяжмашу предстояло выделить им 3 паровоза производства Коломенского завода и завода «Красный Профинтерн», а также 3 локомотива и 3 котла А-7 «за счет отодвижки сроков поставки другим потребителям». Наркому стройматериалов Л.А. Соснину было поручено направить в сентябре-октябре 1943 г. равномерно заводам и ОСМЧ «Донмашстрой» 1000 тонн цемента, 4 вагона оконного стекла и по 2000 рулонов толи и рубероида. Наркомчермету надлежало отгрузить 30 т гвоздей, а Главснаблесу при СНК СССР – 5 тыс. кубометров круглого леса и 3 тыс. кубометров пиломатериалов из фондов Наркомстроя [5, л.168].

Для восстановления заводов ГКО своим уполномоченным назначил заместителя наркома тяжелого машиностроения Н.Ф. Песчаного. Ему было предоставлено право отбора и направления на них, а также ОСМЧ «Донмашстрой» необходимого оборудования независимо от его ведомственной принадлежности. ГКО запретил кому бы то ни было осуществлять изъятие оборудования, стройматериалов и иных ценностей на территории Ново и Старо-Краматорских машиностроительных заводов [5, д.169].

Таким образом, ГКО изыскивал любые возможности для скорейшего восстановления хозяйственно-промышленного комплекса Донбасса и, прежде

всего, Краматорских машиностроительных заводов. Эти меры варьировались от строительных работ, направления оборудования, в том числе и получаемого по импорту, а также мобилизации рабочей силы и ее мотивирования продовольствием и промышленными товарами из скудных военных запасов страны. Их скорейший ввод в эксплуатацию позволял восстановить другие предприятия Донбасса, а также приблизить победу над нацистской Германией и ее союзниками.

Ссылки и примечания:

1. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т.7. Экономика и оружие войны. – М.: Кучково поле, 2013. – 864 с. 20 л. ил., ил.
2. История промышленности Донбасса: монография /А.А. Саржан, В.В. Липинский, Л.А. Рощина [и др.]; под ред. А.А. Саржана; ГОУВПО «ДОННТУ». – Донецк: ДОННТУ, 2020. – 357 с.
3. Околотин В.С. Помощь предприятий и населения Ивановской области освобожденному Донбассу в 1944 году // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2019. – №1. – С. 123-126;
4. Околотин В.С. О мерах Государственного комитета обороны по восстановлению шахт Донбасса в январе – марте 1943 г. // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2020. – №1/2 (72/73). – С. 72-77.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2. Д. 215.

УДК 94:470«1943/1953»

Н.Н. Старченко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: starchenko.natalya@mail.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ И ПРОМЫШЛЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ В ПОСЛЕВОЕННОМ СТАЛИНО (1943-1953 ГГ.)

Аннотация

В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в 1943 – 1953 гг. с продовольственным и промышленным снабжением городского населения в послевоенном Сталино. Анализ структуры обеспечения населения города необходимыми продуктами питания и промышленными товарами позволил автору сделать вывод о неудовлетворительном уровне развития советской системы снабжения и потребления.

Ключевые слова: *Сталино, снабжение, потребление, горожане, торговля, гастроном, ассортимент.*

Summary

The article examines the situation that developed in 1943 – 1953 with the food and industrial supply of the urban population in the post-war Stalino. An analysis of the structure of providing the population of the city with the necessary food and industrial goods allowed the author to conclude that the level of development of the Soviet system of supply and consumption was unsatisfactory.

Keywords: *Stalino, supply, consumption, townspeople, trade, deli, range.*

Комплексное исследование истории повседневности нуждается в изучении структуры продовольственного и промышленного снабжения городского населения, а также торговли и ее влияния на жизнь советских людей. Разветвленная сеть торговых заведений, а именно магазинов, рынков, киосков создает механизм, с помощью которого люди организуют материальное пространство своей повседневной жизни, приобретая там то, что нужно в быту: продукты питания, одежду, промтовары и т.д.

Цель данной работы – исследовать продовольственное и промышленное снабжением городского населения в послевоенном Сталино, а именно в период 1943 –1953 гг.

В советской историографии, в общем контексте изучения истории УССР, данная проблема нашла отображение на страницах таких изданий, как – «История рабочих Донбасса» [1], «История Украинской ССР» [2], «Робітничий клас Української РСР (1946-1970 рр.)» В. Романцова [3]. Среди множества работ

советских историков можно выделить коллективные монографии Л.А. Гордона, Е.В. Клопова и Л.А. О니кова [4].

На сегодняшний день проблемы советской повседневности активно исследуются отечественными и зарубежными историками. Например, комплексному исследованию социально-бытовых проблем советской повседневности, в которых рассматривались вопросы продовольственного и промышленного снабжения населения в РСФСР, имеющие много общего с Донбассом, внесли российские ученые Н.М. Козлова [5], Н.Б. Лебина [6], О.Ю. Зубкова [7]. Тем не менее, наиболее часто проблема обеспечения населения города необходимыми продуктами питания и промышленными товарами, а также влияние торговли на повседневную жизнь советских людей, освещается вскользь от других аспектов будничной жизни. К сожалению, большинство работ по истории советской повседневности посвящено периоду 1920-1930-х годов. Период первых послевоенных лет и повседневность города Сталино в целом исследованы еще недостаточно. Таким образом, считаем выбранную проблему актуальной и нуждающейся в тщательном изучении.

В СССР проблема улучшения благосостояния своих граждан стояла особенно остро после Великой Отечественной войны в связи с колоссальным ущербом, причиненным стране фашистским нашествием. В сентябре 1943 года Донбасс был освобожден Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков, после чего на освобожденной территории развернулось восстановление разрушенного нацистами в годы оккупации народного хозяйства.

Послевоенное восстановление и дальнейшее развитие Донецкого бассейна с областным центром городом Сталино самым тесным образом было связано с решением вопросов повышения материального благосостояния и жизненного уровня населения. Мероприятия, по упорядочиванию системы и структуры питания городов и сел Донбасса, начали проводиться властью почти сразу же после освобождения этого региона от немецкой оккупации. Пищевая и легкая промышленности, производившие продукцию для нужд армии во время Великой Отечественной войны, начала выпускать ее для населения.

Еще в годы войны снабжение городского населения продуктами питания и промышленными товарами первой необходимости стало нормированным. В разрушенном и разграбленном Донбассе и в дальнейшем действовала карточная система распределения промышленных и продовольственных товаров, сплошь и рядом не хватало самого необходимого. Ежесуточная потребность в снабжении жителей города Сталино хлебом до войны составляла 280 т, или в среднем на душу населения 550 г. По данным на 1 декабря 1944 г. ежесуточная потребность в хлебе составляла 142 т, или 460 г на душу населения в день, мяса-рыбы – 1 530 г в месяц, жиров – 480 г, сахара – 325 г, крупы – 423 г. [8].

До 1947 года продовольственные карточки оставались основными документами, позволявшими содержать семьи. Их получали рабочие и служащие промышленных предприятий,строек, детские дома, больницы, дома инвалидов. Существовали рабочие карточки первой и второй категорий,

специальные карточки для служащих, детей и иждивенцев. Нормы отпуска по карточкам, а также цены на продукты были строго фиксированы (например, дневная норма хлеба по рабочей карточке первой категории составляла 800 г, второй категории – 600 г) Нормы для служащих, иждивенцев, детей были еще ниже, соответственно 500 и 400 г [9]. Следует подчеркнуть, что карточки отоваривались в соответствии с установленными ценами. Их не принимали без денег, а деньги не действовали без карточек. При этом достаточно часто случались перебои в обеспечении населения хлебом, крупяными изделиями и другими продуктами питания, о чем свидетельствуют архивные документы. Например, рабочим шахты №144 города Сталино за август месяц 1945 года по 1-й категории были отоварены все продукты, за мясо отоварены колбасой и консервами, по 2-й категории также все продукты. По 3-й категории 50% служащим отоварено только жирами. Хлеб рабочим выдавался только ржаной, белый хлеб был только всего 2 раза в количестве 63 н. гр. Как правило хлеб поступал с пекарни Азотного завода с перебойми, в следствии чего образовывались очереди [10]. Но, стоит отметить, что постепенно нормы снабжения повышались, был расширен ассортимент выдаваемых по карточкам продуктов. В указанный период полностью отоваривались продовольственные карточки по установленным нормам угольщикам, металлургам, оборонной и электропромышленности.

В Законе о четвертом пятилетнем плане на 1946 – 1950 гг. ставилась цель: «...не только восстановить довоенный уровень благосостояния народа, но и превзойти довоенный уровень народного дохода, более чем на 30 %» [11]. Одним из средств достижения этой цели советское правительство считало снижение государственных розничных цен на промышленные и продовольственные товары. Однако в сентябре 1946 г. оно в 2,5-3 раза повысило цены на основные продукты питания, распределявшиеся по карточкам: хлеб, масло, мясо, сахар, соль и др. [12].

Ярким моментом первых мирных послевоенных лет в жизни горожан явилась отмена в декабре 1947 г. системы нормированного карточного распределения продуктов питания. Теперь горожанин мог прийти в магазин и относительно свободно приобрести набор продуктов первой необходимости – мясо, молоко, сливочное масло.

В 1946 – 1947 гг. правительство приступило к снижению государственных розничных цен. При жизни И.В. Сталина эта акция осуществлялась в пять этапов. Первый из них был связан с отменой карточной системы и денежной реформой, проведенными в декабре 1947 года. При этом власть не заостряла внимание граждан на размерах снижения цен, так как они не соответствовали ожиданиям людей, переживших войну и голодные 1946-1947 годы. Все последующие этапы сопровождались широкомасштабными пропагандистскими кампаниями. Тем не менее, следует подчеркнуть, что от политики снижения цен выигрывали городские слои населения, так как могли себе позволить приобрести товар и в государственных магазинах, и на колхозных рынках.

Обеспечение городского населения продуктами питания и промышленными товарами осуществлялось в основном через определенную систему торговли. В целом, в структуре советской торговли различалась государственная, кооперативная, коммерческая торговля (до реформы 1947 г.), торговля на колхозных рынках.

9 ноября 1946 г. Совет Министров Союза ССР принял важнейшее постановление «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» [13]. Стоит отметить, что в исследуемый период потребительская и промысловая кооперация крайне неудовлетворительно работала в области расширения производства товаров и развертывания торговли предметами широкого потребления. Производственной базой советской торговли являлись государственные предприятия, кроме того, постановлением Совета Министров СССР потребительской и промысловой кооперации было представлено право широко организовать собственную производственную деятельность, создав предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов и производству товаров широкого потребления из местного сырья и отходов государственных предприятий. Промысловая кооперация освобождалась от заказов промышленности и таким образом получала возможности для перехода на производство товаров широкого потребления. Перед ней была поставлена задача установить непосредственную связь с потребителем, то есть организовать продажу изготовляемых артелями товаров в своих магазинах, ларьках на базарах и ярмарках как в городе – так и в деревне. Для руководства и контроля за работой кооперации, правительство создало Главное управление при Совете Министров СССР [14].

Промысловая кооперация города Сталино в 1946 – 1947 гг. была представлена 34 промартелями и 94 пунктами по бытовому обслуживанию трудящихся. Население города обеспечивали своей продукцией предприятия мясомолочной и пищевой промышленности, такие как Мушкетовский маслозавод, завод безалкогольных напитков, Гормолокозавод, Сталинская кондитерская фабрика «Главкондитер»; артели: «Рекорд», «Возрождение», «Полиграфпечать», «Металлоширпотреб». Согласно архивным документам, все промышленные предприятия города восьмимесячный план 1947 года выполнили на 100,3%. [15].

Как правило, обычные продуктовые магазины в городе стояли почти пустыми, на витринах которых были выставлены аппетитные муляжи. В середине 1946 года начали открываться колхозные рынки и государственные коммерческие магазины. Например, в январе 1949 года в Сталино был открыт фирменный магазин «Главконсерв» Министерства пищевой промышленности. Ассортимент овощных, мясоовощных и фруктовых консервов превышал 60 наименований. В трех специальных отделах потребитель мог приобрести продукты переработки фруктов. Ассортимент магазина пополнялся

первосортной продукцией консервных предприятий Одессы, Херсона, Мелитополя, Симферополя, Хачмаса (Азербайджанская ССР) и др. В первой половине января, также начали работу фирменные магазины «Главтабак» и «Главпарфюмер» [16].

Летом 1950 года в Сталино остро стояла проблема с обеспечением горожан овощами и фруктами. Например, в городской газете был опубликован материал о работе местного «Гастронома», где указывалось, что «свежие овощи в магазинах «Гастронома» города Сталино – довольно редкое явление даже в летнюю пору. Между тем, городская контора этой торговой организации имеет специальную овощезаготовительную базу с солидным штатом. С начала весенне-летнего сезона магазины получили от базы считанные килограммы овощей. Попытки отдельных магазинов вести заготовку овощей самостоятельно не дали практических результатов». Также было отмечено, что «все это хорошо известно управляющему областной конторой «Гастронома» тов. Куц, но он не принимает необходимых мер к обеспечению населения овощами и фруктами» [17]. Таким образом, горожане вынуждены были покупать овощи и фрукты на колхозных рынках по завышенным рыночным ценам.

В исследуемый период расширила свой ассортимент созданная в 1936 году и считавшаяся одной из крупнейших предприятий УССР по производству макаронных изделий – Сталинская макаронная фабрика «Укрмакаронтрест», выпустив такие виды продукции как: макароны особые, гофре, крупно-резанные вермишель любительская, тонкая, лапша прессованная, резанная, фигурные рожки гладкие. Также следует добавить, что сразу после освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году восстановил свою деятельность Сталинский Рыбокомбинат, который обеспечивал рыбной продукцией население города [18].

Для обеспечения населения масложировой продукцией в 1949 году был запущен в эксплуатацию Сталинский маргариновый завод «Главмаргарин». Популяризация маргариновой продукции проводилась путем объявления по радио, распространения по торговым организациям и магазинам области рекламных плакатов и листовок, а также расклейкой последних [19].

К концу 1940-х – началу 1950-х годов среди горожан возрос спрос на кондитерские изделия. В связи с этим был расширен ассортимент изделий и увеличено количество выпускаемой продукции. В 1949 году Сталинская кондитерская фабрика выпустила 128 сортов, расширив, по сравнению с 1948 годом, ассортимент на 47 сортов, а в 1950 году ассортимент был расширен до 141 сорта. Важно отметить, что в 1950 году фабрикой было реализовано 7 804 т продукции. Из этого количества было отпущено торгующим организациям Сталинской области 7 497 тыс. тонн, Ростовской области – 228 тонн, Краснодарской – 79 тонн [20].

Следует отметить, что важную роль в решении проблемы продовольственного снабжения играли колхозные рынки. Они были основными поставщиками картофеля, овощей, фруктов. По рыночным ценам у колхозников

покупали муку, мясо, молоко, масло, яйца. Учитывая важную роль базаров в обеспечении горожан продуктами питания, городские власти расширяли и благоустраивали их территории. Цены на рынках были выше, чем государственные в среднем в 1,5 раза. Продукты, приобретенные в государственных магазинах и на рынках, делились приблизительно поровну. В государственных магазинах покупали хлеб, сахар, кондитерские изделия, рыбу и мясо; на рынке – картофель и другие овощи, фрукты, молоко и яйца. Обитавшему на окраинах города населению, потребности в еде помогало решать личное подсобное хозяйство.

Значительную часть доходов каждая семья тратила на приобретение и пошив одежды. Поскольку легкая промышленность была переориентирована на нужды фронта и очень медленно восстанавливала производственные мощности, ассортимент товаров широкого потребления был довольно скромным. Большинству современников послевоенных лет жизнь и одежда запомнились в серо-зеленых цветах. Жители городов носили шинели, гимнастерки, в которых вернулись с фронта, да наряды, перешитые из них. Привычным явлением были люди в ватниках и военных кирзовых сапогах. Верхнюю одежду и обувь было приобрести сложнее всего, поэтому женщины часто перекраивали старые пальто и костюмы довоенного образца, шили платье из парашютов, гардин, брезента.

Согласно решениям еще военного времени, готовую одежду, хлопчатобумажные ткани отпускали только военнослужащим, инвалидам, работникам искусства и школам. В практику предприятий вошло премирование работников товарами легкой промышленности и тканями. Гражданскую одежду шили на заказ в ателье и дома. Использовали преимущественно дешевые ткани: ситец, сукно, сатин, саржу. Мечтой каждой хозяйки 1940-х начала 1950-х годов оставалась трофейная швейная машинка «Зингер». Приобретение отреза на пальто или платье превращалось в настоящее праздничное событие [21].

В то же время, следует подчеркнуть, что в продажу периодически поступал товар, пользующийся у населения особым спросом. Так, по данным рекламных объявлений в областной газете, в Сталинском универмаге «Главсобунивермаг» по ул. Артема, 31 летом 1947 года можно было приобрести качественные ткани: суконно-шерстяные, шелковые, льняные, летний ассортимент хлопчатобумажных тканей всевозможных расцветок. В ассортименте был трикотаж, галантерея, готовое платье, посудо-хозяйственные товары, ювелирные изделия. Также указывалось о большом выборе обуви: мужской, женской, детской, а также модельной. В отделе культтоваров имелись в продаже: репродукторы, гитары, балалайки, аккордеоны, гармонии, патефоны, электропроигрыватели, пианино, рояли и граммофонные пластинки лучших исполнителей тех лет – Л. Утесова, Л. Руслановой. Примечательно, что кроме центрального магазина Сталинский универмаг имел свои филиалы в городах Макеевке, Горловке, Никитовке, Буденновке [22].

В послевоенное время общепринятой стала практика увеличения поставок продуктов и промышленных товаров в города накануне государственных

праздников. Часто это делалось, чтобы поощрить работников к участию в массовых мероприятиях (прежде всего демонстрациях 1 Мая, 7 Ноября, парадах) и усилить «праздничность момента» и радостное настроение горожан. Например, в 1950 году ко Дню Великой Октябрьской социалистической революции магазины Сталинского отдела «Гастронома», подготавливаясь к осенней праздничной торговле пополнили ассортимент товаров и предлагали покупателям в большом выборе: колбасные изделия, свинокочености, рыботоровары, сыры, икру кетовую, паюсную и зернистую, разнообразные рыбные консервы в масле и томате, жиры животные, масло сливочное 5-6 сортов, водочные изделия (водку, настойки, наливки и ликер), широкий ассортимент виноградных вин, разнообразный выбор кондитерских товаров, табачных изделий и других товаров. Также в Сталинский Горпромторг к празднику в продажу поступили в широком ассортименте: посуда фарфоровая, стеклянная, хрустальная, шерстяные и шелковые ткани, готовое платье, галантерея, обувь. Стоит отметить, что Горпромторг имел и специализированные магазины. Так, в магазине №17 по ул. Артема, 83 был представлен широкий ассортимент шерстяных и шелковых тканей, трикотажа, галантереи, парфюмерии высокого качества; в расположенном на проспекте Маяковского д. 66 обувной магазин №10 была завезена женская, мужская и детская обувь, а магазин «Детский мир» презентовал большой выбор детского готового платья и игрушек. В течение 5-7 ноября продуктовые магазины в Сталино работали до полуночи, а магазины промышленных товаров – до десяти часов вечера [23]. Такие «государственные милости для народа» широко освещались в прессе как признак роста уровня жизни трудящихся. О необходимости улучшения товароснабжения в такие периоды неоднократно подчеркивали и партийные работники трестов и организаций.

Таким образом, союзное и региональное правительство пыталось относиться серьезно к проблемам обеспечения своих граждан продуктами питания и непродовольственными товарами народного потребления. Однако, далеко не все постановления выполнялись с такой простотой, с которой были написаны. Несмотря на попытки руководства региона улучшить продовольственную и промышленную ситуацию в городе Сталино, их меры все же не смогли решить насущных проблем, которые касались обеспечения населения необходимыми продуктами питания и промышленными товарами, и удовлетворить растущие потребности городских жителей.

Ссылки и примечания:

1. История рабочих Донбасса. В 2-х т. – Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. – К.: Наукова думка, 1981. – 432 с.
2. История Украинской ССР. В 10 т. – Т. 9: Украинская ССР в период построения развитого социалистического общества (1945 – начало 60-х годов). / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. К.: Наукова думка, 1985. – 583 с.

3. Романцов В. Робітничий клас Української РСР (1946-1970 рр.). – К., 1972. – 219 с.
4. Гордон Л.А., Клопов, Э.В., Оников, Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра / Л.А.Гордон, Э.В.Клопов, Л.А.Оников – М.: «Знание», 1977. – 160 с.
5. Козлова Н.Н. Советские люди (сцены из истории). – М.: Издательство «Европа», 2005. – 527 с.
6. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. – 488 с.
7. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 229 с.
8. Государственный Архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). – Ф. 18. Оп. 5. Д. 328. Л. 7.
9. Коляструк О.А. Повсякденне життя українського суспільства у перші повоєнні роки / О.А. Коляструк // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. Серія «Історія». – Вип. 20. – 2012. – С. 132.
10. ГА ДНР. – Ф. 18. Оп. 5. Д. 122. Л. 2.
11. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. В 4 т. Т. 3. 1946–1952 гг. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 44.
12. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 71.
13. ГА ДНР. – Ф. Р-4674. Оп. 1. Д. 31. Л. 135.
14. ГА ДНР. – Ф. Р-4674. Оп. 1. Д. 31. Л. 136-138. 146.
15. ГА ДНР. – Ф. 18. Оп. 5. Д. 206. Л. 138, 146.
16. Фірмові магазини // Радянська Донеччина. – 1949. – 9 січня. – С. 4.
17. Почему в магазинах нет овощей // Социалистический Донбасс. – 1950 г. – 9 июля. – С. 2.
18. ГА ДНР. – Ф. Р-5233. Оп.1. Д. 27. – Л. 2.
19. ГА ДНР. – Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 12. – Л. 161.
20. ГА ДНР. – Ф. Р-4249, Оп. 2, Д. 5013, Л. 1; Ф-Р-5555. Оп. 1. Д. 27. – Л. 11, 42.
21. Коляструк О.А. Указ. соч. – С. 134.
22. Сталинский универмаг Главособунивермага // Социалистический Донбасс. – 1947 г. – 5 августа. – С. 4.
23. Праздничная торговля // Социалистический Донбасс – 1950 г. – 4 ноября. – С. 4.

УДК 94:323.25(477.62)"1991"

В.Л. Агапов

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: agarov_donetsk@mail.ru

ВЕСЕННЯЯ 1991 Г. ЗАБАСТОВКА В ДОНБАССЕ: МАСШТАБЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

Рассмотрены масштаб и экономические последствия весенней 1991 г. забастовки в Донбассе. Опираясь на статистические данные, автор показывает степень включенности в забастовку коллективов различных угольных объединений и шахт Донецкой и Луганской областей, отраслей промышленности, урон, нанесенный народному хозяйству вследствие остановки угледобычи.

Ключевые слова: *Донбасс, забастовка, горняк, экономический урон*

Summary

The scale and economic consequences of the spring 1991 strike in Donbass are considered. Based on statistical data, the author shows the degree of involvement in the strike of collectives of various coal associations and mines of Donetsk and Luhansk regions, industries, the damage caused to the national economy as a result of stopping coal mining.

Keywords: *Donbass, strike, miner, economic damage*

В 2022 г. внимание ученых-гуманитариев, политиков, представителей общественности, СМИ привлечено к событиям 100-летней давности, связанных с образованием на просторах бывшей Российской империи нового по своей сути государства – Союза Советских Социалистических Республик. Одновременно не ослабевает внимание к истории развала этого уникального продукта и явления человеческой цивилизации, который произошел всего через 69 лет после своего оформления. Продолжается изучение тех общественных сил, которые были задействованы в этом процессе, в частности, роли шахтерских коллективов. Именно на горняков за эту политическую и гуманитарную катастрофу возложил ответственность М. С. Горбачев, когда написал: «Быстрое разрушение просуществовавшего 70 лет общественного устройства началось с волнений шахтеров – одного из самых крупных и боевых отрядов рабочего класса, на который, по идее, опиралась Советская власть» [1, с. 460].

Историография проблемы, получившая начало своего формирования в 1989 г., когда шахтерские массы во всеуслышание заявили о своих требованиях к власти, обогащается все новыми исследованиями. Только в последние годы появились публикации А.В. Баранова [2], К.С. Карпенко [3]. В. П. Вершель [4]. Выделяется исследование В.Д. Воронина «О роли шахтерского движения в распаде СССР» [5]. Украинские историки также затрагивают проблематику шахтерского движения в Донбассе с целью обоснования тезиса о всенародном характере движения в годы «перестройки» за якобы суверенную Украину [6 – 7]. Свой вклад в изучение проблемы внес и автор данной статьи [8]. Тем не менее, некоторые вопросы проблемы не нашли своего освещения – это масштабы и экономические последствия шахтерских забастовок в Донбассе.

Цель статьи – опираясь на статистические данные, выяснить степень вовлеченности в забастовку шахтерских коллективов Донбасса, ущерб, который был нанесен народному хозяйству вследствие весенних забастовок 1991 г.

Борьба горняков 1991 г. своими конями уходит в 1989 г., когда возрождалось забастовочное движение, когда почти во всех шахтерских регионах СССР проходили массовые акции протеста. Прокатившиеся забастовки стали реакцией людей на всю массу экономических и социальных проблем, которые с началом «перестройки» обрушились на их головы. Забастовка 1991 г. при внешнем экономическом характере (выполнение требования правительственного постановления № 608, повышение зарплаты и прочее) имела явную политическую направленность, так как к 1991 г. на политическом ландшафте полностью сложился союз либерального лагеря и лидеров шахтерского движения СССР, начавший формироваться также в 1989 г.

Известно, что старт широкомасштабным шахтерским акциям был дан 10 июля 1989 г., когда забастовала шахта им. Шевякова в Кузбассе. Но накануне 8-9 июля в Москве в выставочно-методическом центре «Советские профсоюзы» активисты Московского рабочего клуба, являвшиеся сторонниками А. Сахарова, проводили встречу с представителями рабочих коллективов страны, «засветившимися» в период избирательной кампании 1989 г. Собранным ориентировали на проведение «народной антикалужской революции». Высказывалась мысль, что рабочему классу еще предстоит доказать, что он играет ведущую роль в обществе. Звучал риторический вопрос: «Возможна ли победа?». И давался однозначный ответ: да, возможна, если рабочий класс использует такое оружие, как забастовка. «Ответственность за последствия остановки производств несут не рабочие, а те, кто вынуждает трудящихся идти на крайнюю форму протеста, хотя, конечно, забастовки приносят экономический ущерб» [9].

В конце 1990 г. после того, как 20-го декабря безрезультатно закончилось рассмотрение в правительстве проекта Генерального типового тарифного соглашения (далее – ГТТС), подготовленного консультантами шахтерских лидеров в преддверие Второго съезда шахтеров СССР (Донецк, 22 – 26 октября 1990 г.), Исполнительное бюро (ИБ) созданного в Донецке Независимого профсоюза горняков СССР (НПГ) объявило с 25-го декабря предзабастовочное состояние.

Имеет смысл подчеркнуть, что из 11 человек ИБ, которые решали вопрос о возобновлении забастовки, 7 чел. были представителями Донбасса.

Основания для проведения стачки были названы следующие: правительство СССР остается невосприимчивым к решениям шахтерских съездов, не реагирует на требования горняков, зафиксированные в ГТТС, не садится за стол переговоров, своим бездействием толкает шахтеров на стихийные неорганизованные выступления. Идею всесоюзной отраслевой забастовки вскоре поддержал официальный шахтерский профсоюз (ПРУП). В конце января 1991 г. Центральный Совет Профсоюза работников угольной промышленности СССР выдвинул требование повысить вдвое заработную плату шахтерам, также угрожая в случае отказа организацией забастовок.

Лидеры страны не считали возможным удовлетворить требования профсоюзов угольщиков, так как официальный дефицит государственного бюджета СССР на 1991 г. составлял 60 млрд. руб., а выполнение требований только по заработной плате вело к увеличению бюджетного дефицита еще на 13 млрд руб. КМ СССР (образован 26 декабря 1990 г.) по поручению ВС СССР готовил изменения и дополнения к Закону «О порядке разрешения трудовых споров (конфликтов)», которые должны были ужесточить ответственность ее организаторов за проведение незаконных забастовок. КМ СССР сделал очередной шаг навстречу горнякам, расширив список профессий, дающих право на льготный выход на пенсию. Согласно принятому 19 января 1991 г. постановлению такое право получили рабочие еще четырех подземных специальностей. 29 января на заседании КМ СССР обсуждались проблемы угольщиков с участием генеральных директоров производственных объединений (далее – ПО). Рассматривался вопрос «О мерах по обеспечению устойчивой работы угольной промышленности». Одним из результатов заседания стало решение о сохранении МУП СССР как отраслевого союзного министерства. С 1 февраля плановый фонд поощрения увеличивался на 42%. После заседания правительства с генеральными директорами встретился Президент СССР.

Б. Н. Ельцин и И. С. Силаев не высказывались против предполагавшейся забастовки, потакали ей. В УССР ситуация была иной. Отношение местной власти к перспективе конфликта выразил Председатель Верховного Совета УССР Л. Кравчук: «Если мы встанем на путь забастовок, нам не вырваться из кризисов. Наше спасение – в стабилизации экономики» [10]. Власти УССР пытались не допустить забастовки, а для этого нужно было начать переговоры с шахтерскими лидерами. И эти переговоры представители правительства вели с членами Регионального Союза стачечных комитетов Донбасса (далее – РССКД). Но правительство УССР было ограничено в своих возможностях удовлетворить требования горняков, поскольку шахты входили в состав общесоюзного министерства.

5-го февраля РССКД разработал следующий алгоритм действий в случае отказа власти выполнить выдвинутые требования: закончить переговоры с правительством УССР и если до 15-го февраля соглашение не будет достигнуто, то

с 20-го февраля будет прекращена отгрузка угля. Если и в дальнейшем требование о повышении зарплаты не будет выполнено, возможно возобновление забастовки с 1-го марта.

Перспективы забастовки, степень готовности к ней обсуждались 11 – 13 февраля в Москве на заседании Совета представителей НПП и лидеров шахтерских стачкомов (Донецкую область представляли 15 горняков). Здесь было принято решение: в связи с нежеланием КМ СССР начать переговоры по заключению ГТТУ провести в коллективах работу по подготовке к всесоюзной стачке. Ее требования имели экономическую направленность: прежде всего, повышение зарплаты в 2-2,5 раза; льготные условия выхода на пенсию всем подземным рабочим; подписание ГТТУ с КМ СССР. Участники совещания в Москве поручили шахтным организациям НПП и стачкомам провести общешахтные референдумы по возобновлению стачки, приступить к созданию забастовочных фондов. Они рекомендовали стачкомам обратиться за помощью к общественным организациям как в СССР, так и за рубежом.

25-го февраля правительство УССР, пытаясь избежать забастовки, предоставило право республиканским отделениям Госбанка СССР увеличить шахтам базовый фонд потребления. Фонд оплаты труда в ПО «Красноармейскуголь», к примеру, увеличился на 19,9%. В Москве этот шаг правительства УССР был одобрен. Но повышение зарплаты примерно на 20% не могло удовлетворить лидеров НПП, выдвинувших требование повысить зарплату в 2-2,5 раза.

Представляется важным напомнить экономическую ситуацию, которая сложилась в СССР к началу 1991 г. Обратимся к данным, которые приводил в 1991 г. Б. Петелин: в 1990 г. в СССР было выявлено 265 тыс. экономических преступлений. Реальное их количество, считает исследователь, было в 2-3 раза больше. Только по 50 уголовным делам причиненный государству ущерб составлял около 1 млрд. руб. Умышленное нанесение ущерба госучреждениям по действовавшему законодательству не могло рассматриваться как преступление, поскольку, по закону, захват государственной собственности трактовался как изменение ее формы: она преобразовывалась из государственной в кооперативную. Количество денег, пишет он далее, выданных государством кооператорам, в 11 раз превышало суммы, которые были внесены последними в банки СССР. Совместные предприятия, которых на 1 января 1990 г. было зарегистрировано 1,2 тыс. (в Донецкой области в 1991 г. их было 28 – В. А.), были особой экономической зоной, фактически закрытой для государственного и правоохранительного надзора. Таким образом, в публикации Б. Петелина зафиксированы два процесса, которые протекали в экономической сфере: начавшееся перераспределение государственных финансовых ресурсов в интересах частных предпринимателей и «дикая приватизация» [11, с. 73]. Не в состоянии прекратить эти процессы, потакая им, власти пытались экономить на рабочем классе. Что касается политической жизни в те дни, то сошлемся на мнение Д.Е. Фурмана, который считает, что различные политические группировки лишь имитировали идейную борьбу

(коммунисты и демократы), на самом деле борьба шла за сохранение своего статуса, власти, денег в условиях краха коммунистической идеологии [12, с. 11].

Забастовка в Донбассе началась 1 марта. В этот день по данным РССКД прекратили угледобычу 18 шахт из 220. ЦК КПУ располагал информацией о забастовках на 14 шахтах, на 10 из которых бастовала одна из смен. На острие забастовочного движения находились недавний лидер Всесоюзного социалистического соревнования коллектив ПО «Красноармейскуголь», и многолетний «аутсайдер» – коллектив ПО «Первомайскуголь», в течение последних 15 лет не выполнявший планов угледобычи. Тон забастовки в ПО «Красноармейскуголь» задавали горняки шахты им. А. Стаханова, которые и в 1989 г. были застрельщиками стачки в объединении. Это было крупнейшее в Донбассе угольное предприятие. На нем трудились более 8 тыс. чел. Годовой объем угледобычи составлял 3,5 млн. т. Шахта добывала угля больше, чем ПО «Дзержинскуголь» или ПО «Лисичанскуголь» и приблизительно столько же, сколько ПО «Первомайскуголь». Возглавлял бастовавших шахтеров М.Я. Вольнец, до 1985 г. являвшийся парторгом шахты, но вовремя переместившийся на профсоюзную работу. Со временем (1995 г.) М.Я. Вольнец станет Председателем НПГ Украины, народным депутатом Верховной Рады 4 – 6 и 9 созывов, членом фракции БЮТ. Авангардная роль в забастовочном движении коллективов ПО «Красноармейскуголь» и позже «Павлоградуголь» во многом объясняется тем, что их представители в феврале 1991 г. возглавили созданный накануне НПГ СССР. Проходчик шахты «Самарская» ПО «Павлоградуголь» П. Шушпанов был избран Председателем НПГ, а руководитель стачкома ПО «Красноармейскуголь» А. Мриль являлся одним из двух его заместителей.

1 марта на многих шахтах Донбасса забастовка была проведена как предупредительная, а формой участия в забастовке стала неотгрузка угля. В КазССР в ПО «Карагандауголь» 1 марта остановили угледобычу 24 шахт из 34. 2 марта, отвергнув рекомендации РССКД, не прекратили забастовку 4 шахты ПО «Красноармейскуголь» и три шахты ПО «Первомайскуголь», создав очаги, которые должны были привести к ее распространению.

3-го марта начали забастовку горняки Норильска, 4 марта – горняки Донецка, где экономические требования были дополнены политическими (отставка М.С. Горбачева, роспуск ВС СССР, независимость Украины на основе Декларации о суверенитете). В ПО «Донецкуголь» наряду с шахтами, включенными в программу закрытия, бастовали коллективы мощных и недавно введенных в эксплуатацию шахт «Южнодонбасская №1» (1973 г.) «Южнодонбасская №3» (1985 г.). 5-го марта забастовала шахта им. Героев космоса ПО «Павлоградуголь» (1979 г.). В том, что крупнейшие шахты Донбасса первыми поднялась на забастовку, была своя закономерность, обнаруженная социологами Великобритании. Они установили, что чаще бастуют те, кто работает на крупных предприятиях, у кого труд является более интенсивным, у кого большие заработки, бастуют те, кому есть, что терять [13]. Однако выдвижение политических требований не находило поддержки у многих шахтеров. Социологическое исследование, проведенное в Луганской

области, показало, что за отставку М.С. Горбачева высказывались лишь 30 % респондентов, 60 % были против, боясь, что с устранением его от власти будет разрушен СССР. Была и другая причина отторжения политических требований, выраженная словами одного из шахтеров: «Мы все устали от политики, хочется просто по-человечески жить».

Важным рубежом забастовки был день 11 марта. Эта «важность» определялась, во-первых, тем, что в этот день в 12 часов дня истек срок, который был дан шахтерскими лидерами Кузбасса М.С. Горбачеву для сложения с себя полномочий Президента СССР. Не дождавшись отставки, Союз трудящихся Кузбасса объявил о начале с 12-го марта политической забастовки «до победного конца».

Во-вторых, 11-го марта истек срок, который предоставили правительству УССР шахты, проводившие 1 марта однодневную предупредительную забастовку. В Донбассе произошло расширение масштабов забастовки. Она вспыхнула на отдельных шахтах Доброполья, Селидово, Шахтерска, Свердловска, Краснодона, Лисичанска, Стаханова. В Донбассе 11 марта бастовали более 20 шахт и число бастовавших коллективов возрастало.

20-го марта в Донбассе бастовали 34 угольных предприятия: пять шахт в ПО «Красноармейскуголь», семь в ПО «Первомайскуголь», одиннадцать в ПО «Донецкуголь», одна в ПО «Лисичанскуголь», семь в ПО «Селидовуголь», шахта «Коммунист» в ПО «Шахтерскуголь». 2 шахты не отгружали уголь.

Союзные органы власти отреагировали на расширение стачки принятием ВС СССР двух постановлений, которые должны были погасить надвигавшийся шквал: «О забастовках шахтеров» (21 марта) и «О прекращении забастовок на предприятиях угольной промышленности страны» (26 марта). Вследствие действий ВС СССР Луганский областной стачком заявил о моратории на проведение забастовок до 1-го августа. В ПО «Свердловантрацит» была проведена конференция коллектива, где было решено прекратить забастовку до 1 мая. Вышли из забастовки предприятия ПО «Донбассантрацит» (Красный Луч), «Краснодонуголь». В Донецкой области заработали в полном объеме шахты ПО «Добропольеуголь», шахта «Коммунист» (ПО «Шахтерскуголь»), в Днепропетровской области – шахта «Павлоградская» (ПО «Павлоградуголь»). Забастовка продолжалась на шахтах Димитрова (ПО «Красноармейскуголь»), Донецка, Макеевки (Донецкая обл.) Первомайска (Луганская обл.), Терновки и Павлограда (Днепропетровская обл.). Таковы были итоги первого месяца борьбы горняков.

Шахтерами УССР в марте было недодано 3,4 млн. т угля, в том числе в результате забастовки – 2,6 млн. т. В ПО «Красноармейскуголь» мартовский план был выполнен на 17 %. В первом квартале года угледобыча в Донецкой области сократилась на 19,6%, в том числе в ПО «Донецкуголь» на 38 %, в ПО «Добропольеуголь» – на 39 %. В СССР угледобыча снизилась на 11%.

Попытаемся ответить на вопрос: насколько критичными были потери угледобычи. В 1990 г. шахтеры УССР в среднем ежемесячно добывали 14,4 млн. т

угля. То есть, в марте добыча угля сократилась, если иметь ввиду среднестатистический показатель 1990 г., на 19,3%, в том числе по причине забастовки на 18%. Реально потребителям не поступала почти каждая пятая тонна угля. На Донецкой железной дороге стояли 1,7 тыс. пустых вагонов, предназначенных для перевозки угля. В УССР были остановлены 6 энергоблоков. Вследствие недопоставок кокса лихорадило все металлургические заводы. На комбинате «Запорожсталь» из 5 доменных печей 2 были затушены. Состояние экономики заместитель Председателя Совета Министров УССР по вопросам тяжелой промышленности В. Гладуш характеризовал так: «Катастрофическое – это слово относительно данной ситуации даже мягкое. Нам грозит полное разрушение коксохимии. Дальнейшее разрушение коксохимии – это полная остановка металлургической отрасли со всеми вытекающими последствиями...» [14].

Начавшееся затухание забастовочной стихии было прервано 2 апреля 1991 г. Правительство осуществило повышение цен. Потребительская корзина, по подсчетам специалистов, возросла на 320%. Предполагавшиеся компенсационные выплаты 60 руб. в месяц явно были недостаточны. Повышение цен вызвало новый виток забастовочной борьбы. Одновременно 2 апреля в Москве в соответствии с постановлением ВС СССР от 26 марта 1991 г. было предпринято меры, направленные на недопущение тотальной шахтерской забастовки. Председателем КМ СССР В. Павловым были подписаны постановления и распоряжения, среди которых главным было «О мерах по повышению заработной платы работникам угольной (сланцевой) промышленности в 1991 – 1992 годах». Документ предполагал поэтапное повышение зарплаты вслед за увеличением расчетной цены тонны угля. По сравнению с соответствующими периодами предыдущего года она должна была вырасти в апреле-июне на 25 %, в июле-сентябре – на 50 %, в октябре-декабре – на 75 %, январе-марте 1992 г. – на 100 %. Доплата устанавливалась за каждую тонну при условии выполнения планов (!). Поскольку политические требования забастовки выполнены не были, шахтерские лидеры ее не прекращали.

В разгар забастовки 24 апреля в Донецкой области бастовали шахты 4-х объединений из 11. В тот день из 121 шахты полностью не добывали уголь 11, 91 работала в обычном режиме, на остальных 19 добыча составляла 10-30% к плану. Количество забастовщиков от числа трудящихся в этот день составляло 9,6% в ПО «Донецкуголь», 10% – в «Селидовуголь», 12% – в «Макеевуголь», 21,5% – в «Красноармейскуголь». Бастовали в основном рабочие основных подземных специальностей [15]. Если брать все дни забастовки, то в ПО «Донецкуголь» наиболее массовыми забастовки были на шахтах «Южнодонбасская №1», где число бастующих составляло 35,8%, им. газеты «Социалистический Донбасс», им. Челюскинцев – по 30%, в ПО «Красноармейскуголь» – на шахте «Краснолиманская», где бастовало 34,4% рабочих.

Только применительно к этому активному меньшинству применима характеристика С. Кара-Мурзы: «Множество разумных людей своими руками уничтожали тот строй, в котором они существовали как привилегированная

социальная группа. И требовали установить строй, в котором они как социальная группа должны были неминуемо быть превращены в ничтожество» [16, с. 81]. Проведенное в УССР социологическое исследование показало, что, несмотря на массированную дискредитацию советского прошлого и настоящего, 55% рабочих видели дальнейшее развитие общества на путях реализации социалистических ценностей и только 18% на путях его капитализации [17].

«Заявление 9+1», подписанное 23 апреля 1991 г. М.С. Горбачевым и девятью лидерами союзных республик, в том числе Б. Ельциным и В. Фокиным, предусматривало прекращение стачек. 26 апреля начался выход из забастовки горняков ПО «Красноармейскуголь». 28 апреля в связи с переходом шахт в юрисдикцию РСФСР прекратилась забастовка российских шахтеров. 6 мая забастовка в Донбассе была завершена.

В Донецкой области за 4 месяца по сравнению с аналогичным периодом 1990 г. добыча угля уменьшилась на 7 млн. т. Немаловажной причиной свертывания угледобычи был развал централизованного материально-технического обеспечения. В качестве иллюстрации для доказательства высказанного тезиса приведем показатели угледобычи шахты «Енакиевская» ПО «Орджоникидзеуголь», которая в забастовке участия не принимала. Выполнение плана добычи в январе составило 100%, в феврале – 96%, в марте – 100,3%, в апреле – 96,3%. План четырех месяцев был выполнен на 98,2%. При этом надо учитывать, что на работающие шахты, в том числе «Енакиевскую», перенаправлялись материальные ресурсы, ранее предназначавшиеся бастовавшим шахтам. Но, конечно, главной причиной снижения угледобычи была стачка. Из-за нее к плану было недодано 4,5 млн. т угля. Если принять невыполнение объемов угледобычи в Донецкой области за 100%, то на долю горняков ПО «Красноармейскуголь» приходилось 41,2%, ПО «Донецкуголь» – 32%, ПО «Макеевуголь» – 17%, ПО «Селидовуголь» – почти 10%.

Согласно подсчетам экономистов, потери угольной промышленности УССР вследствие стачки составили 5,4 млн. т. угля, а это значит, что 83% понесенных потерь было связано с забастовкой в Донецкой области.

Вследствие продолжительности забастовки материальные потери намного превысили последствия июльской забастовки 1989 г. Потери Донецкой области от забастовки 1989 г. составили 1,3 млн. т угля, в 1991 г., как уже указывалось, 4,5 млн. т. В 1989 г. народное хозяйство относительно безболезненно пережило шахтерскую забастовку, так как запасы угля были достаточными вследствие перевыполнения горняками Донбасса полуугодового плана (в Луганской области план был перевыполнен почти на 2 млн т, в Донецкой области – на 2,5 млн т).

Ситуация 1991 г. могла быть более драматичной, если бы лидеры РССКД сумели поднять на забастовку весь Донбасс. Этого не случилось. В Луганской области стабильно работающих коллективов было 68 (75%). В Донецкой области на 72 шахтах (60% их числа) забастовок не было ни длительных, ни краткосрочных. Если в 1989 г. забастовок не было на 20 шахтах Донбасса, то в 1991 г. – на 140. В бастовавших в 1991 г. объединениях «Макеевуголь», «Донецкуголь» не

участвовали в забастовке треть шахт (соответственно 27% и 30 %). Только в двух объединениях бастовали все шахты – «Селидовуголь» и «Красноармейскуголь», если не учитывать «Краснолиманскую-Западную», где шли пусконаладочные работы.

Несмотря на накал политических страстей, забастовка сохранила свой ведомственный характер. В Донецкой области к забастовке шахтеров присоединились только коллективы 14 шахтостроительных организаций (3 коллектива в Донецке, столько же в Димитрово, по два – в Доброполье, Макеевке, Селидово, Шахтерске). Общее число шахтостроителей, принимавших участие в стачках, составило 2 тыс. чел. Ими был невыполнен объем строительно-монтажных работ на 5,5 млн. руб. Поддержали шахтеров коллективы 4-х предприятий, не входивших в состав МУП СССР, в частности, Донецкий хлопчатобумажный комбинат, донецкий завод «Полимер» и Дружковский метизный завод.

В целом, из 1 220 предприятий и строительных организаций Донецкой области в забастовках участвовали 67 – 5,5% от их общей численности с числом участников почти 69 тыс. человек [18, с. 10]. Было недодано продукции на 258,6 млн. рублей.

Проведенной забастовкой горняки усложнили работу тружеников базовых отраслей народного хозяйства. Тепловые электростанции УССР недополучили 800 тыс. т угля. Производство электроэнергии по этой причине сократилось на 2 млрд. квт/ час., или на 5% рабочей мощности. Промышленные предприятия Донбасса столкнулись с дефицитом электроэнергии. Не имея необходимого количества угля, центральные обогатительные фабрики недогружали продукцию углеобогащения на коксохимические заводы, которым для нормальной работы необходимо было ежедневно получать 345 тыс. т угольного концентрата. Коксохимики СССР недополучили в течение первого полугодия 9,7 млн. т коксующихся углей – 15% от необходимых объемов. Коксохимики УССР в течение марта-апреля не получили 2,6 млн. т сырья. Коксохимики Донецкой области были вынуждены прекратить эксплуатацию 5 коксовых батарей, остальные были переведены на увеличенный период коксования. В Донецко-Приднепровском промышленном районе сокращение производства кокса составило более 1 млн. т. (13,6%).

Металлурги, не имея кокса, сворачивали производство. В Донецко-Приднепровском промышленном районе в апреле были остановлены 10 доменных печей, в том числе в Донецкой области 5. Лихорадило металлургические заводы и комбинаты им. Дзержинского и им. Петровского в Днепропетровской области, им. Войкова в Керчи, «Криворожсталь», им. Орджоникидзе в Запорожье, Коммунарский металлургический завод, все заводы Донецкой области [19]. Негативно влияли на функционирование отрасли и другие факторы: сокращение добычи железной руды на 9%, уменьшение поставок лома черных металлов, который активно вывозился за границу. В 1990 г. металлургам его было недопоставлено 1,8 млн. т, и как следствие, обеспеченность ломом составляла 66% от нормативных требований. Поскольку и после забастовки ситуация не

улучшилась, в СССР в июле был предусмотрен вывод из эксплуатации 13 доменных печей.

В УССР падение производства чугуна составило 13%, стали 12%. Задолженность по чугуну превысила 400 тыс. т, по стали – 1 млн. т. В СССР за 5 месяцев недопроизводство составило более 4 млн. т чугуна, 5 млн. т стали и 250 тыс. т труб. За 6 месяцев отставание по производству чугуна составило 6,8 млн т, стали 8,1 млн т. [20]. В Донецкой области производство чугуна уменьшилось на 917 тыс. т (9,8%), стали на 1157 тыс. т (10,1%).

Дефицит стали повлиял на дальнейший цикл. 11 прокатных станков УССР работали с неполной нагрузкой. Поэтому металлурги донецко-приднепровского района не додали к плановым расчетам 547 тыс. т. готового проката (10%) [21]. На 10,8% уменьшились объемы грузоперевозок на железнодорожном транспорте. Железнодорожники потеряли 50 млн. т. прибыли.

Тем не менее, забастовка не нанесла существенного урона экономике УССР. Потери от забастовок шахтеров оценивались в 260 млн. руб. национального дохода, что составляло 0,7% его величины. Потери в промышленности составили более 900 млн. руб. В натуральных величинах потери составляли 1% объемов производства и 1,4% производительности труда [22]. Коксохимии затушили 5 коксовых батарей, но 83 продолжали функционировать. Промышленные предприятия столкнулись с дефицитом электроэнергии. Но доля потерь по этой причине рабочего времени составила в Донецкой области 1,8%.

Обратим внимание на следующие цифры: потери рабочего времени в Донецкой области вследствие забастовок составили 1 103,5 тыс. человеко-дней, в то же время 373,6 тыс. человеко-дней были потеряны вследствие недопоставок сырья и продукции по заключенным договорам. Так, по данным областного управления «Донецкглавснаб» на 17 апреля 1991 г. шахтам не было выделено ни одного кубометра древесины при годовом плане 474,2 тыс. куб. м. Лес продавался за границу.

16 мая 1991 г. был издан президентский Указ «О неотложных мерах по обеспечению стабильной работы базовых отраслей народного хозяйства». В числе предложенных мер по нормализации ситуации на предприятия угольной промышленности было распространено действие ст. 11. «Закона о порядке разрешения трудовых споров», которой запрещалось прекращение работы как средства решения трудовых споров. Предписывалось лиц, дезорганизирующих производство, привлекать к административной и материальной ответственности, если их действия не влекут за собой ответственности уголовной. В результате изменения законодательства попытки украинских национал-либеральных и националистических сил поднять шахтеров на новые забастовки оказались безрезультатными.

В первый послезабастовочный месяц увеличения объемов угледобычи не произошло, что вполне объяснимо. Двухмесячная остановка работ на бастовавших шахтах привела к разрушению подземного хозяйства. Из 28 очистных забоев ПО «Красноармейскуголь» 6 нуждались в трудоемком обновлении. Крупнейшее в

СССР ПО «Донецкуголь» скорректированный майский план выполнило на 90,6%, (по сравнению с маем 1990 г. добыча составила 83,5%), июньский план – на 81,5% (по сравнению с маем 1990 г. добыча составила 81,2%). В Донецкой области по результатам полугодия добыча угля сократилась на 30,8%, или на 8,8 млн. т. Только шахта им. Стаханова недодала к плану 481 тыс. т угля. Коллектив недополучил 200 млн. руб. прибыли, фонд заработной платы сократился на 110 млн. руб.

В Луганской области не могли выйти из кризиса бастовавшие шахты ПО «Первомайскуголь». Полугодовой план шахта им. В. Менжинского выполнила на 49,4 %, «Карбонит» – на 56,9 %, «Родина» – на 39,1 %, «Горная» – на 56,4 %. Уменьшение объемов угледобычи в Луганской области по сравнению с аналогичным периодом 1990 г. составило 2,9 млн. т. В Донбассе план добычи выполнили только два объединения Луганской области – ПО «Луганскуголь» и «Ровенькиантрацит». В целом, в УССР добыча угля в первом полугодии по сравнению с аналогичным периодом 1990 г. сократилась на 20%. Было добыто 70 млн. т. угля, что составило 85,6% планового задания. По основным технико-экономическим показателям (среднесуточная нагрузка на очистной забой, добыча в комплексно-механизированных забоях, проведения вскрывающих и подготовительных выработок) планы выполнены не были.

В такой ситуации 3 июля 1991 г. правительство УССР утвердило программу чрезвычайных мер по стабилизации экономики и выведению ее из кризиса. Все большие суммы союзное и украинское правительства направляли для угольщиков. Сумма дотаций горнякам УССР уже осенью превысила 40 млрд. руб., хотя в начале года предполагалось, что дотация угольной отрасли УССР будет на уровне 15 млрд. руб. Работа угольных предприятий в августе позволяла надеяться на преодоление отставания. Месячные плановые задания перевыполняли почти все производственные объединения за исключением ПО «Свердловантрацит», «Красноармейскуголь», «Донецкуголь», где план был выполнен на 78%. Только шахтеры ПО «Ровенькиантрацит», которых забастовка не коснулась, имели с начала года сверхплановую добычу. Долг государству шахтеров Донецкой области за 8 месяцев составил 9 млн. т, Луганской – 4,5 млн т, Днепропетровской – 1,6 млн т. Накануне так называемого государственного переворота запасы топлива для коммунально-бытовых нужд были на 12 млн т меньше по сравнению с 1990 г.

Вывод. Инициаторы забастовки, если ими считать членов ИБ НПП, во многом добились своих целей. Пакет постановлений, подписание которых состоялось 2 апреля, снял многие претензии горняков к союзным органам власти. 11-го июля Минуглепром СССР подписал ГТТУ на 1991 – 1992 гг., правда, не с НПП, а с ПРУП СССР. Экономические требования забастовки во многом были достигнуты. Более глобальные цели забастовки ее организаторами достигнуты не были. Несмотря на серьезные потери, активное проникновение в эту сферу частного предпринимательства, угольная отрасль выстояла. Она выстояла благодаря высокому профессионализму ее управленцев, людям с государственным мышлением, благодаря горнякам, которые не поддались на увещания

сторонников кардинального изменения хозяйственного и общественного устройства страны.

Забастовка не имела катастрофических последствий, не привела, как прогнозировалось, к разрушению коксохимической и металлургической промышленности. Нанесенный удар не был смертельным. Начавшийся процесс перехода предприятий из союзной в республиканскую собственность пока что не имел разрушительного характера, но при условии «сохранения командных высот в экономике» требовал реформирования системы управления и финансового обеспечения. Шахтерская забастовка не захватила иные отрасли, не приняла массового характера.

Лидеры шахтерского забастовочного движения не добились выполнения ни одного из политических требований. М.С. Горбачев не ушел в отставку. ВС СССР и ВС УССР распущены не были. Украина не стала независимым государством. У жителей Донбасса не отпало желание жить в едином СССР, и результаты референдума 17 марта 1991 г. были тому доказательством (за сохранение СССР в республике высказалось 70,16 % его участников).

«Заявление 9+1», подписанное 23 апреля 1991 г. М.С. Горбачевым, Б. Ельциным, В. Фокиным и другими было декларацией о намерениях и не более. Перераспределение власти между центром и республиками не являлось приговором для страны. Политический маятник при изменении ситуации мог качнуться в противоположном направлении. Политический кризис лета 1991 г. мог быть преодолен без создания ГКЧП. Что касается ГКЧП, то по свежим следам случившегося один из лидеров шахтерского движения в Горловке К. Фесенко высказался так: «Путч оказался очень похожим на спектакль, замешанный на лжи и предательстве всей правящей верхушки» [23].

Ссылки и примечания:

1. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. – М.: Новости, 1995. – 600 с.
2. Баранов А. В. Движение шахтеров в СССР (1988-1991 гг.) как проявление общественной самоорганизации: этапы исторического развития // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6/1. – С. 19-23.
3. Карпенко К. С. Возникновение шахтерского движения Ростовской области в конце 80 – начале 90-х годов XX века: этапы и содержание // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. №3. – С.34–40.
4. Вершель В. П. Рабочее движение: грани социальной активности (1989-1991) // Управленческое консультирование 2014. № 11. – С. 134-140.
5. Воронин Д.В. О роли шахтерского движения в распаде СССР // Альтернативы. Теоретический и общественно-политический журнал. 2021. № 3. – С. 134 – 149.
6. Донбас в етнополітичному вимірі. – К.: ІПіЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2014. – 584 с.

7. Кучерук М. С. Проголошення незалежності України як здобуток громадянського суспільства / М. С. Кучерук // Гілея : науковий вісник. – Київ : Вид-во "Гілея", 2015. № 93. – С. 112-118.
8. Агапов В.Л. Предпосылки июльской 1989 г. забастовки шахтеров Донбасса // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 2. – С. 52-61 и др.
9. Государственный архив ДНР. – Ф. Р. 6777. Оп. 1. Д. 16. Л. 38 – 40.
10. Гнездилов Г. Миллиарды для Донбасса: интервью с Председателем ВС УССР Л. М. Кравчуком // Правда Украины. – 1991. – 24 янв.
11. Петелин Б. Преступность в сфере кооперативной деятельности / Б. Петелин // Социс. – 1991. – № 12. – С. 70 – 75.
12. Фурман Д.Е. Наша странная революция // Свободная мысль. – 1993. – № 1. – С. 9–17.
13. Логинов М. Конец угольного ренессанса // Литературная газета. 1991 - №24.
14. Верховна Рада УРСР: Засідання 22 березня 1991 р. – Режим доступу до док. http://www.rada.gov.ua/zakon/sk11/BUL13/220391_28.htm.
15. Сводка о численности бастующих в разрезе угольных объединений // Информационно – вычислительная система Донецкого облисполкома. – 1991. – 17, 20, 21, 24 апреля // Архив автора.
16. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. – М.: Эксмо, 2015. – 464 с.
17. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее ГАОО Украины). – Ф.1.Оп. 32. Д. 2965.Л.153.
18. О выполнении государственного плана экономического и социального развития Донецкой области за первое полугодие 1991 г./ Госкомстат УССР Донецкое областное управление статистики. – Донецк. – 124 с.
19. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). – Ф. 1. Оп. 32. Д. 2964.Л.6.
20. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф. Р-2. Оп. 15. Д. 2340. Л. 129.
21. ЦГАОО Украины. – Ф. 1. Оп. 2. Д. 1142 Л. .22.
22. Там же. Оп. 32. Д. 2965. Л. 950. пр.
23. Артемчук Л. Шахты стоят, или забастовка поневоле // Жизнь. – 1991. – 17 сент.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(37):355.134.2

Л.Г. Шепко

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail : pprakra@mail.ru

Д.А. Панасенко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail : dima.panasenko.1994@mail.ru

ВОИНСКИЕ НАГРАДЫ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

В статье дана характеристика комплекса воинских наград, распространенных в древнеримском обществе. Показана взаимосвязь разных видов поощрения и системы гражданских ценностей в республиканский период Рима. Поощрительные знаки и награды имели как материальное, как и морально-этическое значение. С трансформацией римской политической системы от республики к империи награды и пожалования перестают быть средством, поддерживающим нравственные идеалы и ценности римского гражданского общества.

Ключевые слова, древний Рим, воинские награды, ценности, гражданская община

Summary

The article describes the complex of military awards common in ancient Roman society and shows the interrelation between various types of encouragement and the system of civic values in the period of Roman Republic. Encouraging decorations and awards bore both material and moral significance. With the transformation of the Roman political system from a republic to an empire, awards and bestowals cease to be a means of supporting the moral ideals and values of Roman civil society.

Keywords: Ancient Rome, military awards, social values, civil community.

Коммуникативные отношения, формы и механизмы воздействия на личность в современном мире особенно многообразны. С разным целеполаганием они реализуются как в материальной, так и нравственно-идеологической сферах.

Одним из средств коммуникации человека и общества, власти и народа выступают разного рода социальные поощрения, в т.ч. государственные награды, отличительные знаки.

Проблемы взаимодействия человека и общества, личности и государственных структур, политических институтов, социокультурная природа награды вызывает все больший интерес как у рядовых граждан, так и исследователей [1 - 4].

Достаточно хорошо документированная история древнего Рима позволяет рассмотреть вопросы как межличностных отношений, так и взаимодействия человека с социально-политическими институтами.

Целью данной работы является попытка представить комплекс воинских наград римской армии в системе социальных ценностей.

Римские воинские награды вызвали научный интерес у историков-антиковедов еще в XIX в., но не вошли в число приоритетных тем. В начале 70-х XX в. воинские знаки отличия как социальное явление привлекли внимание Валери Максфилд, ныне профессора археологии Эксетерского университета, которая в рамках работы «The Military Decorations of the Roman Army» рассмотрела поощрительную систему Рима от зарождения в республике до ее кардинальной трансформации в III в. н.э. Автор провела подробное просопографическое исследование известных эпиграфических свидетельств с целью выявить основания и условия предоставления воинских наград и знаков отличия в эпоху принципата. Она отметила, что практика награждений была открытой и реагировала на изменения военно-политической ситуации [5].

Из работ последних десятилетий следует назвать фундаментальное произведение Я. Ле Бозка, обобщающее специальные изыскания автора в области истории римской армии I–II вв. н.э., включающие вопросы создания, организации, структуры и эволюции [6].

В отечественном антиковедении интерес к римским военным наградам обозначился с конца XX в. Ряд авторов в контексте исследований римской армии обращались к вопросам, связанным с наградами римских легионеров. В работах приводятся описания различных видов наград римских легионеров эпохи принципата, анализируются сведения о правовом и материальном положении легионеров [7 - 8], затрагиваются вопросы дисциплины, системы поощрений и наказаний в римской армии эпохи империи [9 - 12]. Большинство авторов отмечает существование у римлян развитой, иерархичной системы боевых наград. Конкретные случаи использования разных видов венков разбирались в работах К.Крафта [13], А. Н. Токарева [14].

Знакомство с данными работами позволяет сделать вывод, что проблематика данной темы не исчерпана. Исследованиями о способах и видах поощрения в республиканском Риме, социальной значимости наград для населения нуждаются в продолжении. Изучение воинских наград – *Dona militaria* и их значимости для римлян невозможно без выяснения их социокультурной природы и духовно-нравственного смысла. Понимание условий формирования идеологии и

системы ценностей римского гражданина является определяющим для решения данного вопроса.

Идеология римской общины формировалась в ходе сословной борьбы и постоянных войн с соседями. За сравнительно короткий промежуток времени Рим подчинил себе не только всю Италию, но и обширные территории Средиземноморья. Архаическая родовая организация трансформировалась в гражданскую общину, ставшую влиятельной политической силой. Основой сформировавшейся идеологии Рима республиканского периода было чувство коллективизма, которое опиралось на представление о приоритете общей пользы, и сохранение традиций предков. Частью римской ментальности стала воинственность, а владение оружием считалось неотъемлемой частью воспитания гражданина. В глазах римлян величие и слава государства напрямую зависели от доблести воинов, их мужества – *virtus*. Это качество стало синонимом «добродетели», давало гражданину уважение и престиж, во многом определяло успешность карьеры. Основой жизни римлянина была «похвала народа» (общины) в виде *honor* (почета) или *gloria* (славы) [15]. Вместе с тем, для римского общества не были характерны равенство ни в политической, ни в социальной сферах.

Формой поощрения и признания заслуг выступали знаки разной ценностной значимости. Почетные знаки отличия, присуждаемые солдатам, были достаточно разнообразны. У древних авторов и в надписях награды, дарованные воинам, обозначены как *Dona militaria* [16].

Показательно перечисление наград одного из наиболее храбрых и отважных воинов Рима Луция Сициния Дентата, народного трибуна в консульство Спурия Тарпея и Авла Атерния (454 г. до н. э.). За выдающуюся храбрость его называли римским Ахиллом. Авл Геллий сообщает, что он сражался «с врагом в ста двадцати сражениях... был награжден восемью золотыми венками, одним осадным, тремя стенными, четырнадцатью гражданскими, 83 ожерельями, более чем 160 армиллами, восемнадцатью копьями, также двадцать пять раз он был награжден фалерами; ... вместе со своими полководцами справил девять триумфов» (*Gell. Noct. Att., II, 11*) [17]. В данном случае в качестве общественно значимых наград на заре республики выступают разного рода венки, ожерелья (гривны), браслеты, копьа, фалеры, триумфы.

В ходе военных предприятий, вероятно, начиная с царского периода, складывается практика вручения поощрительных даров и пожалований за определенные заслуги. Литературная традиция фиксирует ее, начиная II в. до н.э.

Одно из первых описаний римских воинских наград приводит древнегреческий историк Полибий (ок. 200–120 гг. до н.э.) в работе «Всеобщая история». Согласно его мнению, наказания и награды оказывают благотворное действие их на граждан (*Polyb, VI, 39*).

Сведения о наградах и разных формах поощрения воинов находим в произведениях авторов, как: Саллюстий Крисп Гай (87–35 гг. до н. э.) «Югуртинская война»; Тит Ливий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) «История Рима от основания города»; Гай Плиний Секунд (ок. 23–79 гг. н. э.) «Естественная история»;

Иосиф Флавий (37–100 гг. н.э.) «Иудейская война»; Плутарх (ок. 45–127 гг. н.э.) «Сравнительные жизнеописания»; Корнелий Тацит (56 – ок. 120) «Анналы»; Гай Светоний Транквилл «Жизнь двенадцати цезарей» (ок. 70–122 гг. н.э.), Авл Геллий (ок. 130 – ок. 170 г.) «Аттические ночи»; Тертуллиан (155/160 – 220/240) «О венце воина».

Как следует из источников I в. до н.э. – II в. н.э., воинские заслуги могли быть отмечены похвальной речью, почетным даром, венками. Следует отметить, что приводимые факты и рассуждения древних авторов о поощрении воинов фиксируют сложившуюся практику.

Основным видом вознаграждения для отличившихся в бою воинов в царский период выступали предметы вооружения и украшения, снятые с поверженных врагов, а также дополнительная доля добычи. Во времена республики наибольшее распространение получают следующие виды наград: публичная благодарность (лат. *laudatio*), браслеты (лат. *armillae*), ожерелья (лат. *torques*), медали (лат. *phalerae*), флажки (лат. *vexilla*), декоративные копья (лат. *hasta pura*), венки (лат. *coronae*) [18].

К концу республики средства поощрения личной храбрости, достижений или заслуг отдельных лиц в ходе военных действий приобрели некоторую систему. Уже Полибий обращает внимание на общественное значение наград, подчеркивая их морально-воспитательное воздействие. Древнегреческий историк в шестой книге своей «Всеобщей истории» пишет о наказаниях и наградах как о правилах и отмечает их благотворное действие на граждан (Polyb., VI, (37–39). При этом отличительными поощрениями могли быть удостоены лишь воины, совершившие неординарные в условиях войны поступки. «...вообще при таких обстоятельствах, которые несколько не обязывали отдельных воинов отваживаться на опасность, и в которых солдаты по доброй воле и собственному побуждению шли в дело» (Polyb. VI. 39, 4).

Слава о доблести солдат, удостоенных подобных наград распространяется в лагере и достигает родины, они участвуют в торжественных процессиях. Поощрения возбуждают к соревнованию в военной доблести не только свидетелей и очевидцев, но и остающихся дома граждан.

Награждение воинов было прерогативой консула (Polyb. VI. 39, 6-7). Награды вручались сразу после боя (Plut. Rom. 38). Иосиф Флавий приводит следующее описание награждения воинов императором Титом после взятия Иерусалима: «Тотчас же он приказал назначенным для этой цели лицам провозгласить имена тех, которые в этой войне совершили какой-нибудь блестящий подвиг...тут же он возложил на них золотые венки, золотые шейные цепи, дарил большие золотые копья или серебряные знамена и давал каждому из этих солдат повышение по службе» (Jos. V.J. VII. 3). Наличие боевых наград положительно влияло на дальнейшее продвижение по службе – солдат мог дослужиться до центуриона.

Комплекс наград к началу империи приобретает некоторую иерархичность.

Рассмотрим каждую награду подробнее от простых наград – ожерелий и браслетов – до высших – венков различной степени достоинства.

Браслеты и ожерелья в качестве наград стали использоваться римлянами после войны с галлами 361 г. до н.э. Тит Ливий упоминает подвиг Тита Манлия Торквата, который в поединке победил огромного галла и снял с него ожерелье (Liv. VII. 10). Это положило начало традиции вручать ожерелья (гривну) как награду. Ожерелье обычно вручалось вместе с браслетом. Получить такую награду мог только воин – римский гражданин. Эти награды могли носить на нагрудной части панциря, прикрепляя специальными кожаными ремешками. Такие виды наград, в основном, покрывались золотом или серебром.

Гривны и браслеты были низшими наградными знаками, которыми поощряли преимущественно солдат.

Император Август, стремясь к популярности в широких солдатских массах, охотнее «раздавал фалеры, гривны и всякие золотые и серебряные украшения, нежели почетные венки за взятие стен и валов: на них он был крайне скуп».

Боевыми наградами у римлян стали фалеры (медальоны), заимствованные ими у этрусков, к которым они, в свою очередь, пришли от греков.

Изначально фалеры, ставшие «фалерами», являлись металлическими бляхами для крепления доспехов и конской упряжи. Изготовленные из серебра, они представляли материальную ценность и являлись ценным трофеем. Вероятно, уже в период поздней республики они становятся как поощрительным, так и отличительным знаком.

Фалера представляла собой круглый диск, изготовленный из серебра, бронзы, впоследствии стекла. На них изображались мифологические существа, боги римского пантеона, а начиная с эпохи принципата, портреты императоров и членов их фамилии. Носили их на груди, скрепляя перекрестной системой ремней. Ношение осуществлялось во время смотров, парадов, триумфов.

Изначально фалеру мог получить только конный воин (Iuv. XI. 104). Когда костяк легиона стала составлять тяжеловооруженная пехота, а служба в ней становиться такой же престижной, как и в кавалерии, фалерами начинают отмечать и пехотинцев. Приведем описание вступления армии Виттеллия в Рим, оставленное Тацитом: «Перед орлами шагали, все в белом, префекты лагерей, трибуны и первые центурионы первых десяти манипул; остальные центурионы, сверкая оружием и знаками отличия, шли каждый впереди своей центурии; фалеры и нагрудные украшения солдат блестели на солнце» (Tac. Hist. II. 89). Для неприятеля фалеры были ценным трофеем. Юлий Цезарь описал случай, когда два центуриона из V легиона форсировали реку, чтобы восстановить боевую линию, проявили выдающуюся храбрость. «Когда...они оттеснили превосходящего в численности противника, в одного из них попал тяжелый снаряд, брошенный с возвышенности. Его товарищ вступил теперь в неравную битву. Когда его окружили со всех сторон, он попытался отступить, но поскользнулся. Когда этот мужественный центурион упал, враги бросились вперед, чтобы сорвать с него награды» (Caes. B. N. 23). Со II в. фалерами стали награждать только центурионов.

Одной из наград, присуждаемой в древнем Риме за воинские заслуги, была *hasta pura*, или *hasta donatica*. Копье – распространенное оружие древности, которое

вручалось солдатам за храбрость (в эпоху республики), за убитого врага вне командного боя. Вероятно, это было деревянное копьё без металлического наконечника. Предполагают, что в позднереспубликанский период *hasta puga*, обычно присуждалась только высшим чинам. Копьё вручалось после выхода в отставку примипилам (*Primus pilus*) – старшим центурионам легиона, командирам первой когорты. (Plin. *Secund. Epist. X. 87*).

Во времена принципата наконечник копья мог быть серебряным или золотым, а награда давалась по разным поводам (не всегда военным). После 217 г. н.э. *hasta* исчезает из надписей. Римские источники расходятся во мнениях относительно точного характера этого дарения. Одни называют его наградой за доблесть, другие упоминают, что ею награждались гражданские лица.

Саллюстий в «Югуртинской войне» приводит речь Гая Мария, в которой упоминается о значимости такой награды: «Я не могу, ради вящего доверия к себе, похвастать изображениями предков, их триумфами или консулатами, но, если потребуется, покажу копьё, флажок, фалеры и другие воинские награды и, кроме того, шрамы на груди. (30) Вот мои изображения, вот моя знатность, не по наследству мне доставшаяся, как им, но приобретенная бесчисленными трудами и опасностями» (Sallust. *Iugurtha. 85. 29–30*)

Тацит сообщает, что *hasta puga* вручается в качестве награды солдату за спасение жизни согражданина: в бою против войска Такфарината, предводителя восстания против римлян в Северной Африке в 20 г. до н.э. Руф Гельвий спас римского гражданина, за что проконсул Луций Апроний наградил его ожерельем и почетным копьём. Цезарь пожаловал ему, сверх того, гражданский венец, сожалея о том, что Апроний не сделал этого своей проконсульской властью (Tac. *Ann. III. 21*).

В качестве награды выступали флажки, которые вручались только офицерам. Они не имели надписей и представляли собой прямоугольный кусок ткани пурпурного цвета. Возможно, существовала иерархия цветов. Сохранились сообщения о награждении флажком лазоревого цвета Марка Агриппы, за морскую победу в Сицилии. Лазоревый цвет считался в Риме символом победы на море (Suet. *Aug. 25, 3*). Начиная с I в. н.э. флажки стали изготавливать из золота и серебра.

Среди большого многообразия боевых наград в Древнем Риме наиболее почётными считались различные венки (см. Таблица 1). Для воина, независимо от звания, венки (лат. *corona*) служил высшей наградой.

Самым важным был травяной венок (*corona graminea*), или осадный венок (*corona obsidionalis*). Как отмечал Плиний Старший, «не было венка почётнее травяного среди наград за славные деяния в руках самодержавного народа, властителя земель» (NH. XXII. 13). Ученый приводит список римлян, которые были награждены этой высокой наградой Луций Сикций Дентат, Публий Деций Мус, Квинт Фабий Максим, Сципион Эмилиан, военный трибун Марк Кальпурний Фламма, центурион Гней Петрей Атина, Луций Корнелий Сулла и Октавиан Август.

Вторым по значимости можно считать дубовый, или гражданский венок (*corona civica*). Таким венком в начале своей военной карьеры после осады малоазийского города Митилены был награжден Цезарь (Suet. Iul. 2). В годы гражданской войны он же стал использовать дубовый венок вне военного контекста, а именно как *corona civica ob cives servatos* – за спасение граждан. После битвы при Мунде (45 г. до н.э.) Юлий Цезарь официально получил от сената венок за спасение граждан (Cass. Dio XLIV. 4. 5) [19].

Одной из самых интересных наград был стенной венком. Его мог получить воин, который первым взобрался на стены вражеской крепости и выжил в бою.

Моряки могли получить корабельный, или роstralный венком. Для большей наглядности представим систему наградных венков в виде таблицы. Своего рода табель о рангах.

Таблица 1.

Наградные венки Древнего Рима

Степень	Название венка и его описание	Прецедент к награждению	Источники
I.1	Лавровый венком триумфатора (лат. <i>corona triumphalis</i>)	Полководец, получивший триумф	Suet. Caes. 45.
I.2	Золотой венком триумфатора, украшенный драгоценностями (лат. <i>corona civica</i>)	Полководец, получивший триумф	Iuv. XI. 41; Liv. X. 7.
I.3	Венок триумфатора из золота, присланный от провинций (лат. <i>corona provinciales</i>)	Полководец, получивший триумф. Своего рода дань победителю (лат. <i>aurum coronarium</i>)	Tert. De cor. XII. 1; Plut. Aem. Paul. 34; Gell. V. 6, 6.
I.4	Триумфальный венком из мирта (лат. <i>corona ovalis</i>)	Полководец, получивший ование	Plut. Marc. 22.
I.5	Триумфальный венком из ветвей маслины (лат. <i>Corona oleagina</i>)	Вручался участникам триумфальной процессии, которые не принимали участия в битве лично, но всячески содействовали победителю в получении триумфа	Gell. V. 6, 3.

Степень	Название венка и его описание	Прецедент к награждению	Источники
II	Венок травяной, или осадный, из цветов и травы, собранных на месте военного лагеря изгнанного противника (лат. <i>corona graminea</i> , <i>corona obsidionalis</i>)	Получал военачальник, снявший вражескую осаду с города	Plin. Nat. His. XXII. 6-7.
III	Дубовый венок (лат. <i>corona civica</i>)	Давался за спасение римского гражданина в бою тому, кто помимо этого убил врага и не оставил свое место в бою. Раскрытие и подавление заговора, за спасение граждан	Gell. V. 6, 13; V. 6, 15 о Цицероне; Suet. Caes. 2; RGDA. XXXIV. Деяния Божественного Августа, 34), Cass. Dio XLIV. 4. 5;
IV.1	Венок за морские подвиги (лат. <i>corona rostrata</i>)	Полководец, одержавший победу над флотом врага	Liv. 129; Sen. De ben. III. 32.
IV.2	Венок за морские подвиги с зубцами роств ¹ (лат. <i>corona navalis</i>)	Вручался матросу, который первым при abordage ступил на борт вражеского корабля	Verg. Aen. VIII. 684; Plin. Nat. His. XVI. 3.
V	Золотой венец, с зубцами в виде сторожевых башен, на крепостной стене (лат. <i>corona muralis</i>)	Получал солдат, первым во время штурма взошедший на стену осажденного города	Gell. V. 6, 16; Suet. Aug. 25.
VI	Золотой венец квадратной формы с зубцами в виде оборонительных палисадов (лат. <i>corona castrensis</i> , или <i>corona vallaris</i>)	Первому воину, взошедшему на вал неприятельского укрепления, пересек ограждение вражеского военного лагеря	Gell. V. 6, 17

Из приведенной таблицы видно, что в римской наградной системе существовало множество венков, каждый из которых вручался за определенный

¹ Ростр (эмболон) – таран с бронзовым или железным наконечником в носовой части военного корабля времён Древнего Рима, располагался ниже ватерлинии и применялся для создания пробоин в корпусе корабля противника.

подвиг. Причем некоторые венки подразделялись на своего рода степени и подстепени, что определяло достоинства венка. Отметим, что венки наивысшей степени – триумфальные – могли получить только полководцы, получившие право отпраздновать триумф (Табл.1. 1.1–1. 5). Простые солдаты редко носили венки на голове. Чаще их крепили на золотую цепь, надетую на шею. Золотая цепь также служила наградой (Suet. Aug. 25, 3).

Венками, как и другими наградами, могли награждаться целые подразделения. Венок, врученный воинскому подразделению, крепился к его штандарту.

Существовавший комплекс поощрительных знаков имел как материальное, как и морально-этическое значение. Он выступал средством регулирования отношений между военачальником, воплощавшим в раннюю эпоху интересы республики, и войском, в основном представлявшим гражданскую общину, интересы которых в основном совпадали. Наградная система выступает как компонент системы ценности государства и общества, выражая признательность по отношению к выдающимся индивидам.

К концу республики – началу империи выстраивается иерархия награждения, которая достаточно ярко выражена в видовом разнообразии наградных венков.

В I в. до н.э. с оформлением профессиональной армии происходит отделение гражданской общины от корпорации солдат. В эпоху Империи окончательно сформировалась профессиональная армия. Поступая на военную службу, каждый солдат или офицер руководствовался собственными мотивами. Эти мотивы были как материальными: выплата жалования, получения участка земли по выходу в отставку, так и нематериальными: приобретение нового статуса, создание военной карьеры, защита родины. Получение награды могло стать поворотным моментом в карьере военного, открывало ему возможность занять более высокую должность. Флажки, венки и копья становятся знаками отличия только для офицеров. Солдат награждали браслетами и ожерельями. Почетные награды могли вручаться целым воинским частям.

Как полагает А.В. Махлаюк, в римской императорской армии награды играли роль морального и символического стимула, сам же факт вознаграждения, как правило, значительно не влиял на дальнейшую карьеру легионера, хотя мог увеличить шансы на повышение [20].

К концу I в. – началу II в., когда законодательно будет ограничено продвижение солдат и низших офицерских чинов по карьерной лестнице, происходит обесценивание награды как символа. Ее место займет денежное вознаграждение.

В 212 г. император Каракалла (188 – 217 гг.) даровал всем жителям империи римское гражданство (Dio. Cass. LXXVII. 9). После этого исчезают всякие упоминания о награждении всеми вышеперечисленными знаками отличия. Теперь основную массу легионеров составляют выходцы из провинций, которым были чужды республиканские военные традиции [21]. Происходит замена моральных стимулов материальными. Даже такая награда, как перевод в преторианскую

гвардию рассматривается со стороны увеличения жалования. Таким образом, награды и пожалования перестают быть средством, поддерживающим нравственные идеалы и ценности римского общества.

Ссылки и примечания:

1. Малинкин А.Н. Социальная природа награды: исследование по социологии власти // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. 23(3). С. 188–219;
2. Розанов О.Н. Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008;
3. Запарий В.В., Шуняков Д. В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Бакунинские чтения. 2018. С.333-345;
4. Липкин А.И. Три фазы процесса этической индивидуализации: от общины к личности (древний Рим) // Липкин А.И. Духовный кризис и национальное возрождение: попытка культурно-исторического анализа: философский очерк. Нижний Новгород: изд-во Волго-Вят. кадрового центра, 1993.
5. Maxfield V.A. The Military Decorations of the Roman Army. L., 1981. P. 35. URL: <https://archive.org/details/naturalhistory06plinuoft/page/300/mode/2up>
6. Ле Бозк Я. (Yann Le Bohec). Римская армия эпохи Ранней Империи/ (пер. с франц. М. Н. Челинцевой, науч. ред. В.Н. Токмаков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 442 с.
7. Колобов А.В. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи): Учеб. пособие по спецкурсу/ Перм. ун-т; науч. редактор И.Л. Маяк. – Пермь, 1999. – 132 с.;
8. Колобов А.В. Боевые награды римских легионеров эпохи принципата // Вестник Пермского университета. Выпуск 2. Сер. «История». – Пермь, 1998. – С. 27–33.
9. Махлаюк А.В. Армия Римской империи: Очерки традиций и ментальности. Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2000. – 235 с.
10. Махлаюк А.В. Римские легионы в бою. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 512 с.
11. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006. – 440 с.
12. Негин А.Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. – 232 с.
13. Kraft K. Der goldene Kranz Caesars und der Kampf um die Entlarvung des «Tyranen». Mit eimen Nachwort zum Neudruck.Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969 / Перевод с нем. О. В. Любимовой под редакцией

- Е. Валльрабенштайн. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1341508514#t365>.
14. Токарев А.Н. Corona graminea и император Август // Вестник древней истории. 2020. 80/2. – С. 410 – 433.
 15. Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т. I. – М.: Наука, 1985. – С. 24, 26.
 16. Saglio E. Dona militaria // Le Dictionnaire des Antiquités Grecques et Romaines de Daremberg et Saglio. Tome 3. Vol. 2. P.366-367. URL: <http://dagr.univ-tlse2.fr/consulter/1266/DONA%20MILITARIA>
 17. Авл Геллий. Аттические ночи. Кн. I–X / Пер. с лат. под ред. А. Я. Тыжова. СПб., 2007. II, 11.
 18. Колобов А.В. Боевые награды римских легионеров эпохи принципата // Вестник Пермского университета. Выпуск 2. Сер. «История». – Пермь, 1998. С. 27 – 33.
 19. Токарев А. Н. Указ. соч. – С.426 - 427.
 20. Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. – СПб., 2006. – С. 320.
 21. Колобов А.В. Боевые награды... С.31.

УДК 930.85(44)

К.Г. Носко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: k.nosko@donnu.ru

САЛОНЫ И ПРИДВОРНЫЕ ГРУППЫ ВО ФРАНЦИИ XVIII В.

Аннотация

В статье предпринята попытка показать связь салонов и придворных групп во Франции XVIII в. На примере салона маркизы дю Деффан и группы государственного секретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля проанализированы мотивы, характер и механизмы взаимосвязи и взаимодействия. Отмечена роль хозяина (хозяйки) салона в сети придворной клиентелы.

Ключевые слова: Франция, салон, придворная группа, маркиза дю Деффан, Э.Ф. де Шуазель.

Summary

The article attempts to show the relationship between salons and court groups in France in the XVIII-th century. On the example of the salon of the Marquise du Deffand and the group of the Secretary of State for Foreign Affairs, the Duke de Choiseul, the motives, nature and mechanisms of interconnection and interaction are analyzed. The role of the owner (mistress) of the salon in the network of the court clientele is noted.

Keywords: France, salon, court group, Marquise du Deffand, E.F. de Choiseul.

В конце Старого порядка во Франции происходит бурное развитие форм общественной жизни. Это свидетельствовало о расширении общественного пространства. Наряду с усложнением и разнообразием форм социальных связей и коммуникаций, новую социальную функцию приобретает общественное мнение. Оно превращается в мощный регулятор общественно-политической жизни, с «суждениями» которого необходимо было считаться. Общественное мнение являлось полем диалога и дискуссий между просвещенной элитой и королевской властью.

В сложившихся реалиях салон как форма коммуникации дворянства через неформальные собрания становится востребованным. При этом важно отметить, что двор, находившийся в Версале, и Париж связывала разветвленная сеть межличностного общения.

Исходя из всего вышесказанного, цель данной статьи – показать связь салонов и придворных групп во Франции XVIII в.

Источниковая база исследования представлена документами личного происхождения (мемуары, дневники, письма хозяев и посетителей салонов).

Начиная с XIX в., интерес к изучению французских салонов проявляли не только историки, но и культурологи, социологи, философы [1-5]. Исследовались культурный, социальный, гендерный аспекты деятельности салонов, при этом общественно-политический игнорировался. Так, проблема взаимодействия салонов и придворных групп лишь косвенно была затронута в работах Д. Гудман [6], С. Кейл [7], А. Лилти [8].

При дворе французского короля существовали различные группы, объединенные вокруг высокопоставленных политических деятелей. Каждая из них боролась за свое влияние на монарха с целью удовлетворения собственных интересов. Нередко участниками этих придворных групп становились хозяева салонов. Так, графиня де Буффле представляла «партию» принца де Конти (принц крови, военачальник), маркиза дю Деффан – герцога де Шуазеля (государственный секретарь по иностранным делам 1758-1763 гг., 1766-1770 гг., государственный секретарь по военным делам 1766-1770 гг.), маркиза де Ля Ферте-Эмболь – графа де Морепе (государственный секретарь королевского двора 1718-1749 гг., государственный секретарь по делам военно-морского флота 1723-1749 гг., государственный министр 1774-1781 гг.).

Детально оценить характер взаимосвязи и взаимодействия можно на примере политической группы герцога де Шуазеля и салона маркизы дю Деффан. Во второй половине XVIII в. салон мадам дю Деффан был одним из самых влиятельных и популярных в Париже. По свидетельству современников, маркиза дю Деффан отличалась проницательным умом, юмором, хитростью, а также тонким вкусом, сформированным под влиянием высшего общества двора и города [9]. Первоначально ее посещали французские писатели и философы: Вольтер, Монтескье, д'Аламбер, Ш.-Ж.-Ф. Эно, Мармонтель, герцог Лавальер, тулузский архиепископ Ломени де Бриен. Однако после разрыва с компаньонкой Ж. де Леспинас в 1764 г. часть посетителей во главе с д'Аламбером перешла в салон последней.

После смерти ряда постоянных гостей (Монтескье, Ш.-Ж.-Ф. Эно) салон маркизы становится более аристократическим, объединяя ближайших друзей и родственников знатного происхождения. Именно в этот период завязывается тесная связь мадам дю Деффан и супругов де Шуазель (герцог приходился ей дальним родственником). Она организовала для них небольшие закрытые приемы, подчеркивающие статус гостей [10]. Как правило, такой формат встреч был предназначен для наиболее близких друзей. Кроме того, мадам дю Деффан вела интенсивную переписку с герцогиней де Шуазель.

В 1770 г. произошли значимые для Э.Ф. де Шуазеля и его окружения события, предопределившие дальнейшую судьбу герцога. Вследствие угрозы войны с Англией, парламентского кризиса, а также заговора политической группы, возглавляемой герцогом д'Эгийоном и герцогом де Ришелье, Э.Ф. де Шуазель был вынужден покинуть свой министерский пост и удалиться из

столицы в свое имение Шантлу. С этого момента происходит активизация взаимоотношений между маркизой дю Деффан и супругами де Шуазель.

Мадам дю Деффан сообщала опальному министру и его жене социально-политические новости Парижа. Это позволяло семье бывшего министра, находящейся в ссылке в провинции, поддерживать связь со столицей.

Анализ переписки мадам дю Деффан с герцогиней де Шуазель и аббатом Бартеlemi (секретарь герцога де Шуазеля и доверенное лицо его супруги) показывает преобладание новостей политического характера. Исходя из тематики, можно выделить следующие группы политической информации:

1. Деятельность королевских министров. Основное внимание маркиза дю Деффан уделяет трем главным политическим фигурам Франции к. 60-н. 70-х гг. XVIII в.: канцлеру де Мопу, генеральному контролеру финансов Терре и государственному секретарю по иностранным делам герцогу д'Эгийону. Прежде всего в письме от 20 января 1771 г. она достаточно оперативно сообщает о парламентской реформе, произведенной де Мопу, особо при этом не вдаваясь в детали [11]. В письме, датированном 3 мая 1771 г., она жалуется, что канцлер досаждаёт своими многочисленными, «скучными», «ничтожными» распоряжениями. При этом по заверениям маркизы, публичная демонстрация их незаконности влечёт за собой «ужасные последствия» [12]. В своих письмах мадам дю Деффан демонстрирует крайне негативное отношение к канцлеру де Мопу, называя его «отвратительным» [13] и «проклятым» [14]. Подобную реакцию вызывают также созданные им суды и их члены [15]. Не менее одиозной в глазах французской аристократии выглядела фигура генерального контролера финансов аббата Терре. На протяжении 1771 г. в высшем свете Франции постоянно муссировалась информация о его возможной отставке. В своем письме от 9 мая 1771 г. мадам дю Деффан указывает: «Надеятся на скорое увольнение Терре». При этом она отмечает, что определенные круги придворной аристократии (в лице маршалыши де Мирпуа и ее окружения) «рассчитывают от этого выиграть», особенно в случае назначения близкого к ним Фуллона на вакантную должность [16]. В июле, а также сентябре 1771 г. маркиза дю Деффан снова сообщает информацию о грядущей отставке генерального контролера финансов, иронично замечая: «Каждый день ждут отставки Терре, и каждый день ошибаются. Когда же все это закончится? Только Нострадамус может сказать» [17]. Информационно насыщенный в отношении личности генерального контролера финансов 1771 г. разительно отличается от скупых новостных сообщений 1772 – 1773 гг. В письме от 2 апреля 1773 г. мадам дю Деффан, в контексте необходимости принятия безотлагательных решений для стабилизации финансового положения страны, сообщает: «Терре согласится на все, что от него хотят» [18]. В целом негативное отношение маркизы дю Деффан, ее язвительные и ироничные замечания, комментарии в отношении канцлера де Мопу и аббата Терре объясняются непринятием и сопротивлением французского дворянства

(представительницей которого она была) их преобразованиям. Так, ликвидация «старых» парламентов канцлером де Мопу, а также попытки введения всеобщего налогообложения аббатом Терре расценивались как нарушение прав и привилегий аристократии. При этом встречающиеся в корреспонденции мадам дю Деффан резкие формулировки в отношении личности де Мопу и более нейтральные и пространные касательно аббата Терре при негативном отношении к обоим чиновникам связаны с тем, что канцлеру удалось провести парламентскую реформу, а генеральный контролер финансов так и не смог реализовать на практике свои фискальные преобразования.

Помимо информирования супругов де Шуазель о деятельности королевских министров, маркиза дю Деффан рассказывала об отношениях внутри этого могущественного триумvirата. Судя по ее письмам, ситуативные союзы (в частности, с целью смещения герцога де Шуазеля с должности государственного секретаря по иностранным делам) сменялись разногласиями и противостоянием. Так, в письме от 27 июля 1771 г. она рассказывает о «раздоре» между тремя основными государственными чиновниками. Герцог д'Эгийон был очень зол из-за того, что аббат Терре, «не посоветовавшись с ним, поручил заплатить все, что задолжал господин де Лашалотэ» (бывший генеральный прокурор парламента Бретани, осужденный в 1765 г. по так называемому «бретонскому делу»). Крайне негативная реакция герцога д'Эгийона объясняется тем, что, будучи в 1750 – 1760-е гг. губернатором Бретани, он выступал ярким противником местного парламента в общем и господина де Лашалотэ как его генерального прокурора в частности.

Усугубляет ситуацию еще и тот факт, что в угоду бретонскому парламенту он был отозван королем в Париж во избежание нового витка противостояния. Помимо разногласий между герцогом д'Эгийоном и аббатом Терре, маркиза дю Деффан сообщает также о другом конфликте. «Д'Эгийон хочет уничтожить парламенты Ренна, Буана, Безансона, канцлер же (я не знаю почему) противится этому» [19]. В письме, датированном 19 января 1773 г., мадам дю Деффан, рассказывая о политических новостях, отмечает, что война между министрами продолжается, ее исход, как и победители, не ясны [20]. Изменение формулировок, которые использовала маркиза при характеристике отношений между канцлером де Мопу, аббатом Терре и герцогом д'Эгийоном в сторону их радикализации, свидетельствует о постепенном (начиная с 1771 г.) нарастании противоречий и разногласий между тремя основными политическими акторами. Союзнические связи со временем сменились интригами друг против друга.

2. Кадровые перестановки (назначения и снятия с должностей). Сообщения маркизы дю Деффан кратки и представляют собой, как правило, констатацию свершившегося или планируемого назначения на государственную должность или увольнения с нее [21]. Однако особый

интерес мадам дю Деффан проявила к вопросу назначения нового государственного секретаря по иностранным делам (приемника герцога де Шуазеля). На протяжении фактически полугода эта тема неоднократно поднималась в ее переписке с герцогиней де Шуазель. В письме от 7 января 1771 г. маркиза дю Деффан впервые сообщает, что одним из наиболее вероятных претендентов на пост государственного секретаря является «бретонский тиран» (то есть герцог д'Эгийон, бывший губернатор Бретани). При этом она добавляет, что во властных кругах не существует единогласия в отношении данной кандидатуры, называя принца де Конде в качестве одного из ее противников [22]. Выбор мадам дю Деффан словосочетания «бретонский тиран» для обозначения преемника герцога де Шуазеля не случаен. Он служил напоминанием о скандальной репутации герцога д'Эгийона, замешанного в так называемом «бретонском деле», вследствие которого он был отозван королем из провинции в столицу. Маркиза в угоду своим друзьям хотела подчеркнуть явное превосходство господина де Шуазеля над господином д'Эгийоном. Негативное отношение к личности последнего подогревалось еще и тем, что он выступил одним из организаторов заговора против герцога де Шуазеля.

В своих последующих письмах, датированных мартом, апрелем, маем 1771 г., мадам дю Деффан с каждым днем все увереннее утверждала, что основным претендентом на пост государственного секретаря по иностранным делам является герцог д'Эгийон [23]. Французское светское общество с нетерпением ожидало это важное с политической точки зрения событие. По мнению мадам дю Деффан, даже король Швеции ради этого продлил на несколько дней свой визит во Францию [24].

В парижских салонах активно обсуждали вероятные сроки назначения нового государственного секретаря. Так, в своем письме от 8 марта 1771 г. маркиза высказывает предположение, что не стоит ожидать, что это событие произойдет в ближайшее время. По ее мнению, необходимо подождать два, три, а возможно, и четыре месяца [25]. В письме от 15 апреля 1771 г. она уже более определенно заявляет, что, по слухам, д'Эгийон уже получил свое назначение 14 апреля [26]. Понимание важности сообщаемой информации требовало от мадам дю Деффан немалых усилий для ее проверки. При этом маркиза жалуется, что ей трудно выяснить, что происходит при дворе Людовика XV, где то протестуют, то слагают полномочия, то ждут назначений, которые «должны были быть сделаны на следующий день. Проходит неделя и ничего об этом не слышно» [27]. Достаточно резкий тон всего письма свидетельствует о раздражении маркизы дю Деффан своим собственным бессилием. В данной ситуации сеть ее социальных связей не позволяла проверить циркулирующую во французском светском обществе информацию, имеющую важное значение для герцога де Шуазеля. А это, в свою очередь, не могло не задеть самолюбие хозяйки одного из наиболее известных салонов Парижа второй половины XVIII в.

В начале мая 1771 г. ситуация с назначением государственного секретаря по иностранным делам оставалась неясной. Так, большинство гостей салона маршальши де Мирпуа, который неоднократно посещала мадам дю Деффан, высказывало сомнение в том, что министерство иностранных дел возглавит герцог д'Эгийон [28]. И только в письме, датированном 16 мая 1771 г., маркиза сообщает, что в течение ближайших нескольких дней именно он будет назначен на должность государственного секретаря по иностранным делам Франции, поскольку его кандидатуру поддерживал канцлер [29]. Однако, несмотря на уверенность мадам дю Деффан в предоставляемой информации, герцог д'Эгийон был назначен на должность лишь 6 июня 1771 г.

3. Королевские указы, которые, по сообщению мадам дю Деффан, многочисленны и являются «новостью дня» светских встреч [30]. Достаточно подробно маркиза останавливается на вопросе о пожизненных рентах, что продиктовано заботой о своем материальном благосостоянии [31].
4. Королевская семья и двор. Высокой детализированностью отличаются сообщения мадам дю Деффан, касающиеся состояния здоровья короля Людовика XV. В своих письмах маркиза подробно описывает признаки заболеваний, которыми страдал король в тот или иной период времени. «Говорят, что у К... (короля) худшее лицо в мире. Позавчера твердили, что у него опухшие ноги и руки; вчера ничего не было, сообщали только о частом кашле» [32]. Поражает, с какой скрупулезностью мадам дю Деффан описывает предсмертное причастие больного оспой Людовика XV. «Около четырех часов утра король сказал господину де Дюра, который дежурил около него, привести его духовника. Отдав приказ, он заснул, а проснувшись через полчаса спросил, пришел ли духовник. Его завели вскоре после этого. Он был шестнадцать минут с королем, который затем послал за господином д'Эгийоном, с которым говорил несколько минут. Затем он снова был со своим духовником и спросил тотчас свои таинства. После причастия король приблизился к нему. Король ему сказал, что не может говорить. Кардинал повторил: «Господа, король мне приказывает сказать вам (не в состоянии сказать сам), что он раскаивается в своих грехах и, что, если он оскорбил свой народ, ему жаль, что он твердо решил вернуться на пути своей юности и использовать всю оставшуюся ему жизнь, чтобы защищать религию». Король выдержал всю эту церемонию с максимальной твердостью и не казался очень плохим» [33]. Пристальный интерес к состоянию здоровья короля вызван тем, что в начале 1770-х гг. он имел почтенный возраст и любая болезнь, учитывая уровень медицины XVIII в., могла закончиться смертельным исходом, что в свою очередь, имело не столько светское, сколько политическое значение. Кроме того, по сообщению английского писателя Х. Уолпола, знание правил хорошего

тона, которым очень гордятся французы, сводится к бесконечным разговорам о светских приемах и болезнях [34].

Сообщения мадам дю Деффан герцогине де Шуазель касались также Дофина и его супруги [35], а также отдельных придворных дам [36]. Несмотря на их немногочисленность и краткость, они помогали дополнить картину придворной жизни Версаля. Особый интерес представляет информация, которую мадам дю Деффан сообщила в августе 1772 г.: «Говорят, что великая дю Барри сослана», добавляя при этом «но это не доказано» [37]. По сути, удаление от Двора влиятельной фаворитки короля влекло за собой значительные политические последствия. Это свидетельствовало об изменениях в расстановке групп влияния в окружении короля. Важность данного сообщения для герцога де Шуазеля заключалась в получении возможности возвращения ко двору, так как именно с помощью мадам дю Барри он лишился занимаемой должности и был отправлен в ссылку. Однако впоследствии эта новость не подтвердилась. Мадам дю Барри продолжала оставаться фавориткой короля Людовика XV.

5. События, произошедшие в иностранных государствах. В июне 1772 г. мадам дю Деффан сообщает о напряженности и разногласиях в отношениях Пруссии и России. Причиной этому являлись, по заверению маркизы, «искусные» действия министра иностранных дел Священной Римской империи князя де Кауница [38]. Изложенная в письме мадам дю Деффан информация прямо свидетельствует о складывании на европейской внешнеполитической арене антипруссского союза в лице Австрии, Франции и России.

Особое внимание маркиза дю Деффан уделила государственному перевороту, совершенному Густавом III в августе 1772 г. в Швеции. Интерес к шведским событиям продиктован близкими дружескими отношениями, которые связывали мадам дю Деффан со шведскими дипломатами графом де Крейцем и графом де Шеффером. Кроме того, французский король Людовик XV, заинтересованный в установлении сильной монархической власти в Швеции, достаточно благосклонно относился к шведскому правителю Густаву III, что предопределило особый характер взаимоотношений двух стран, а также формирование положительного образа шведского монарха у французской элиты. В своих письмах маркиза дю Деффан рассказывает о первых после переворота преобразованиях. Она отмечает, что «активный», «благоразумный», «гуманный» король в первую очередь отменил пытки. Кроме того, мадам дю Деффан сообщает о принятии «адаптированной к настоящему времени конституции» [39]. При этом, озвучивая факты, она избегает их оценок. Маркиза обращается к герцогине де Шуазель (в надежде на богатый опыт внешнеполитической деятельности ее мужа) с просьбой разъяснить ей происходящее в шведском государстве [40].

В целом сведения об иностранных государствах, предоставляемые мадам дю Деффан, малочисленны и фрагментарны. Это объясняется тем, что она не имела информированного источника по данной проблематике. «Этот вид новостей находится вне зоны моей досягаемости» [41].

Маркиза дю Деффан отстаивала интересы бывшего министра в Париже, выступая своеобразным связующим звеном между супругами де Шуазель, находящимися в ссылке, и представителями высшего французского общества. Она активно распространяла в своем салоне и других парижских сообществах новости из Шантлу, что имело явный политический подтекст: партия Шуазеля продолжает существовать, а сам бывший министр, несмотря на немилость, остается активным политическим игроком [42].

Шведский король Густав III, пребывая в Париже весной 1771 г., именно у мадам дю Деффан интересуется последними новостями из резиденции бывшего государственного секретаря по иностранным делам, а также просит передать герцогу де Шуазелю слова своей личной привязанности и глубокого сожаления из-за невозможности личной встречи [43]. В сентябре 1772 г. барон де Ливен просил ее передать супругам де Шуазель слова его уважения и личной привязанности. При этом маркиза вспоминает, что он заставил повторить эту фразу около ста раз [44].

Мадам дю Деффан выполняла различные поручения герцогини де Шуазель, превратившись фактически в ее доверенное лицо. Она передавала письма герцогини их адресатам в Париже [45]. Кроме того, маркиза лично озвучивала просьбы, указания, распоряжения герцогини указанным ею лицам. Например, мадам дю Деффан объявила послу Англии решение опального министра в отношении посещения господином Стенли Шантлу. Герцог де Шуазель не был против такого визита, предупреждая, однако, что для этого необходимо получить разрешение двора [46]. В другом случае герцогиня де Шуазель просила уточнить у господина де Крейца, каким образом письмо герцога де Шуазеля будет доставлено шведскому королю [47].

Маркиза дю Деффан поддерживала интенсивную связь со сторонниками герцога де Шуазеля: принцем и принцессой де Бово, графом де Крейцем, аббатом Бартелеми, Л.-А. Караччиоли, герцогом де Лозе и т.д. Она принимала их в своем салоне в Париже [48]. «Я нечто вроде центра для них», – отмечала мадам дю Деффан в одном из своих писем. Подчеркивая свою личную значимость, маркиза указывала, что они часто посещают ее салон в надежде максимально сблизиться с отсутствующими во французской столице супругами де Шуазель [49].

Несмотря на открытую поддержку опального де Шуазеля, маркиза не прерывала связь с его противниками, которые принадлежали к кругу друзей мадам дю Барри и Людовика XV (герцогиня Люксембургская, маршальша де Мирпуа, герцогиня д'Эгийон) [50]. Она принимала их в своем салоне, а также регулярно посещала их званые приемы. Таким образом, герцог де Шуазель

посредством маркизы дю Деффан рассчитывал получить доступ к информации из противоборствующего лагеря, находившегося при власти.

Следует отметить, что сторонники, а вернее сказать, сторонницы герцога де Шуазеля (в частности, мадам де Граммон и мадам де Бово) высказывали сомнение в верности и преданности маркизы дю Деффан из-за этих «подозрительных» связей с противниками опального министра [51]. На лицо, скрытая борьба за первенство в демонстрации своей приверженности и полезности среди женского окружения герцога.

Таким образом, во Франции XVIII в. прослеживается связь между салонами и придворными группами. Салоны являлись площадкой для встреч и общения единомышленников, а также отстаивания интересов влиятельных общественно-политических деятелей, принимая на себя функции «политического клуба». Хозяева салонов, посещая разные светские сообщества и нередко выступая связующим звеном (посредником), поддерживали интерес высшего света к той или иной политической фигуре. В частности, салон мадам дю Деффан стал своего рода объединяющим центром для сторонников герцога де Шуазеля, а также источником наиболее актуальной и достоверной политической информации (что было особо важно в условиях ссылки опального министра). Сама же маркиза была доверенным лицом супруги де Шуазеля в Париже, где, используя практику гостеприимства, постоянно подогревала интерес высшего общества к судьбе бывшего министра и его жены.

Ссылки и примечания:

1. Feuillet de Conches F.-S. Les salons de conversation au dix-huitième siècle. – Paris: Charavay frères éditeurs, 1882. – 227 p.
2. Deschanel É. Histoire de la conversation. – Paris: M. Lévy, 1857. – 216 p.
3. Glotz M., Maire M. Salons du XVIII siècle. – Paris: Nouvelles Éditions latines, 1949. – 341 p.
4. Gougy-François M. Les Grands salons féminins. – Paris: Debresse, 1965. – 190 p.
5. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.
6. Goodman D. La République des Lettres: Une histoire culturelle des Lumières françaises. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 338 p.
7. Kale S. Salons français: Haute société et sociabilité politique de l’Ancien Régime à la Révolution de 1848. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2006. – 308 p.

8. Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. – Paris: Fayard, 2005. – 568 p.
9. Marmontel J.-F. Mémoires de Marmontel: En 3 vol. / J.-F. Marmontel; par M. Tourneux. – Paris: Librairie des bibliophiles, 1891. – T. 2. – 1891. – P. 231; Morellet A. Mémoires inédits de l'abbé Morellet, sur le dix-huitième siècle et sur la Révolution: En 2 vol. / A. Morellet; par M. Lémontey. – Paris: a la librairie française de Ladvocat, 1822. – T. 2. – 1822. – P. 310.
10. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Correspondance complète de Mme du Deffand avec la duchesse de Choiseul, l'abbé Barthélemy et M. Craufurt: En 3 vol. / M. du Deffand, L. Choiseul, J.-J. Barthélemy; par M. le M. de Sainte-Aulaire. – Paris: Michel Lévy frères, 1866. – T. 2. – 1866. – P. 91.
11. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 320.
12. Ibid. – P. 411.
13. Ibid. – P. 308.
14. Ibid. – P. 411.
15. Ibid.
16. Ibid. – P. 420.
17. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 36.
18. Ibid. – P. 381.
19. Ibid. – P. 24.
20. Ibid. – P. 330.
21. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 1. – 1866. – P. 369-370, 394, 427.
22. Ibid. – P. 308.
23. Ibid. – P. 359, 402, 427.
24. Ibid. – P. 359.
25. Ibid.
26. Ibid. – P. 402.
27. Ibid. – P. 404.
28. Ibid. – P. 420.
29. Ibid. – P. 427.
30. Ibid. – P. 4.
31. Ibid. – P. 24.
32. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 2. – 1866. – P. 24.
33. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – T. 3. – 1866. – P. 111.
34. Walpole H. Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739-1775) / par Ch. de Baillon. – Paris: Didier et Cie, 1875. – P. 75.
35. Ibid. – P. 413, 433-434.

36. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 3. – 1866. – P. 85-86.
37. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 230.
38. Ibid. – P. 195.
39. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 250.
40. Ibid. – P. 253.
41. Ibid. – P. 195.
42. Ibid. – P. 371; Т. 2. – P. 4, 12.
43. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 359.
44. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 2. – 1866. – P. 250.
45. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 357, 370, 382; Т. 2. – P. 43.
46. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 432.
47. Ibid. – P. 364.
48. Ibid. – P. 308, 396, 413; Т. 2. – P. 90, 153.
49. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 412.
50. Ibid. – P. 309.
51. Du Deffand M., Choiseul L., Barthélemy J.-J. Op. cit. – Т. 1. – 1866. – P. 309.

УДК 94(41)''1917/1927''

А.В. Бредихин

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kf.vsemir@donnu.ru

Д.С. Приходько

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

e-mail: prihodko.daniil@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «ИМПЕРСКОЙ КОМИССИИ ПО ВОЕННЫМ ЗАХОРОНЕНИЯМ» В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1917-1927 ГГ.)

Аннотация

Сегодня институт и традиции военных захоронений и мемориалов является одним из основных видов увековечивания и поддержке памяти о военных конфликтах, однако так было навсегда. Подобные традиции появились относительно недавно, и тут речь идет даже не о XVIII - XIX веках, а о более новом времени. Если раньше мемориальные мероприятия ограничивались установлениями стел и памятных зданий, то с началом Первой мировой войны все кардинально поменялось. Сначала тысячи, а затем и миллионы погибших воинов на поле боя требовали решительных действий, потери и жестокость с которой велась войны полностью перевернуло представление о том, как необходимо заботится об увековечивании памяти в государстве. И одну из главных ролей в подобном процессе сыграла специальная комиссия создания при поддержке британского правительства, которая объединяла несколько частей империи.

Ключевые слова: *Великобритания, правительство, мемориалы, военные захоронения.*

Summary

Today, the institution and tradition of war graves and memorials is one of the main types of perpetuating and supporting the memory of military conflicts, but this has always been the case. Such traditions appeared relatively recently, and here we are not even talking about the XVIII-th-XIX-th centuries, but about a newer time. If earlier memorial events were limited to the installation of steles and memorial buildings, then with the outbreak of the First World War, everything changed dramatically. First, thousands and then millions of dead soldiers on the battlefield demanded decisive action, the losses and cruelty with which the war was waged completely turned the idea of how to take care of perpetuating memory in the state.

And one of the main roles in such a process was played by a special commission of creation, with the support of the British government, which united several parts of the empire.

Keywords: *Great Britain, government, memorials, war graves.*

Целью данной статьи является исследование особенностей появления и развития «Имперской комиссии по военным захоронениям», а также эволюция образа военных захоронений и мемориалов как одного из факторов восприятия общества в 1920-е годы.

Историография темы в основном представлена смежными работами, посвященными исследованию Первой мировой войны, ее значению в социокультурном плане и статистических данных потерь вооруженных сил Британской империи (Гейл Брейбон, Барри Эдвардс, Филип Лонгворд, Акира Ирийе, Эрнест Баркер и другие.)

Несмотря на победу в Первой мировой войне, Великобритания находилась в плачевном состоянии. Война нанесла экономике Великобритании тяжелый ущерб, из крупнейшего в мире иностранного инвестора она превратилась в одного из самых больших должников, порядка 40 % государственных расходов выходило только на выплату по процентам. Уровень инфляции увеличился более чем в два раза за период с 1914 года до 1920 года [1]. Покупательская способность национальной валюты упала на 61,2 %. Немецкие репарации, поступавшие в виде каменного угля, привели к кризису собственной угольной промышленности и стали одной из причин всеобщей забастовки 1926 года [2].

Перенесенные потери и потрясения нанесли британскому обществу глубокие психологические травмы. Оптимизм 1900-х исчез полностью, молодежь, прошедшая через поля сражений, вошла в историю как «Потерянное поколение», которое так никогда и не оправилось от пережитого. Перепись населения 1921 года проявила послевоенную демографическую ситуацию в стране. По данным переписи 19 803 022 женщинам Англии и Уэльса соответствовало только 18 082 220 мужчин [3]. В 1921 году на 1 209 женщин в возрасте от 25 до 29 лет приходилось лишь 1000 мужчин-ровесников. К 1931 году (год проведения следующей переписи населения в Соединенном Королевстве) 50 % этих женщин были по-прежнему не замужем, а 35 % так никогда и не вышли замуж [4].

В послевоенной публикации военного министерства «Statistics of the Military Effort of the British Empire During the Great War 1914 – 1920», изданной в марте 1922 года, официально числилось погибшими 908 371 солдата. Этот отчет не делил жертв войны на более подробные категории и охватывал как погибших в ходе боевых действий, так и умерших от ран либо в плену, а также пропавших без вести. В то же время, в книге приведены сведения по основным колониям и доминионам Британской империи. Так, Соединенное королевство Великобритании и Ирландии потеряло в ходе войны 704 121 человека, Индия – 64 449 человек, Канада – 56 639 человек, Австралия – 59 330 человек, Новая

Зеландия – 16 711 человек и, наконец, Южно-Африканский Союз – 7 121 человека [5]. Показатель смертности среди гражданского населения составил 292 000 человек и включал в себя 109 000 погибших из-за нехватки продовольствия и 183 577 жертв эпидемии испанского гриппа [6].

За время войны в Великобритании не хватало рабочей силы, это привело к тому, что значительное число рабочих мест покинутых мужчинами начали занимать женщины. Множество женщин поступило на государственную службу Его Величества, где заняли должности мужчин, позволив последним уйти на фронт. Количество женщин, задействованных в госаппарате за 10 лет с 1911 по 1921 выросло примерно в 2,5 раза. Общее увеличение числа трудоустроенных женщин в военное время составило 1,4 миллиона человек – с 5,9 до 7,3 миллиона. Членский состав женских профсоюзов вырос на 160 % – с 357 000 человек в 1914 до более миллиона в 1918 году. По окончании войны многие женщины были вынуждены уволиться, чтобы освободить свои рабочие места мужчинам, возвращавшимся с фронта [7].

Менее определенным, но все же существенным изменением можно считать рост национального самосознания доминионов Британской империи. Такие битвы, как Галлиполийская кампания для Австралии и Новой Зеландии и сражение за хребет Вими для Канады, стали примерами для национальной гордости и, вместе с тем, определили стремление доминионов к большей самостоятельности и уменьшению зависимости от Соединенного Королевства. Эти сражения, как правило, рассматриваются национальной пропагандой как символы их могущества в ходе войны. В итоге Британия столкнулась с беспорядками в Ирландии (1919 – 1921), Индии (1919), Египте (1919 – 1923), Палестине (1920 – 1921) и Месопотамии (1920). При этом стоит учитывать нарастающую опасность со стороны Японии, а также США которые отказались от изоляционизма и начали вести активную внешнюю политику в Европе и Азии. Единственной территориальной потерей британской короны стала Ирландия, где задержка ввода в действие Гомруля вкупе с Пасхальным восстанием 1916 года и неудачной попыткой проведения принудительного набора в армию спровоцировали рост сепаратистских настроений в регионе, что привело, в конечном итоге, к началу Ирландской войны за независимость в 1919 году.

По результатам войны колонии поверженных Германской и Османской империй перешли в подчинение странам Антанты по мандатам Лиги Наций. После заключения Версальского мирного договора Соединенное Королевство расширило свои владения на 4 700 000 км² и получило 13 миллионов новых подданных. В итоге Великобритания получила контроль над Палестиной и Трансиорданией, Месопотамией, частями Камеруна и Того, а также Танганьикой. Таким образом, Британская империя достигла предела своего территориального развития, новые территории требовали военного присутствия британской армии, что также имело негативные последствия [8].

Пытаясь побороть социально-экономические и политические проблемы, британское правительство и общество начало искать утешение не в прекрасном будущем, которое могло и не наступить, а в трагическом прошлом, а именно в памяти о Великой войне.

Значительная часть увековечивания памяти о войне в Великобритании легла на плечи общественности. Так в 1920-е годы стали распространены сборы пожертвований в местных школах, колледжах и церквях для проведения мемориальных мероприятий. Местные СМИ периодически выпускали статьи, посвященные Первой мировой войне, это могли быть как просто статистические донесения о погибших и раненых в том или ином городе Великобритании, или публикации, посвященные местным героям, совершившим подвиг во время войны.

Еще одним важным фактором по увековечиванию памяти стали действия ветеранов войны. Бывшие участники боевых действий самостоятельно устраивали парады, надевая свою военную форму с наградами. Ветеранские организации так же внесли не малую роль в этот процесс. Их активные действия распространялись как на парламент где они пытались сформировать свою группу продвигая интересы ветеранов, так и на профсоюзные акции принимая участие в забастовках.

В Великобритании, как и во многих других странах Содружества наций, широко отмечается день подписания Компьенского перемирия, завершившего Первую мировую войну. В странах Содружества распространено сразу несколько названий этого праздника: «День поминовения», «День перемирия», «День ветеранов», «День маков». Королевский указ о проведении торжественных мероприятий в этот день был подписан Георгом V 7 ноября 1919 года [9]. Символом праздника является красный поминальный мак. Этот образ был взят из поэмы Джона Маккрея «На полях Фландрии» и ассоциируется с цветами мака, покрывавшими поля самых отчаянных сражений во Фландрии. Ярко-красный цвет праздничной символики связывается с пролитой кровью жертв войны.

Однако одним из важнейших факторов формирования и укрепления памяти о войне и её жертвах был сделан «Имперской комиссией по военным захоронениям». В течение нескольких лет после окончания войны, в местах бывших боёв, были заложены сотни воинских кладбищ и мемориалов. Для их организации, учёта и опеки ещё во время войны была учреждена «Имперская комиссия по уходу за военными захоронениями». В ее основе стояло межправительственное соглашение шести стран Британской империи: Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и ЮАС. Сейчас на попечении комиссии Содружества наций по уходу за военными захоронениями (современное название данной организации) находятся около 2 500 кладбищ в 150 странах мира [10].

Истоки появления данной комиссии можно проследить еще в 1914 году. После началом Первой мировой войны Фабиан Уэр, директор компании «Rio

Tinto», обнаружил, что в свои 45 лет он слишком стар, чтобы служить в британской армии. Он использовал влияние «Rio Tinto», чтобы стать командиром мобильного подразделения Британского Красного Креста. Он прибыл во Францию в сентябре 1914 года и, находясь там, был поражен отсутствием какого-либо официального механизма для документирования или обозначения местонахождения могил погибших и почувствовал необходимость создать для этой цели организацию в рамках Красного Креста. В марте 1915 года при поддержке Невилла Макреди, генерал-адъютанта Британского экспедиционного корпуса, работа Уэра получила официальное признание и поддержку «Имперского военного министерства», и подразделение было передано британской армии в качестве «Комиссии по регистрации могил». К маю 1916 года комиссия зарегистрировала более 50 000 могил британских и имперских солдат [11].

Постепенно авторитет Уэра рос и со временем он стал довольно известным лицом. Уэр смог подписать соглашения с Францией о строительстве совместных британских и французских кладбищ. В договоре оговаривались отдельные пункты, согласно которым Франция предоставляла Великобритании участки земли, на которых и будут расположены военные захоронения.

По мере того, как сообщения о работах по регистрации могил становились достоянием общественности, в комиссию стали поступать запросы и просьбы о фотографиях могил от родственников погибших воинов. К 1917 году родственникам было отправлено порядка 17 000 фотографий. В марте 1915 года комиссия при поддержке Красного Креста начала рассылать фотоотпечатки и информацию о местонахождении захоронения в ответ на отдельные запросы. Весной 1916 года «Комиссия по регистрации могил» стала «Управлением регистрации и расследований захоронений» в знак признания того факта, что объем работ стал выходить за рамки простой регистрации и стал включать ответы на запросы родственников погибших. Работа комиссии выходила за пределы Западный фронт и другие театры военных действий с подразделениями, дислоцированными в Греции, Египте и Месопотамии.

Поскольку война продолжалась, Уэр и другие стали беспокоиться о судьбе могил в послевоенный период. По предложению британской армии в январе 1916 года правительство создало «Национальный комитет по уходу за солдатскими могилами», а Эдуард, принц Уэльский, согласился стать президентом. «Национальный комитет по уходу за солдатскими могилами» был создан с намерением взять на себя работу «Управления регистрации и расследований захоронений» после войны. Правительство сочло более целесообразным поручить работу специально назначенному органу, а не какому-либо существующему правительственному ведомству. К началу 1917 года ряд членов комитета считали, что для ухода за могилами потребуется формальная имперская организация. С помощью Эдуарда, принца Уэльского, Уэр представил на Имперскую военную конференцию в 1917 году меморандум, в котором предлагалось создать имперскую организацию. Предложение было

принято, и 21 мая 1917 года Королевской хартией была учреждена «Имперская комиссия по военным захоронениям», в которой принц Уэльский занимал пост президента, государственный секретарь по военным делам лорд Дерби — председателем, а Уэр — заместителем председателя. Деятельность комиссии всерьез началась в конце Первой мировой войны. Как только были обеспечены земли для кладбищ и мемориалов, можно было приступить к колоссальной работе по регистрации сведений о погибших. К 1918 году было идентифицировано около 587 000 могил, и еще 559 000 жертв были зарегистрированы как неизвестные могилы [12].

Масштаб и связанное с этим большое количество жертв войны породили совершенно новое отношение к памяти погибших на войне. До Первой мировой войны индивидуальное поминовение погибших на войне часто проводилось на разовой основе и почти исключительно ограничивалось офицерами. Однако война потребовала мобилизации значительного процента населения либо в качестве добровольцев, либо по призыву. Следовательно, возникло ожидание, что отдельные солдаты будут ожидать увековечивания памяти, даже если они были низкоставленными военнослужащими. Комитет под руководством Фредерика Каньона, директора Британского музея, в ноябре 1918 года представил Комиссии отчет, в котором подробно описал, как он представлял себе развитие кладбищ. Два ключевых элемента этого доклада заключались в том, что тела не должны репатрироваться и что во избежание классовых различий следует использовать единые мемориалы. Помимо логистических ошибок возвращения домой такого количества тел, считалось, что репатриация будет противоречить чувству братства, которое возникло между служащими.

Статья Редьярда Киплинга в «Таймс» от 17 февраля 1919 года довела предложение комиссии до широкой аудитории и описала, как будут выглядеть могилы. Статья, озаглавленная «Военные захоронения: работа Имперской комиссии: обзор г-на Киплинга», была быстро переиздана в виде иллюстрированного буклета «Могилы павших». После публикации отчетов сразу же последовал общественный резонанс, особенно в отношении решения не репатрировать тела погибших. Отчеты вызвали широкую дискуссию в прессе, которая в конечном итоге привела к жарким дебатам в парламенте 4 мая 1920 года. Роберт Сесил выступает от имени тех, кто желает репатриации и выступает против единообразия надгробий. Уинстон Черчилль закрыл дискуссию и попросил не выносить вопрос на голосование.

В 1918 году трое самых выдающихся архитекторов своего времени, сэр Герберт Бейкер, сэр Реджинальд Бломфилд и сэр Эдвин Лютенс, были назначены первыми главными архитекторами организации. Редьярд Киплинг, потерявший на войне сына, был назначен литературным консультантом мемориальных надписей.

В 1920 году Комиссия построила три экспериментальных кладбища в Ле-Трепор, Форсвилле и Лувенкуре, следуя принципам, изложенным в отчете Кеньона. После некоторых корректировок Форсвилль стал образцом для

программы строительства комиссии. Перерасход средств на всех трех проектных кладбищах потребовал некоторых корректировок. Чтобы гарантировать, что будущие кладбища останутся в рамках бюджета, Комиссия решила не строить мемориалы на кладбищах с менее чем 200 могилами, не устанавливать Памятный камень на любом кладбище с менее чем 400 могилами и ограничить высоту кладбища стены до 1 метра.

Всего за год, с 1919 по 1920, комиссия расширила бюджет на строительство кладбищ более чем в 30 раз. К 1921 году комиссия установила 1 000 кладбищ, готовых к возведению надгробий и захоронений. Между 1920 и 1923 годами комиссия отправляла во Францию 4 000 надгробий в неделю. Во многих случаях Комиссия закрывала небольшие кладбища и концентрировала могилы в более крупных. К 1927 году, когда большая часть строительства была завершена, было построено более 500 кладбищ с 400 000 надгробий, тысячей жертвенных крестов и 400 камнями памяти [13].

Комиссии также было поручено почтить память каждого солдата, у которого не было известных могил, которых только во Франции и Бельгии насчитывается 315 000 человек. Первоначально, Комиссия решила построить 12 памятников в память о пропавших без вести. Каждый мемориал расположен на месте важного сражения на Западном фронте. После сопротивления со стороны французского комитета, ответственного за утверждение мемориалов на территории Франции, Комиссия пересмотрела свой план и сократила количество мемориалов, а в некоторых случаях строила мемориалы пропавшим без вести на существующих кладбищах, а не как отдельные сооружения.

В настоящее время комиссия отвечает за продолжение поминовения 1,7 миллиона погибших военнослужащих Содружества в 153 странах. С момента своего создания комиссия построила около 2500 военных кладбищ и многочисленные мемориалы. Помимо увековечивания памяти военнослужащих Содружества, комиссия по договоренности с соответствующими правительствами поддерживает более 40 000 военных захоронений, не принадлежащих Содружеству, и более 25 000 невоенных военных и гражданских захоронений. Не смотря на все положительные стороны деятельности Комиссии, можно отметить, что она своего рода обесценила и коммерциализировала институт военных мемориалов и захоронений.

Ссылки и примечания:

1. Charles Whiting Baker. Government control and operation of industry in Great Britain and the United States during the World War. – N. Y.: Oxford University Press, 1921. – 111 p.
2. Correlli Barnett. The Collapse of British Power. – L.: Pan Macmillan, 2002. – 325 p.
3. Sarah Bradford. King George VI. – L.: Weidenfeld & Nicolson, 1989. – 115 p.

4. Thomas Mitchell. *Casualties and Medical Statistics of the Great War*. – L.: Battery Press, 1997. – 55 p.
5. Bourne J. M. *Who's Who in World War One*. – 1. New York, – NY: Routledge, 2001. – 22 p.
6. Wells, N. J. (2011). *Official Histories of the Great War 1914–1918*. Uckfield: Naval & Military Press. – 66 p.
7. Diana Condell; Jean Liddiard. *Working for Victory?: Images of Women in the First World War, 1914-18*. – 1. – London: Routledge, 1987. – 70 p.
8. Duke of Windsor. *A King's Story: The Memoirs of the Duke of Windsor*. – L.: Prion Books, 1999. – 34.
9. Kenneth Rose. *King George V*. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1984. – 225 p.
10. Taylor J. P. *English History 1914–1945*. – Oxf.: Oxford University Press, 1975. – 423 p.
11. Niall Ferguson. *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. – N. Y.: Basic Books, 2004. – 113 p.
12. *The Oxford History of the British Army* / David Chandler. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 94 p.
13. Ian Beckett. *The Great War*. – Harlow: Pearson Education, 2007. – 478 p.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 94 : 322 : 271.222(477)

Д.В. Посредников

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: dpovednikov@yandex.ru

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ НА УКРАИНЕ

Аннотация

В статье проанализирована реакция духовенства и верующих религиозных организаций Украины, позиционирующих себя как православные, на события, развернувшиеся с начала проведения спецоперации ВС России по демилитаризации и денацификации Украины. Пережив годы притеснений со стороны властей Украины, единство, а возможно, само существование Украинской Православной Церкви в настоящем подверглось серьезному испытанию.

Ключевые слова: конфессиональная политика, УПЦ, религия, ПЦУ, Украина.

Summary

The relevance of the problem is due to the fact that the Ukrainian Orthodox Church has always positioned itself as the only canonical church in Ukraine, which is in spiritual unity with the Moscow Patriarchate. Military trials became especially difficult for the church, whose clergy and believers found themselves on both sides of the conflict. To terminate the activities of the UOC, the Ukrainian state has prepared a legal framework. The UOC has faced the most difficult challenge in its entire history, which, first of all, comes from within the church, from the clergy and believers: some require the UOC to unite with them against the “Nazis”, others to unite against the “aggressors”.

Key words: confessional policy, UOC, religion, OCU, Ukraine.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что Украинская Православная Церковь, пребывающая в духовном единстве с Московским Патриархатом, столкнулась с самым сложным вызовом за всю свою историю. Военные испытания в 2022 г. стали по-особенному тяжелыми для Церкви, духовенство и верующие которой оказались по обе стороны конфликта.

Украинские общественные науки фактически отказались от исследований положения и деятельности УПЦ, «предоставив» тему религиозно-политической журналистике. Основной материал по данной проблеме содержится в публикациях на официальных сайтах религиозных организаций и в СМИ.

Цель: выявить положение Украинской Православной Церкви в ситуации проведения спецоперации ВС России на Украине.

Накануне начала спецоперации ВС РФ на Украине Предстоятель УПЦ Блаженнейший Митрополит Онуфрий озвучил позицию Церкви так: *«УПЦ последовательно поддерживала и поддерживает территориальную целостность Украины и призывает своих верных молиться за мир в нашем Украинском государстве и во всем мире. Призываю лидеров государств и всех, от кого это зависит, не допустить новой войны. Война – это тяжкий грех перед Богом!»* [1]

Боевые действия начались на территориях, где доминирует УПЦ, в результате которых к апрелю было разрушено принадлежавших ей более 30 храмов, в том числе, кафедральные соборы, повреждения получила Святогорская лавра [2]. Не менее трагичны были похищения священников УПЦ, заподозренных в симпатиях к России, осуществленные на украинской территории «неизвестными вооруженными лицами».

Оценки ситуации, которые сделали главы всех, позиционирующих себя как православные, конфессий, не противоречили друг другу. Естественно, что главы «национально ориентированных церквей» (ПЦУ и УПЦ КП) в своих обращениях к пастве высказались крайне резко, взывая к российским христианам «отказаться от насилия». Так, глава лишенной регистрации на Украине Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (УПЦ КП) Филарет (Денисенко) высказался ожидаемо: «Не мы начали войну, а начал агрессор Путин [3]». Глава частично признанной Православной Церкви Украины Константинопольского Патриархата (ПЦУ) Епифаний (С. Думенко): «Мы не стремимся убивать наших соседей. Но поскольку они пришли в наш дом, мы защищаем свою Родину, а защищать, убивать врага – не грех». «Митрополит» Луцкий и Волынский (ПЦУ) Михаил (Зинкевич): «Убивать рашистов не грех, если этот враг стреляет по твоему дому, стреляет по твоим ближним, то это уже враг Божий... Этот враг должен быть уничтожен. Никакого греха в этом нет. Даже к исповеди не нужно идти» [4].

24 февраля в своем первом с начала конфликта обращении к пастве митрополит Киевский и Всея Украины Онуфрий выступил более сдержанно: «Россия начала военные действия против Украины... Мы просим Вас, Владимир Владимирович, остановить войну и самый позор для нас... Война между такими народами... она называется «каиновым убийством»... [5] Упоминание темы братоубийства означало, что в восприятии митрополита Онуфрия ведущиеся боевые действия – это гражданская война. О разрыве с Москвой заявлено не было. Следует заметить, что и ранее в своих выступлениях митрополит Онуфрий называл русских и украинцев – единым народом, Украину – частью Русского

мира. Нынешнюю позицию Блаженнейшего можно понимать как вынужденную, сформулированную во избежание обострения межцерковных отношений и нападения на храмы экстремистов. Можно предположить, что в основе его высказываний лежало понимание, что государство, манипулируя законом, может реализовать «передачу» ПЦУ находящихся у УПЦ храмов и лавр. Что десятилетиями в УПЦ шла украинизация, архиереи и священство – этнические украинцы, не связанные, подобно старшему поколению духовенства, годами учебы или служения в России. Принял он, вероятно, во внимание положение УПЦ, когда из 53 епархий УПЦ, 14 оказались на территориях, подконтрольных России.

Позицию Предстоятеля УПЦ поддержали 15 епархий, преимущественно из Западной Украины. Ряд епархий УПЦ принял самостоятельное решение не поминать во время богослужений Патриарха Кирилла, комментируя это как необходимую меру для сохранения спокойствия и единства верующих в условиях «военного вторжения Российской Федерации в Украину».

27 февраля резкие заявления против ведения боевых действий ВС РФ сделали Митрополит Сумской и Ахтырский Евлогий (Гутченко) (УПЦ) [6] и архиепископ Обуховский, председатель Синодального отдела по делам молодежи УПЦ Иона (Черепанов) [7].

Десять клириков Смилянского благочиния Черкасской области потребовали разорвать отношения с РПЦ и начать диалог с ПЦУ. Еще семь священников, в основном, Киевской епархии, в видеообращении к патриарху Кириллу сообщили о прекращении его поминовения за литургией, а также обратились к митрополиту Онуфрию с просьбой собрать Собор УПЦ, чтобы поставить вопрос о разрыве отношений с Московским Патриархатом [8].

В Винницкой епархии духовенство УПЦ осудило «агрессию» России против Украины. Духовенство Ивано-Франковской епархии выступило с обращением: «В связи с военным вторжением Российской Федерации в Украину и отсутствием осуждения военных действий патриархом Кириллом требуем: в кратчайшие сроки отделиться от Московского патриархата каноническим путем. Однако было оговорено, что духовенство, монашествующие и верующие епархии остаются в лоне Украинской Православной Церкви» [9].

Духовенство Львовской епархии УПЦ направило правящему Митрополиту Львовскому и Галицкому Филарету (Кучерову) обращение о необходимости провозглашения автокефалии от РПЦ на Архиерейском Соборе. Митрополит Филарет подписал распоряжение, согласно которому в церквях прекратили молитвенно поминать Патриарха Московского Кирилла. Если данные высказывания делались из опасения действий властей и радикалов, то они не сработали: через несколько дней в Городке Львовской области (в первый раз на Украине) запретили деятельность УПЦ.

УПЦ занялась сбором и отправкой гуманитарной помощи беженцам и ВСУ. И, несмотря на это, во многих храмах и монастырях УПЦ прошли обыски с целью найти «российский след», а значит, иметь законное основание для

мародерства и репрессий. Одним из первых под показательный удар попал храм в Коломые Ивано-Франковской области, где нападавшие искали оружие, русскую символику, и все, что свидетельствовало бы о сотрудничестве с «агрессором». Оружия не нашли, реквизировали хлебобулочные изделия и консервы, которые по словам «активистов» из территориальной обороны, предназначались для помощи «российским оккупантам». В интернете разместили видео с призывом «громить кацапов» и «московских попов».

Очевидно, опасаясь разгула экстремизма и усиления давления на УПЦ, 4 марта Блаженнейший митрополит Онуфрий призвал провести молебны об установлении мира во всех церквях Украины. В начале своего обращения к пастве он попросил верующих любить и уважать друг друга, но общую риторику не сменил: «Российские войска воюют против Украины. Гибнут мирные жители, гибнут дети». И обратился к президенту России, призвав решать все проблемы мирным путем. В речи Предстоятеля слов в адрес В. Зеленского с просьбой помочь мирному процессу не прозвучало.

6 марта глава ПЦУ Елифаний (С.Думенко) обратился к духовенству УПЦ: «Дорогие владыки, отцы, братья и сестры! Вы, как и все мы, страдаете от российского нашествия. Каждая российская бомба, ракета, снаряд на украинской земле окончательно убивают мифы о "Святой Руси" и "триедином народе". Многие из вас уже задумываются о том, что дальше невозможно находиться в юрисдикции русского патриарха. Вы всегда декларировали приверженность канонам, а каноны определяют, что в Украине должна быть единая Поместная Церковь» [10]. В тот же день к давлению на руководство УПЦ подключились журналисты и блогеры Тернопольской области, которые в своем провокационном обращении предложили митрополиту Онуфрию: «...обнародовать на наших сайтах Ваше четкое, недвусмысленное и конкретное обращение к Патриарху с осуждением действий агрессора, прежде всего, главнокомандующего оккупантов Путина». Медийщики предложили помощь в публикации текста анафемы президенту России, «подсказывали», как надо «правильно» обратиться к Путину, осудить его «милитаристские инициативы» и вывести войска из Украины [11]. В тот же день парафия УПЦ в честь Воскресения Христова в видеообращении к архиерею Бориспольской епархии митрополиту Антонию (Паканичу) потребовала собрать священный Синод УПЦ, чтобы поставить вопрос о независимости Киевской епархии от Московской Патриархии и образовании автокефальной украинской православной церкви [12]. Митрополит Антоний в ответ призвал хранить единство Церкви.

7 марта митрополит Нежинский и Прилуцкий Климент (УПЦ), в чьей епархии особенно пострадали храмы, заявил: «Священники Нежинской епархии Украинской Православной Церкви чрезвычайно озабочены теми заявлениями, которые звучат из церковных кабинетов Москвы, касающиеся всех событий, которые происходят в Украине и потому в храмах Нежинской епархии не поминается имя патриарха Кирилла, а также не выполняется ни одно из распоряжений, которое бы исходило из Москвы» [13].

10 марта главы раскольничьих церквей, вероятно, по указанию властей, заявили: «Украина уже морально победила агрессора» (Епифаний) [14]; «Украина выстояла в этом испытании – русской агрессии против нашего народа» (Филарет) [15].

13 марта на День Торжества Православия Епифаний (С. Думенко) провел параллель между спецоперацией российских войск и единоборством Давида с Голиафом и завершил спич: «Именно поэтому *вместо традиционного молебна Торжества Православия*, сегодня мы с особыми чувствами возносим молитвы *за украинских воинов*» [16]. Не отстает от Епифания и бывший его учитель Филарет (Денисенко): «...предлагаю Вам (УПЦ) «объединиться в единую поместную Украинскую Православную Церковь» [17]. 4 марта он сделал аналогичное предложение.

Подоплека всего этого движения, угрожающего единству и существованию Украинской Православной Церкви, вероятно, состоит в том, что приведены в действие механизмы, созданные Константинопольским патриархатом три года назад: в игру вступила церковная юрисдикция, задача которой – привлечь к себе тех священников, которые, с одной стороны, не считают для себя возможным и далее оставаться в юрисдикции УПЦ, а с другой – не хотят объединяться с ПЦУ, считая ее расколом. Это – «Ставропигия Вселенского патриархата в Украине», которая базируется в Андреевской церкви в Киеве и возглавляется «епископом Команским» Михаилом (Анищенко). Драйвером проекта в публичном пространстве является заштатный архимандрит РПЦ, выполняющий особые поручения Константинополя, Кирилл (Говорун). Суть проекта – *сначала прекратить помянуть патриарха Кирилла и начать помянуть Вселенского патриарха. Параллельно с этим начать обсуждение о получении автокефалии УПЦ от МП. Завершается план объединением УПЦ и ПЦУ* [18].

Говорун ставит знак равенства между УПЦ и ПЦУ. Но ПЦУ для Московского Патриархата, как и ее предшественницы – УПЦ КП и УАПЦ – это деноминации, которые пребывают в расколе. При этом решение Вселенского патриархата от 11 октября 2018 г. о присоединении к Церкви «Филарета Денисенко, Макария Малетича и их последователей» сути не меняет; ибо у данных бывших иерархов не было акта покаяния и воссоединения с Церковью. Деятельность ПЦУ также неприемлема для УПЦ. К примеру, 20 июня 2022 г. собор ПЦУ принял решение о «канонизации» С. Бандеры «как новомученика и исповедника украинца, пострадавшего за Христа».

Однако для УПЦ помимо основных, канонических, моментов в вопросе об объединении церквей существует еще одно препятствие – захваты храмов, сопровождаемые травлей верующих, избиением священников и поджогом культовых сооружений. Несмотря на заявление, сделанное в феврале главой ПЦУ Епифанием: «ПЦУ призывает не допускать насилия против имуществ общин Московского Патриархата в Украине или сторонников Русской Православной Церкви... Враг только ищет повод для оправдания своей агрессии – наша общая

задача в том, чтобы разрушить его замыслы» [19], по словам управделами УПЦ митрополита Антония, в общей сложности захвачено 250 храмов, добровольных переходов было 53 [20]. По данным ПЦУ «добровольно» перешли 400–500 приходов. ПЦУ проводят встречи с властями, чтобы скоординировать уничтожение УПЦ. В Дрогобыче «иерарх» Яков Макаруч устроил совет с властями района как захватить 7 общин УПЦ (один храм уже захвачен). В июне во Львовской области полностью запретили деятельность УПЦ. Всего известно 48 случаев запрета деятельности УПЦ органами местного самоуправления.

Украинские религиоведы и правозащитники молчат о незаконных захватах, их деятельность, как и в предшествующие годы, направлена на создание «Единой поместной украинской православной церкви». Авторитетный на Украине религиовед В. Еленский высказался по поводу ситуации так: «В Украине есть поместная каноническая ПЦУ... Однако сейчас есть возможность отставить разногласия в сторону и выработать простую и приемлемую процедуру присоединения к ПЦУ. «Пропетлять», как это было в 2014–15 годах, УПЦ МП уже не удастся. Потому что ясно, что Московскому Патриархату места в Украине уже не будет» [21].

Украинская социология эффективность конфессиональной политики усматривает в результатах опроса, проведенного 8–9 марта 2022 г. социологической группой «Рейтинг»: среди прихожан УПЦ более 50% поддержали расторжение связей с РПЦ, 25% отнеслись безразлично, 13% выступили против [22].

22 марта 2022 года депутат от партии «Свобода» О.Савчук внесла в Верховную Раду законопроект № 7204 «О запрете Московского патриархата на территории Украины», то есть, УПЦ и всех религиозных организаций, которые являются ее частью. Предполагается в течение 48 часов со дня вступления в силу закона национализировать всю церковную собственность или в течение 14 дней дать возможность изменить свою подчиненность [23].

Так как законных методов для реализации проекта по разрыву отношений УПЦ с РПЦ пока нет, для УПЦ крайне высоким остается и риск задействования властями методов неправовых. Глава центрального штаба, член Провода НОД «Правый сектор» В. Лабайчук сообщил план радикалов: «В случае если Московский патриархат ограничится отказом помянуть Кирилла, оставаясь в подчинении РПЦ, не исключены «отдельные эпизоды насилия». Если УПЦ разорвут с РПЦ и провозгласят автокефалию, попадут под юрисдикцию Вселенского Патриарха, присоединится к ПЦУ. Объединительный Собор ПЦУ и УПЦ не получится» [24].

Патриарх Кирилл, несмотря на оказываемое извне давление, спецоперацию поддержал. На заседании Высшего церковного совета те дни сообщил, что Русская Православная Церковь призвана сегодня, несмотря на очень мощный негативный политический контекст, сохранить духовное единство русского и украинского народов. Это единство, несомненно, подвергается опасности в условиях военных действий. «Церковь не может нести другого смысла, кроме

миротворческого, ибо везде наша паства, и по одну, и по другую сторону баррикад» [25]. Однако каких-либо решительных действий со стороны руководства РПЦ предпринято не было, архиерейский собор РПЦ, который должен был пройти в конце мая, из-за неявки украинских и зарубежных иерархов был отменен.

27 мая 2022 года в Киеве прошли собрание УПЦ, заседание Синода и Собор, где рассматривались «вопросы, которые возникли вследствие военной агрессии Российской Федерации против Украины». У УПЦ было три варианта. Первый – остаться в РПЦ, что с украинской точки зрения, превратило бы ее в союзницу «агрессора». Второй – присоединиться к ПЦУ, этот путь не рассматривался как приоритетный. Третий – объявить об автокефалии.

Собор в своих решениях, во-первых, осудил войну как нарушение Божьей заповеди «Не убий!». Хотя в «Основах социальной концепции УПЦ» значится иное: «Визнаючи війну злом, Церква, проте, не забороняє своїм чадам брати участь у бойових діях, якщо йдеться про захист ближніх і відновлення порушеної справедливості» [26]. Во-вторых, Собор предоставил епархиальным архиереям право самостоятельно принимать решения по тем или иным вопросам епархиальной жизни, относящихся к компетенции Священного Синода или Предстоятеля УПЦ. При этом епархиям предоставлен выбор: функционировать по старому или по новому Уставу. Данное положение давало возможность более гибкой организации церковного управления на разных территориях Украины, разделенных войной. В-третьих, сделан шаг к полной самостоятельности Церкви: из редакции нового Устава были изъяты все 10 упоминаний о РПЦ, обсуждалась возможность восстановления миротворения в Киеве. Тем не менее, о разрыве с РПЦ МП заявлено не было. В-четвертых, Собор высказался за преодоление раскола в «украинском православии», т. е. за диалог с ПЦУ и УПЦ КП [27]. Однако среди условий диалога о воссоединении стояло неприемлемое для иерархов раскола сомнение в апостольской преемственности хиротоний. В целом, решения Собора отвечали ситуации, они могли сгладить, но не решить проблем вовне и внутри Церкви. На первой, прошедшей после собора воскресной литургии в Киеве митрополит Онуфрий помянул патриарха Кирилла в ряду других православных патриархов, опустив формулировку о «великом господине и отце нашем», то есть так, как его поминают главы автокефальных церквей.

Как реакция на решения Собора епархии УПЦ на территории ЛНР – Ровеньковская и Луганская – прекратили поминовение митрополита Онуфрия «в связи с несогласием с принятыми изменениями в Устав об управлении Украинской Православной Церкви от 27 мая 2022 г.». Донецкие епархии продолжили служение по старому Уставу. Три крымские епархии перешли в прямое подчинение патриарху Московскому и всея Руси Кириллу.

Таким образом, с началом спецоперации ВС РФ на Украине Украинская Православная Церковь оказалась заложником ситуации; своей политикой

умеренной поддержки Украины она оказалась под двойной угрозой – ликвидации извне и раскола изнутри.

Вполне очевидно, что агрессия против УПЦ – это целая программа, формирование происходит как внутри, так и вовне Украины, которая последовательно реализуется украинским государством в целях отрыва Украины от России. А в связи с вовлеченностью в конфликт Константинопольского патриархата (уже заявившего о необходимости вытеснения русского монашества с Афона), события на Украине усугубляют раскол в мировом православии (Всеправославный собор, готовившийся на 2022 г., не состоится), ведут к росту международной напряженности.

Но внутренний аспект здесь более важный: церковного понимания ценности единения во Христе УПЦ с РПЦ оказалось недостаточно, потому что украинизация УПЦ продвинулась достаточно глубоко. Это проявилось в том, что значительное число общин УПЦ заявило о верности ее Предстоятелю (митрополиту Онуфрию), но перестало почитать Патриарха Московского. Наряду с призывом к миру и покаянию, архиереи УПЦ называют спецоперацию по демилитаризации и денацификации Украины «каиновым грехом», русский народ – «агрессором», то есть, фактически солидаризировались с националистической пропагандой. Внутри УПЦ выявились сторонники автокефалии, звучат призывы к ее самопровозглашению.

«Уход» УПЦ может стать самой серьезной утратой Московского патриархата за последние 100 лет: на начало 2022 г. УПЦ принадлежало чуть более 12 тыс. общин или 30% от общего числа общин МП (около 40 тыс. общин, из них в России – 19 тыс.).

Некогда, в начале независимости, националисты выбрали разрушительный для страны путь, а именно: силой навязать собственное видение государства Украина, свою узкопартийную идеологию под лозунгом: «одно государство – одна нация – один язык – одна церковь». Стоит отметить, что за три десятилетия им удалось сделать много. Политики поделили Украину на запад и восток. ПЦУ вопреки канонам был выдан Томос. П. Порошенко выдвинул лозунг: «Армія, мова, віра», а ныне призывает мир «...применить санкции против РПЦ как организации-пособника терроризма и соучастника геноцида, а также против ее Предстоятеля и других представителей руководства» [28].

Если украинское государство успеет ликвидировать УПЦ юридически, актуальным становится переход отдельных епархий, монастырей и приходов в РПЦ. Если УПЦ уцелеет, то после предстоящего неизбежного краха украинской государственности требуется выяснить, кто из ее иерархов сможет конструктивно работать над воссозданием страны. Сохранять ПЦУ и УПЦ КП, и все, созданные ими структуры на освобожденных территориях категорически не в интересах заявленной в начале проведения спецоперации цели.

Ссылки и примечания:

1. Блаженніший Митрополит Онуфрій: Війна – це тяжкий гріх перед Богом. URL: <https://spzh.news/ua/news/86611-blazhennejshij-mitropolit-onufrij-vojnaeto-velikij-greh-pered-bogom> (дата обращения 24.02.2022).
2. Александров К. Положение УПЦ во время войны URL: <https://spzh.news/ru/zashhita-very/87002-polozhenije-upc-vo-vremya-vojny> (дата обращения 26.02.2022).
3. Звернення Патріарха Філарета до українського народу щодо початку війни. URL: <https://www.cerkva.info/news/zvernennia-patriarkha-filareta-do-ukrainsko-ho-narodu-shchodo-pochatku-vijny/> (дата обращения 26.02.2022).
4. Убивать рашистов не грех URL: https://risu.ua/ru/ubivat-rashistov-ne-greh-eriskop-rsu_n126821 (дата обращения 02.03.2022).
5. Звернення Блаженнішого Митрополита Онуфрія до української пастви. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=34dSEGrQHxY&t=217s> (дата обращения 24.02.2022).
6. Звернення митрополита Євлогія 27.02.2022 у зв'язку з військовою агресією Росії. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rmljpn8pjJI> (дата обращения 27.02.2022).
7. Викарий Киевской епархии архиепископ Иона: «Освободители?» Убийцы. URL: <https://ahilla.ru/vikarij-kievskoj-eparhii-arhieriskop-iona-osvoboditeli-ubijtsy/> (дата обращения 27.02.2022).
8. Обращение священников УПЦ к Патриарху Кириллу и Блаженнейшему Онуфрию. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lFcqAvuI9Vs> (дата обращения 20.03.2022).
9. Заява від духовенства Івано-Франківської єпархії. URL: <https://ivano-frankivsk.church.ua/2022/03/09/zayava-vid-duhovenstva-ivano-frankivskoj-i-jeparxiji/> (дата обращения 20.03.2022).
10. Предстоятель ПЦУ призвал духовенство УПЦ МП навсегда порвать с «Русским миром». URL: https://risu.ua/ru/predstoyatel-pcu-prizval-duhovenstvo-upc-mp-navsegda-porvat-s-russkim-mirom_n126812 (дата обращения 06.03.2022).
11. Гордеев А. Путин, «Л/ДНР» и безмолвное российское христианство. URL: https://risu.ua/ru/putin-l-dnr-i-bezmolvnoe-rossijskoe-hristianstvo_n126294 (дата обращения 06.03.2022).
12. Звернення Зазимської парафії до правлячого архієрея Бориспільської єпархії митрополита Антонія. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-FQpw5iHL6A> (дата обращения 06.03.2022).
13. Заява митрополита Ніжинського і Прилуцького про агресію Росії. URL: https://www.youtube.com/watch?v=s_CEU8RATdw. – Название с экрана.
14. Звернення Митрополита Епіфанія (10 березня 2022 р.). URL: <https://www.pomisna.info/uk/vsi-novyny/zvernennya-mytropolitya-epifaniya-10-bereznya-2022-r/> (дата обращения 10.03.2022).

15. Звернення Святійшого Патріарха Філарета до захисників України. URL: <https://www.cerkva.info/news/zvernennia-svatiyshoho-patriarkha-filareta-do-zakhysnykiv-ukrainy-video/> (дата обращения 13.03.2022).
16. Проповідь Блаженнішого Митрополита Київського і всієї України Епіфанія в неділю Торжества Православ'я. URL: <https://www.pomisna.info/uk/vsi-povunu/yak-syloyu-viry-yunak-davyd-peremig-veleta-goliafa-tak-i-my-mayuchy-viru-mozhemo-vygnaty-z-nashoyi-zemli-rosijskyh-agresoriv-mytropolyt-epifanij/> (дата обращения 13.03.2022).
17. Звернення до Предстоятеля Української Православної Церкви Московського Патріархату митрополита Київського і всієї України Онуфрія, єпископату, духовенства та мирян. URL: <https://www.cerkva.info/news/zvernennia-do-predstoiatelia-ukrainskoi-pravoslavnoi-tserkvy-moskovskoho-patriarkhatu-mytropolyta-kyivskoho-i-vsiiei-ukrainy-onufriia-iepyskopatu-dukhovenstva-ta-murian/> (дата обращения 06.03.2022).
18. Александров К. Заштатный московский клирик пытается расколоть УПЦ? URL: <https://spzh.news/ru/zashhita-very/87056-zashtatnyj-moskovskij-klirik-rytajetsya-raskoloty-upc> (дата обращения 15.05.2022).
19. Для українського народу на кремлівську агресію може бути лише одна відповідь: згуртований опір та боротьба з агресором до перемоги – Митр. Епіфаній. URL: <https://bukinfo.com.ua/viyna-na-shodi/dlya-ukrajinskogo-narodu-na-kremlivsku-agresiyu-mozhe-buty-lyshe-odna-vidpovid-zgurtovanuu-opir-ta-borotba-z-agresorom-do-peremogy-mytropolyt-epifaniy> (дата обращения 15.05.2022).
20. Митрополит Антоний проинформировал иерархов и Предстоятелей Поместных Церквей о текущей церковной ситуации в Бориспольской епархии. URL: <http://pravoslavue.org.ua/2022/> (дата обращения 15.05.2022).
21. «Московскому Патриархату места в Украине после войны уже нет», – религиовед Виктор Еленский. URL: https://risu.ua/ru/moskovskomu-patriarhatu-mesta-v-ukraine-posle-vojny-uzhe-net-religioved-viktor-elenskiy_n127279 (дата обращения 15.05.2022).
22. Оцінка ситуації в Україні (8-9 березня 2022). URL: https://ratinggroup.ua/research/ukraine/ocenka_situacii_v_ukraine_8-9_marta_2022.html?fbclid=IwAR1HulUiwly3_V0BaPj8UJK69vE96Hs3sO10qgzNObTOfNZ_UDnVbYcNV0qU (дата обращения 20.03.2022).
23. Проект Закона № 7204 від 22.03.2022. Про заборону Московського патріархату на території України. URL: <https://itd.rada.gov.ua/billInfo/Bills/Card/39276> (дата обращения 22.03.2022).
24. Іванченко В. “Правий сектор” звернувся до священників Московського патріархату: "Краще, що вас чекає – це еміграція". URL: <https://www.gazeta-misto.te.ua/pravyj-sektor-zvernuvsya-do-svyashhennykiv-moskovskogo-patriarhatu/#> (дата обращения 15.05.2022).

25. Святейший патриарх Кирилл возглавил заседание Высшего церковного совета. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vlPfqGqtdy0> (дата обращения 15.05.2022).
26. Основи соціальної концепції Української Православної Церкви. — 0-75 К.: Інформ.-вид. центр УПЦ, 2002. — 80 с. — С. 34.
27. Українська Православна Церква Синодальний інформаційно-просвітницький відділ УПЦ. URL: <https://news.church.ua/2022/05/27/postanova-soboru-ukrajinskoji-pravoslavnoji-cerkvi-vid-27-travnua-2022-roku/> (дата обращения 15.05.2022).
28. Это по вашему благословению разрушают церкви. Порошенко в разрушенном храме обратился к Кириллу. URL: https://risu.ua/ru/eto-po-vashemu-blagosloveniyyu-razrushayut-cerkvi-poroshenko-v-razrushennom-hrame-obratilsya-k-kirillu_n130815 (дата обращения 15.05.2022).

Научное издание

**ЖУРНАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Выпуск № 2 (81) 2022 год
под редакцией С.В. Беспаловой

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
31.05.2022 (протокол № 5)*

Редакция сборника

Главный редактор – кандидат исторических наук,
доц. **Разумный Виталий Витальевич**
Тел.: +38 (062) 302-07-25
e-mail: donnu.hist@donnu.ru

Ответственный за выпуск – Бобровский А.С.

Компьютерная верстка:

Посредников Д.В.

Художественное оформление:

Грудева Е.Г.

Ответственный секретарь:

Посредников Д.В., к-т ист. наук

Адрес редакции научного журнала:

исторический факультет
ул. Университетская 22,
г. Донецк,
283001

Издательство Донецкого национального университета
283001, Донецк, ул. Университетская, 22

Подписано к печати 08.07.2022 г. Формат 60x84/8. Бумага типографская.
Печать цифровая. Условн. печ. лист. 7,18. Тираж 300 экз. Заказ № март302

Донецкий национальный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
Серия ДК 1854 от 24.06.2004 г.